

ВРЕМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

Выпуск 3 (7) 2018

Нью-Йорк
2018

ВРЕМЕНА
Международный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

VREMENA
International Journal of Fiction, Literary Debate,
and Social and Political Commentary

Publisher Leon Mikhlin

Editor David Guy

Design and layout Slava Petrakov

Copyright © 2018 Leon Mikhlin

No part of this publication may be reproduced or transmitted
in any form or by any means – electronic, mechanical,
photocopy, or any other – except for brief quotations in printed reviews,
without prior permission from the Publisher.

For any information about obtaining permission to reproduce
selections from the journal, please call **917-922-4153** и **646-270-9615**
or send an email to **lbm28w@aol.com** и **guydavid094@gmail.com**

All rights reserved

ISBN: 978-1720931669

Printed in the United States of America

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ИРИНА БАСОВА-ЗАБОРОВА	(Франция)
Марк ВЕЙЦМАН	(Израиль)
ГЕННАДИЙ КАЦОВ	(США)
ГАРИ ЛАЙТ	(США)
АНДРЕЙ ОСТАЛЬСКИЙ	(Англия)
ЛАРС ПОУЛЬСЕН-ХАНСЕН	(Дания)
СЕМЕН РЕЗНИК	(США)
МИХАИЛ РУМЕР-ЗАРАЕВ	(Германия)
ЭЛЛАЙДА ТРУБЕЦКАЯ	(США)
МАРИНА ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР	(США)
ЕВСЕЙ ЦЕЙТЛИН	(США)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Давид ГАЙ
Катарсис 6

Леон МИХЛИН
Индийский гамбит (продолжение)..... 75

Борис САНДЛЕР
Маленькие человечки 100

Моисей БОРОДА
Шоколадный музей 109

ПОЭЗИЯ

Гари ЛАЙТ 66

Марк ВЕЙЦМАН 120

Эллайда ТРУБЕЦКАЯ 158

Аркадий САНДЛЕР 262

Лариса ИЦКОВИЧ 276

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Яков ФРЕЙДИН
Молоток Хаммер 125

МЕМУАРЫ

Андрей ФРОЛОВ
Генерал СМЕРШ 146

ВЕЧНАЯ ТЕМА

- Михаил РУМЕР-ЗАРАЕВ
Трамвайный дьявол и Бог с улицы Злотой..... 167

ДАТЫ

- Семен РЕЗНИК
Цареубийство..... 194

РЕМИНИСЦЕНЦИИ

- Габриэль ВАЛК
Как я был издателем в Израиле..... 268

ВЕРСИЯ

- Яков ФРЕЙДИН
Дразнилка Шекспир..... 280

БИБЛИОГРАФИЯ

- Юрий ОКУНЕВ
«Эта короткая жизнь»..... 300

- Лия ЧЕРНЯКОВА
«Не добрадили по пескам, не осознали суть пустыни...» 305

- Ларс ПОУЛЬСЕН-ХАНСЕН
Ингер Кристенсен: «Свет» и «Трава» 307

Давид ГАЙ

КАТАРСИС

Роман

Перед вами, уважаемые читатели, заключительная часть трилогии, посвященной путинской России. Предыдущие романы – «Террариум» и «Исчезновение» – увидели свет в США соответственно в 2012 и 2015 г.г. («Исчезновение» одновременно было издано в Украине). Первая книга трилогии переведена на английский и продается на Amazon (David Guy, The Terrarium). Тексты обоих романов можно прочесть в Сети (za-za.net).

Реалистическое повествование в этих произведениях причудливо переплетается с антиутопией – с присущими ей предсказаниями и предугадываниями, фантасмагорией, гротеском, сатирой... Многое в тексте зашифровано, однако легко узнаваемо. «Катарсис» по сюжету и манере письма стоит особняком – здесь я как автор в какой-то мере использовал элементы жанра фэнтези. Герои повествования, по времени перенесенного в начало 30-х годов нашего столетия, становятся участниками необычного эксперимента по приему **таблеток правды**, призванных излечить от искривленного, деформированного восприятия действительности. Что из этого получилось, вы узнаете из романа.

Автор

1

Вереница бело-голубых автобусов с тонированными стеклами в сопровождении полицейских Ford Focus и внедорожников без номерных знаков стремительно двигалась по скоростной линии федеральной трассы. На бортах автобусов привычно сверкали карминные, цвета крови, горизонтально, вертикально и навкосяк

уложенные фразы: «Родина – не та страна, в которой живу я, а та, которая живёт во мне»; «Родину любят не за то, что она велика, а за то, что она своя»; «Ты должен посвятить отечеству свой век, коль хочешь навсегда быть честный человек»; «Надо, чтобы родина была для нас дороже нас самих»; «В ком нет любви к стране родной, те сердцем нищие калеки»; «Одна ты на свете, одна ты такая...»

Со стороны могло показаться перемещением общественного транспорта по какой-то своей надобности, но машины охраны, а их было больше, чем автобусов, придавали кортежу некую не ведомую непосвященным таинственную значимость. Впрочем, посторонних не волновало, кто, куда и зачем едет; взгляд вчуже не фиксировался на кортеже, а если и замирал, то на мгновение-другое, касательно же бортовых изречений, то и тут ничего особенного не наблюдалось – ими или похожими испещрены были улицы и площади, пролеты мостов и въезды в тоннели, парки и скверы, вокзалы и аэропорты, жухлая трава вдоль железнодорожного полотна и фасады зданий. Жители Славишии привыкли к ним, просыпаясь и отходя ко сну с неколебимым ощущением, что так было всегда.

Некоторые пожилые, одолеваемые заполошными, навевавшими неизбывную горечь и залетейскую тоску мыслями, против воли вспоминали когда-то прочитанное о Годах Страха и Морока: крытые фургоны с надписями «Хлеб», «Мясо», «Молоко» тайно перевозили арестованных *врагов народа*, и никто не должен был догадаться, кто внутри, но – догадывались и молчали. Ознакомление с подобной неположенной литературой, понятно, отнюдь не поощрялось, ее в свое время изъяли из библиотек и книжных магазинов, но полностью уничтожить память о происходивших допрежь событиях столетней давности не смогли, хотя очень старались.

Разглядеть сквозь тонированные стекла стремительно мчавшихся автобусов лица пассажиров не представлялось возможным, да никто из редких пешеходов обочь трассы и водителей обгоняемых легковых и грузовых машин не горел особым желанием. Едут себе и едут по своим надобностям, кому какое дело...

Автобусы и эскорт сопровождения остановились на парковке у лишенного архитектурного изыска скучного девятиэтажного, цвета терракота, здания без балконов. Оно напоминало поставленный на *попа* спичечный коробок. В этот момент откуда-то с навершья уда-

рила музыка и зазвучали записанные на пленку, исполняемые хором слова замечательной, тешащей душу, известной всем жителям страны песни:

*Ярко горят купола золотые
Над белой крепостью монастыря...
Все испытанья во славу Славишии
Ты одолела, родная земля!
Тихие улочки в сёлах и весях
К озеру тянутся, как ручейки.
Это – Славишии нежная песня,
Это – живые её родники.*

Место, куда прибыли автобусы, считается одним из самых приманчивых на трассе между двумя главными городами страны. Нет ничего, пожалуй, более красивого, чем эта возвышенность – отсюда из маленького ключа начинается свой путь великая река, здесь же истоки других больших и малых рек, сотни озер, тысячи родников, по сути, возвышенность – основной источник пресной воды в Славишии – под землей тут покоится огромная сеть водоносных пещер.

На треугольном, омываемом с двух сторон полуострове расположен *особый объект* – вокруг полсотни гектаров векового могучего соснового и елового леса и колдовское озеро с удивительно прозрачной водой, метра на три видно и песчаное дно, и плавающие рыбки, над озером почти не бывает ветра, поскольку оно узкое, да к тому же окружено высокими, покрытыми лесом холмами, так что ветру здесь просто негде разгуляться. Помимо единственной дороги, к *особому объекту* можно добраться по наплавному понтонному мосту через водоем.

Когда-то поблизости находилась дача тогдашнего Властелина, одноэтажный особняк был построен в 1938 году, строители были привезены из столицы, работы вели и под землей – сооружали бункер, предполагалось, что здесь можно будет укрываться во время войны; Властелин №1 был здесь лишь один раз и, изучив карту местности, не на шутку испугался: узкий полуостров, к даче ведет всего одна дорога, кругом темный лес; он обошел территорию, вернулся к

машине хмурый и укатил, бросив напоследок зловеще-шелестящее: «Ловушка»...

В первое тридцатилетие века нынешнего на *особом объекте* изредка бывал другой Властелин, №2, которого, как и предшественника, обожал народ, которого убедили в том, что без этого великого не ростом, а умом и решительностью человека нет Славишии. Проверить эту сентенцию невозможно было до определенной поры, но с *уходом* Властелина, в свой срок покинувшего земную юдоль, выяснилось, что сентенция не вполне точна. Народ, удивительное дело, *выжил* и, высоковыинный и до конца не изуверившийся в обещанной ему особой миссии и роли на земле, двинулся дальше, попробовав, елико возможно, забыть остуду, окаянства, поношения и стать наконец-то хозяином своей судьбы.

Но поначалу людей охватила мгновенная, не поддающаяся объяснению, неподвластная разуму, безграничная и всеохватная, почти мистическая любовь к навсегда покинувшему их вождю, и даже вчерашняя ненависть (находились и такие!) оборачивалась если не любовью, то прощением; но при всем при этом, сквозь скорбную музыку, приглушенные, неэмоциональные голоса ведущих и гостей теле- и радиостудий, выступления ораторов на организованных митингах и собраниях трудовых коллективов слабо, еле уловимо, с почти нулевыми децибелами, словно сам по себе, доносился *вздых облегчения*, он пробивался почти так же, как некогда в приемниках, продираясь сквозь мощные глушилки, потрескивал, шелестел, пищал желанный «Голос Заокеании»; вздох этот исторгали не только живые, одушевленные обитатели огромной страны, но, казалось, почва, вода, воздух, деревья, строения, звери, птицы, рыбы, насекомые, у этого вздоха не было имени, пола, возраста, адреса, он был безымянным, принадлежавшим не кому-то отдельно, а всем вместе, он стелился по земле подобно туману, когда в нем не видать ни зги...

Славишия училась существовать без участия бессменно правившего страной три с малым десятилетия вождя, однако по инерции какое-то время пыталась оглядываться на него, вернее, на его тень, и, таким образом, он все еще присутствовал в ее жизни.

Память о покинувшем страну великом человеке, как принято, решили увековечить: был объявлен конкурс на памятник; в Сети, подавленной ограничениями и запретами, но все еще живой, вер-

нее, полуживой, валом повалили идеи и предложения, однако мнениями пользователей по сему поводу никто во власти не заинтересовался, а зря. Между тем, среди идей и предложений попадались весьма оригинальные, например, отлить фигуру в бронзе со щукой в руке и стерхом на плече; самодеятельный скульптор создал монумент в виде медведя с ликом усопшего, придавившего лапой орла, в виде которого ваятель изобразил внешних врагов Славишии. Кто-то хотел отобразить спортивные достижения бессменного лидера, запечатленные в кимоно дзюдоиста с заткнутой за черный пояс хоккейной клюшкой.

Как бы там ни было, памятник в виде десятиметровой фигуры в бронзе появился на главной площади страны, рядом с Лобным местом. Скульптору удалось передать облик народного любимца, бушевавшие в нем незримо для окружения страсти тайные и безущербные; особенно удалась лукавая улыбка многомудрого отца, исполнившего сполна надежды и чаяния детей малых и неразумных.

Одновременно с установкой изваяния в Славишии выпустили купюры достоинством миллион рублей с ликом бывшего Властелина и памятные золотые монеты, переименовали в память о нем крупный населенный пункт, именем его назвали университет, где он учился, а в городе на болотах, где явился на свет божий, появились проспект и парк его имени.

Единственно, не срослось с причислением к лику святых: возникла было робкая инициатива *снизу* в последние пару лет жизни Властителя, но церковь напомнила, что при жизни в Славишии никого никогда не канонизировали и процесс можно запустить лишь тогда, когда со смерти праведника пройдет как минимум несколько десятилетий; обязательно нужно доказать, что подвижник вел благочестивый образ жизни (последнее требование не обязательно для мучеников, поскольку главное основание для их канонизации – документально подтвержденный факт мученичества за веру). Специальная Комиссия по канонизации также должна собрать свидетельства о чудесах, произошедших по молитвам, обращенным к данному человеку, если таковые зафиксированы. Для прославления подвижника обязательно его всенародное почитание. Тут тоже мог возникнуть вопрос... Важно также и то, что с точки зрения Церкви не канонизация делает человека святым, а его подвиг, а что из дея-

ний Властителя отнести к подвигам, а что таковыми не считать – тут мнения единого нет...

Короче, ничего с этим не вышло. Ну и хорошо, наверное.

2

Пассажиры покинули автобусы и петлявшей в лесу асфальтированной дорожкой гурьбой направились к входу в *девятиэтажный спичечный коробок*. Путь указывали спортивного телосложения молодые люди в строгих черных костюмах, белых рубашках и темных галстуках, в их глазах читалось настороженное равнодушие, на вопросы отвечали приторно-вежливо, делая вид, будто все происходящее их не касается и присутствуют они здесь исключительно по службе, род которой определить не составляло труда.

День выдался такой, какой и должен быть в начале бабьего лета – теплый и солнечный, с отсроченным безведрием. Красота начальной сентябрьской поры проявлялась здесь особенно ярко: закоротали просторные дни, незаметно превратились в хрустальные, тихие и задумчивые, загустели по утрам туманы, к полудню от них не оставалось следа, прозрачный воздух отодвигал горизонт, приоткрывал дали, тёмные ночи казались чуть светлее от нестерпимо ярких звёзд, алмазной аркой сверкал на ночном небе Млечный путь, ближе к горизонту опустилась Большая Медведица. Кроны берёз тронула первая заметная позолота, на дорожки слетали стайки жухлых хрустких листьев, к ним добавлялись сухие порыжелые сосновые и еловые иголки. Из окаймлявшего пространство леса доносился коктейль из смолистых запахов хвои и сырой гнилости веток, коры, старых трухлявых пней. Изредка в глубине выстреливало, звук отдавался эхом, казалось, кто-то ударил палкой по крепкому стволу; иногда прокатывались шорохи и шелесты – наверное, заяц, белка или бурундук порскнули в чащобу. На деревья и травы ложилась тончайшая пряжа пауков-тенетников, под дуновением ветерка блестящие паутинки парили над головами нежными парашютиками... Гроздь рябины и обильные желуди на дубах предсказывали долгую дождливую осень и снежную зиму.

Один из тех, кто вместе с остальными брел к входу, однажды уже побывал в этих местах именно осенью и описал их в своем ро-

мане, чей факт рождения вынужден был скрывать – тогда всего на один день окунулся в баснословную природу, проникся восторгом прикосновения к светлому и чистому, почти нигде не сохранившемся, запечатлел в памяти, чтобы потом положить на бумагу; к *особому объекту* однако его и близко не подпустили, да он и сам не стремился, ибо понимал: наверняка задержат и допросят – чего это он тут шастает, столичный гость-литератор, по какой-то такой надобности...

В холле прибывших ожидала регистрация. Каждому вручили пластиковую аккредитационную карточку на мелкой цепочке, ее надлежало в обязательном порядке носить на груди. Бэйджики были разного цвета – красные, черные, зеленые, с фотографиями и первыми двумя или тремя буквами имен – своего рода незамысловатый шифр, неловкая конспирация, о чем заблаговременно позаботились строители.

Обычно бестолковая и нудная процедура регистрации на сей раз прошла на удивление четко, уложилась всего в полчаса. Все было рассортировано и обозначено заранее, включая номера комнат, что свидетельствовало о серьезности и кропотливой тщательности подготовки.

Аккредитованных разбили на три группы, в зависимости от цвета карточек. Дана (*так он значился в красной карточке*) и других подняли лифтами на пятый этаж. Усекновение на документе собственного имени слегка раздосадовало. Зачем, по какой такой надобности? – пожал он плечами. Впрочем, *ныне время имен уменьшительных, ныне время людишек решительных*, – скользнуло и растворилось в воздухе, как разноцветная пыль с мотылька. Вот именно – людишек...

Как в старые добрые времена, металлические ключи торчали в замочных скважинах. Комнаты ждали гостей. Дан вошел в небольшой номер с дешевой мебелью: раскладным диваном бежевого колера, прямоугольным, придвинутым впритык к окну столом без тумбочек, низким креслом и стулом из ДСП, поставил чемодан в углубление при входе и осмотрелся. «Обстановочка спартанская, ничего лишнего, отвлекающего, даже телевизора нет. И телефона. Не говоря уже о компе. Связь с внешним миром только посред-

ством мобильного, так?» – спросил сам себя и утвердительно потряс головой.

Вывод относительно мобильного оказался преждевременным. В дверь постучали. Вошел блондинистый молодой человек в строгом костюме-униформе из тех внешне неотличимых сопровождающих, присутствовавших в холле.

– Здравствуйте, я из группы обслуживания. Согласно инструкции о чистоте эксперимента, позвольте осмотреть содержимое ваших вещей.

Голос парня был бесцветным, не окрашенным эмоциями, как и его внешность. Кукла, истукан с водянистыми глазами, словно на заказ сделан, спрос на них повышенный...

Дан хмыкнул, поднял чемодан, положил на диван и раскрыл. Блондин бегло бросил взгляд на плащ, куртку, кепку, зонт, рубашки, брюки, трусы, носки, бритвенные принадлежности, бутылку водки, пару бутылок вина и несколько банок консервов. Ничто его не заинтересовало, кроме лежавших на самом дне книг. Он попросил вынуть их и пояснить содержание.

– Содержание? Элементарное. Обе с историей связаны. Книжки разрешенные, в особых списках не состоят, можете проверить. Вот эта, читайте название: «История Славишии: конец или новое начало?» Изучает и объясняет чередование взлетов и катастроф, почему либералов в народе не любят и прочее. А вторая размышляет, правы ли те, кто считает, что в истории нет никакого беспристрастного подхода, а факты существуют лишь в их интерпретации, то есть якобы существуют не сами по себе, и нет в истории никакого беспристрастного подхода. В общем, как кому и что в голову придет...

Парень непроизвольно поджал тонкие, ниточкой, невыразительные губы, заморгал белесыми ресницами, отчего лицо приняло слегка обескураженное выражение; будь он посмекалистей, принял бы непонятку, изрекаемую худосочным типом с колючим, с ехидцей, взглядом, за скрытое издевательство: какие на хер факты... На самом деле, Дан вовсе не испытывал желания пускаться с соглядатаем в рацеи, ему хотелось побыстрее закончить никчемный разговор, ибо догадался, что книги отберут, оттого и пудрил мозги служивому.

Книги блондин и в самом деле забрал – ничто не должно отвлекать, а книги для ознакомления предложат иные, специально отобранные. А еще попросил ноутбук без клавиатуры, смартфон с голосовым вводом и видеосервисом, зарядное устройство. Дан попытался возразить, но парень остался непреклонен:

– Извините, такова инструкция. Вам сегодня все объяснят... Других девайсов не имеете? Ну и хорошо... А сейчас по расписанию обед. Спускайтесь в столовую, вход из холла...

Обед превзошел все ожидания. Живая очередь с подносами выстроилась у бара с всевозможными салатами, накладывать в тарелки можно было сколько угодно, супы, вторые блюда и десерты обилием напоминали Дану славные времена его молодости, когда цена на нефть зашкаливала и кафе и рестораны ломались от еды, правда, по ломовым ценам, в ту пору еще доступным. А главное, все в столовой было бесплатно – *чистота эксперимента*, очевидно, диктовала сытость желудка.

Народ оживленно носился с наполненными жарочкой подносами. Ставшие достоянием большей части жителей Славишии продовольственные талоны выглядели на фоне представленного изобилия жалкой пародией на еду. Дан всматривался в жующую публику, пытаясь понять, кто же они, решившие принять условия эксперимента, своего рода игры, чьи правила не до конца ясны. Сотни полторы сидевших и перемещавшихся в броуновском движении по залу включали людей разных возрастов, замечались совсем юнцы и старики, женщин было примерно столько же, сколько и мужчин, среди совсем молодых особ Дан не углядел красивых, по крайней мере, на его вкус, зато постарше выглядели вполне достойно, особенно одна, жгучая брюнетка с шафрановыми щеками.

Суть окружающих он обычно определял по лицам: что бы они потом ни говорили, как бы ни пытались представить себя в ином облике – судил о них, исходя из внешности. Про некоторых в свойственной ему грубовато-прямолинейной манере говорил: *«Такие лица надо носить в штанах...»*

При всей легковесности, несерьезности и даже рискованности такого метода он почти не ошибался в оценках, чаще всего его безобманчивые суждения соответствовали реальности. С другой сто-

роны, сам себя поправляя, сдерживал негативную реакцию: в конце концов, с лица воду не пить...

При этом вовсе не считал самого себя эталоном мужской привлекательности – напротив, объективно определял свою внешность как достаточно заурядную: долгоногий, сухопарый, с наметившейся проплешинной средь начавшего седесть бобрика; серо-зеленые задумчивые глаза, отнюдь не греческий нос, рельефно очерченный жесткий рот являли образ погруженного в себя интроверта, не умеющего улыбаться, а если и появлялась улыбка, то какая-то вымученная, неловкая, будто человек стыдился ее. Единственно красила лицо ямочка на подбородке, в которую изредка влюблялись женщины. Ямочка делала его похожим на знаменитого футбольного тренера. В общем, не мужчина-вамп, однако физиономия его явно не заслуживала участи быть носимой в штанах – так, во всяком случае, ему мнилось.

Лицо брюнетки показалось лишенным теплоты и нежности. Сидела незнакомка от него достаточно далеко, повинувшись внутреннему неосознанному импульсу, он подошел поближе к ее столу – и впрямь хороша, сочная привлекательность еще не перезревшей женщины под сорок; она поднялась, и Дан отметил *окатистость* фигуры – отраду жадных мужских взоров. Опущенные уголки губ, острый нос, пучок схваченных резинкой длинных, с мелкими завитушками по концам, волос рождали почти законченную картину, не хватало окончательного штриха, но какого – Дан не ведал. В профиль она напоминала строгую птицу с черным оперением, готовую, если понадобится, к немедленному отпору. Посредине сиреневой кофточки, между впечатляющими холмами, виднелась пластиковая карточка красного цвета. Он разглядел две буквы шифра: Юл.

Обед заканчивался. Брюнетка, не замечая пристального взгляда, двинулась к выходу, Дан следом. Женская походка служила ему еще одним важным определением характера и манеры поведения. Он мог бы составить достаточно точный и емкий портрет, скажем, ковыляющей или семенящей особы, понятно, не самой по жизни благополучной и успешной; или скользящей, словно передвигающейся на колесиках, или подпрыгивающей, прыскающей, олицетворяющей молодость и оптимизм. Идущие стремительно, никого не замечая, – большей частью чем-то озабочены, энергичная мужепо-

добная походка – точно бизнес-леди, в личной жизни швах, хватается за работу, как за соломинку. Про вихляющую походку, с бедра на бедро, и говорить нечего – тут все ясно, максимально усиливает сексуальные сигналы, особенно впечатляет при ходьбе на высоких каблуках.

Странно, он не мог определить характер и склонности незнакомки под кодовым именем Юл – ее походка ничего не выражала, вероятно, потому, что шла она медленно в снующей толпе. Шаги ее ни на что не намекали.

Дан не подошел к ней, не завел ни к чему не обязывающий разговор, хотя повод напрашивался сам собой – они были в одной, помеченной красным цветом группе, и сам бог велел познакомиться. Так иногда с ним происходило и раньше: вдруг мозг выключался, речь парализовывалась, он не мог произнести ни одного внятного слова, словом, наступал ступор, возникавший при виде женщины, к которой он испытывал внезапную тягу, и требовались немалые усилия выйти из оцепенело-сумеречного состояния.

3

После обеда он побродил с полчаса по аллеям возле пансионата, понежился на проступившем сквозь облака солнышке и отправился в номер. Разложил диван, улегся, не раздеваясь, и смежил веки. В последний год он почти регулярно позволял себе часок-другой *отдаться объятиям Морфея*, как характеризовал дневной отдых. Старик Болконский прав: дообеденный сон – серебряный, послеобеденный – золотой. Дан предпочитал золотой.

Сейчас сон не шел, в мозгу, как на экране, прокручивались не связанные между собой, хаотичные видения и картины, причудливо вились, мельтешили, словно назойливая мошкара, изредка возникала брUNETKA Юл и мигом исчезала, и незаметно, исподволь экран переносил в события совсем недавние, обусловившие нынешнее пребывание Дана среди таких же, как он, добровольных участников по меньшей мере странной и в чем-то полубезумной затеи.

Началось со случайного разговора с давним приятелем, когда-то вместе по заказу написали звонкую книжку о только что за-

кончившейся победоносной войне с соседним государством, встающая с колен Славишия оттяпала лакомый кусок чужой, омываемой морем территории, и две большие области у соседей, прежде именуемых братьями, враги вокруг подняли вой и побудили прекратить боевые действия, хотя захваченную землю проигравшим никто не вернул. Как принято, последовали вражеские санкции и контрсанкции против врагов – и самих себя – по части запрета импортной еды. Выживающая кое-как страна приняла наказание внешне безропотно: знала кошка, чье мясо съела, но внутри ощерилась злобой и ненавистью против проигравших, раздуваемое зомбоящиком пламя могло, казалось, спалить дотла, однако превратилось в холодный бенгальский огонь.

На ту войну спустя годы смотрели по-разному, гром победы сменился разочарованием – а надо ли было проливать кровь, чужую и свою, потом опять возобладала гордость за проявленные силу и величие, и вот теперь, под влиянием теплых ветров обещанных перемен, войну с соседями старались не вспоминать всеу, а если и вспоминали, то без радости и упоения.

Дан стыдился книги, начириканной ради высокого гонора вдвоем с приятелем, тоже журналистом и писателем, старался нигде не упоминать, а приятель, которому мирволили некоторые влиятельные особы, напротив, кичился авторством, фрондировал, злобно отвечал критикам в Сети, заслужив в определенных кругах репутацию *нерукопожатного*. Дан однако не порвал с ним отношения: изредка приятель звонил по мобильнику, Дан отвечал, хотя и без большой охоты.

Пересеклись они в театре, на премьерном спектакле пьесы-антиутопии молодого модного драматурга, столичная культурная публика, презрев высокую стоимость билетов, валом валила, действие на сцене в руках культового режиссера превращалось в ныне дозволяемую, в определенных, конечно, пределах, сатиру. Дан знал режиссера-прибалта, тот выделил контрамарку, как ее называли в старину, и Дан заполучил место в седьмом ряду по центру, сэкономив энную сумму, вовсе не лишнюю в его одиноком холостяцком положении и отсутствии твердого, стабильного заработка.

В антракте он наткнулся на соавтора, ведущего под руку жену, худющую, с выпирающими ключицами крашеную блондинку,

подвинутую на диетах, о чем злорадно сплетничали в Сети ненавистники приятеля. Тот обрадовался неожиданной встрече, полез лобызаться, Дан едва уклонился, приятель, не обращая внимания, увлек его за собой, препоручив субтильную супругу какой-то ее знакомой.

– Сто лет не виделись! Ты служишь или по-прежнему на вольных хлебах? Прокормиться, не служа, нынче тяжело. Я в минкульте подвизаюсь, участвую в выделении грантов на патриотические фильмы. Дело хлебное, скажу откровенно... Кстати, ты почему не носишь? – и указал на прикрепленный к левому лацкану своего твидового пиджака позолоченный знак с чернением: сверху элементы короны, под ними тонкая изломанная линия на манер провисшей ленточки, виньетки по бокам, в центре слова: «Патриот первой степени».

– Дома забыл, – ничего лучше не придумал с ответом.

Приятель понимающе хмыкнул: ну-ну...

Появлению этих знаков и сдаче экзаменов за право их получения предшествовала бурная дискуссия в зомбоящике и СМИ. Страсти бушевали нешуточные: одни встретили идею с пониманием, одобрением и даже восторгом, другие – с глухой ненавистью, завуалированной в туманные рассуждения об истинной сути такого явления как патриотизм; звучали знаменитые имена, сподобившиеся оставить нетленные высказывания по сему поводу; в конце концов, было принято решение учредить знаки трех степеней, в зависимости от результатов экзаменов и общественного лица претендента – замешанные в демонстрациях, шествиях, пикетах и прочих противоправных акциях не имели шансов обзавестись такими знаками. Иными словами, некоторых автоматически отсекали от возможности гордо носить знаки отличия гражданина Славишии. Впрочем, они и не стремились к этому – и вообще, дело вроде бы добровольное, никто никого не неволил...

Дан решил в эти игрушки не играть – патриотизм он понимал по-своему, не так, как большинство, ему казалось – понимал *правильно*, памятуя ставшее расхожим, но от этого не менее точным высказывание одного заокеанского социалиста: «Я из тех, кто хочет выстирать флаг, вместо того чтобы сжечь его». А еще он часто повторял про себя фразу великого, не оцененного на родине писателя,

совершившего историческое путешествие из столицы в Гребешки: «Что же, и я Славишию люблю. Она занимает шестую часть моей души».

– Слушай, есть новость. Сногшибательная, – приятель заговорщически подмигнул и приблизил лицо. Пахнуло несвежим запахом изо рта. – Затеваешь необычный эксперимент, медико-психологический, или как его там черта назвать. Все пока в тайне. Ищут добровольцев, согласных испытать новое средство на предмет освобождения от якобы пропитавшей нас всех лжи. Ни больше – ни меньше! Представляешь?! И неплохие деньги сулят. Кому-то *наверху* неймет вставить свои пять копеек в процесс высвобождения от вериг прошлого... Ерничая, но смысл таков. Умникам кажется: главная наша беда, что все давно живем по лжи, не отличаем от правды, погрязли в дерьме, забыли, что есть святое понятие. И живем все хуже, беднее, бесперспективнее, со всем миром в ссоре, никаких надежд, бабы рожать не хотят... Короче, умники пропаганду намерены изменить, вектор перенаправить. Если заинтересует, позвони, дам координаты организаторов, попробуй, заодно заработаешь...

С этого и началось.

Приятель вывел на устроителей, куратором их считался замруководителя администрации президента, сын века, из поколения Z, родившийся в самом начале двухтысячных и прославивший вольтерьянцем. Для него и немногих исповедующих свежие идеи коллег настало подходящее время, они из кожи вон лезли, дабы не упустить свой шанс. Возможно, именно в шалой голове вольтерьянца и зародилась мысль использовать на практике разработанные в потаенных кабинетах сверхсекретного Института *пилюли правды*.

Дан заполнил анкету, похожую на существовавшие в приснопамятные годы, когда его не было и в помине, но о которых был слышан, вопросы заковыристые, он с ними справился, придрать-ся вроде не к чему: литератор, автор полтора десятков книг, документальных и художественных, работал в известных изданиях, их, правда, закрыли как неблагонадежные, однако он там не был на первых ролях, никого из властей предержавших особо не раздражал. На зомбоящике не служил, это, бесспорно, минус, хотя для участия в эксперименте значения не имеет – он тоже врал в своих писаниях,

прикрывался ложью, прекрасно понимая пагубность сего, так делали почти все, за исключением десятка-двух ярых диссидентов, однако по сравнению с выдумками на федеральных каналах его ложь выглядела мизерной, ничтожной, как жалкий, то и дело иссыхающих мутный ручеек в сравнении с водопадом нечистот, обрушивающихся на головы зомбозрителей. К тому же в правду верят только мошенники, потому что верить можно в то, чего не понимаешь, – вычитал у знаменитого историка Славишии.

Он успешно прошел собеседование, интервью, как его называли на западный лад. Беспокоило, не зададут ли коварный вопрос относительно *того самого* антиутопического романа – Дан подробно описал жизнь Славишии во главе с Властелином №2, на чью Резиденцию жаждал взглянуть издали хоть одним глазком, предположил, что произойдет со страной после ухода Властелина, многое нафантазировал, что-то угадал, что-то реальная жизнь опровергнула, роман никто не взялся издать, поскольку затея справедливо казалась стремной и небезопасной. Дан втихаря разместил текст в интернете и рискнул выпустить за свои средства малым тиражом в Заокеании, на русском и английском. Деньгами ссудила дочь. Знали о существовании романа немногие, бума он не произвел, рецензий почти не было, хотя откликнувшиеся хвалили взахлеб: язык замечательный, присутствует, по Набокову, *возвышенная стыдливость слова* (только он и мог так выразиться), образ Властелина поразительно точный...; кое-где в Сети гуляла молва – автор осмелился.., замахнулся.., как бы без головы не остаться... Дан считал роман лучшим из всего им написанного, своего рода компенсацией за фальшивую заказную соавторскую книжку о победоносной войне с соседями, и читавшие с ним соглашались.

Проводил беседу *товарищ оттуда*, интересовался ответами на анкетные вопросы, ничего иного не касался, не дотошничал, не докучал, не спрашивал про дочь-эмигрантку, лишь по одному-единственному поводу попытался залезть в душу – почему известный литератор (польстил!) все-таки решил участвовать в эксперименте. Дан не стал размазывать сопли: «Мой долг как гражданина – помочь реализовать смелый проект по улучшению жизни общества, избавлению от мешающих развитию фальши и химер...» Проводивший беседу понимающе ухмыльнулся – демагогический ответ его вполне

устроил. Он же особо предупредил *о неразглашении* – это, впрочем, и так было понятно.

Бесспорно, меркантильный интерес, на который намекал приятель, не стал решающим в желании *поучаствовать*. Конечно, доллары не помешают, тем более, один бакс стоит почти сотню рублей, но суть не в деньгах – Дан сводил концы с концами, не надеясь на литературный заработок, вполне мизерный. Он был давно разведен, вторая половина, переводчица, бросила его, страстно влюбившись в деловара из страны на Апеннинах, и отбыла с ним туда. Больше не женившись, Дан поднял с помощью родителей на ноги двенадцатилетнюю дочь. Бывшая жена пыталась ее забрать – он проявил упорство, включил все связи и разрушил планы беглянки. Обитала дочь после замужества в Эстии и вместе с мужем, как все аборигены, неразговорчивым и себе на уме, растила двоих мальчишек, внуков Дана. Виделись они два раза в год, летом и зимой, притом ездил к ним Дан, поскольку дочь и ее семейство терпеть не могли Славишию.

Он остался в двухкомнатной квартире на Земляном Валу. Сдача квадратных метров внаем гарантировала более-менее сносный прожиточный уровень, разумеется, без излишеств, а сам иногда бросал якорь у женщин, с которыми сводила судьба, но больше времени жил на доставшейся от отца с матерью, научных работников, невзрачной одноэтажной деревянной даче в западном направлении, в двадцати пяти километрах от столицы. Дан обожал дачу, пусть и выглядела гадким утенком среди роскошных коттеджей нуворишей, здесь ему хорошо думалось и писалось.

Многое окрест столицы изгадилось, западное же направление осталось наиболее чистым и пригодным для жилья, здесь скупил земли и обосновались министры и прочие высокие чиновники, новоиспеченные воры и бандиты, с чьей-то легкой руки именовавшиеся олигархами и просто предпринимателями, чья предприимчивость тоже была замешана на крови и жульничестве, только им повезло меньше и состояние их оценивалось не миллиардами, а цифрами, усеченными на три нуля; модные артисты, режиссеры, телеведущие и прочая публика, именуемая элитой, включая так называемых светских львиц, которых прежде звали совсем иначе.

Обитал в тех местах, в одной из разбросанных по стране Резиденций, и прежний Властелин. Оглядеть и оценить поместье во всей его целокупности можно было только с высоты птичьего полета, но вездесущие воробьи, овсянки, галки, вороны, синицы не умели разговаривать по-славяшски, равно как и на других языках, их птичьи пересуды никому не понятны, к тому же маловероятно, что птицы обмениваются впечатлениями относительно увиденного на земле – мало ли красот, над которыми доводится им пролетать; еще можно было увидеть постройки с вертолета – поместье имело вертолетную площадку – однако удовольствие это доступно было лишь входящим в специальное авиаподразделение и, понятно, самому Властелину и его личным телохранителям, не покидавшим его ни на шаг. Другим же пилотам и пассажирам категорически запрещалось появляться в небе над Резиденцией в радиусе 30 километров, а если каким-то невероятным образом появятся, ослушавшись приказа, то будут немедленно уничтожены ракетами класса «земля-воздух». Установки по их запуску замаскировали на отдельном участке Резиденции. Эти же ракеты являлись средством защиты при атаке террористов с воздуха. Такая ситуация на всякий случай тоже предусматривалась, равно как и вырытый на большой глубине и забетонированный бункер, где в случае чего можно будет укрыться (жизнеопеспечения бункера хватит на полгода).

По поводу Резиденции ходили разные пересуды, а больше слухи, поскольку внутри мало кому доводилось бывать: кто-то говорил о немислимой роскоши, кто-то, напротив, подчеркивал ее скромность и многофункциональность; на самом же деле присутствовало и то, и другое, смотря с чем сравнивать – сменяемый президент Заокеании имеет две резиденции, Главную и Загородную, а вот исповедовавший идеологию чучхе любимый вождь и суровый аскет, много лет бессменно правивший в голодной стране, в которой за провинности отправляют на работу в соляные копи и человек помирает через год-полтора, имел двадцать резиденций, доставшихся после его кончины сыну-наследнику власти: в одну проведен десятикилометровый воздуховод из соседнего соснового бора, в другой – семь этажей, но при этом каждый этаж равен четырем обычным – здесь чиновников заставляли танцевать на столах с обнаженными женщинами, но не притрагиваясь к ним, а рыбу вождю подавали

разделанной, но живой, с неповрежденными жизненно важными органами.

4

Итак, деньги за участие в эксперименте Дана не особо интересовали. Тогда зачем ему вся эта канитель, кому что он хочет доказать, а главное – нужен ли эксперимент, можно ли в самом деле излечить человека «пилюлей правды», совершить переворот в вывихнутых мозгах...

Вот ради ответа и решился потратить месяц с тайной мыслью по истечении срока сесть и написать нечто, навеянное добровольным затворничеством и осмыслением увиденного. Написать и издать, и не в далекой Заокеании, с которой Славишия поссорилась всерьез и надолго, может, навсегда, а в своем стократно изруганном всеми кому не лень отечестве, которое любят неистово и преданно, как страдающее тяжелым недугом дитя. Время подходящее, очередная ломка, переделка, перестройка (фу, гнусное словцо!..), недаром же затеялся диковинный эксперимент: глядишь, удастся, наглотаются чудодейственных таблеток редакторы и издатели, перестанут бояться собственной тени и огляда *сверху* и начнут публиковать крамолу, как в конце 80-х прошлого века, когда Дан еще пешком под стол ходил... И тогда придет черед и до его нового, покуда не сочиненного романа...

А как же гостайна, наказание за разглашение? Плевать на запреты – наверняка снимут, как случалось не раз: стойкие табу отправлялись в утиль под нажимом вдруг опамятававшегося общества. Надо ловить момент. «Участие в эксперименте – моя творческая командировка, так ее и нужно воспринимать», – словно подвел черту в своих размышлениях.

Славишия меж тем переживала новый период истории. После смерти Властелина, как водится и как предсказывали, возник родивший надежды и иллюзии период, что дальше пойдет не по-залаженному, а иначе: телевизионные сюжеты разительно менялись, как и сами ведущие – маячили на экране совсем незнакомые физиономии; имя обожествляемого Властителя и кадры его встреч и поездок исчезали из передач; еще совсем недавно дружно ненавидимых

пиндосов и *укропов* почти не упоминали, а если и упоминали, то тон был иной, куда менее враждебный и даже замириТЕЛЬный – ну есть они и есть, что поделаешь... Зато больше говорили о нехватке всего и вся, неотвратимо растущей инфляции, безработице, невыплатах зарплат, перерастающей в нищету бедности, превышающей рождаемость смертности – и плохо скрывааемым намеком – это в значительной мере плоды его, бывшего народного любимца, политики. Врать, впрочем, по невытравленной привычке продолжали: экономика типа растёт и повальные успехи, а у людей денег на жратву не хватало. Смелый блогер, осталось их считанное количество, рискнул написать: «Скоро, я думаю, будет ТВ-программа, где будут показывать вкусные блюда, а народ будет экран облизывать. Сейчас у нас первое. Сейчас второе – яичница-глазунья с ветчиной. Те же грабли – только раньше товаров не было, а сейчас – денег...» Удивительно, но осталось без последствий, блогера за задницу не схватили. Времена и в самом деле начали меняться.

И все это шло на фоне стремления губернаторов обрести, наконец, самостоятельность, уйти из-под жесткой опеки столицы, хозяйствовать не на заемные, а на свои, заработанные деньги. Еще в бытность Властелина пытались многие, у кого-то вышло, у кого-то толком не получилось – видно, время еще не настало; однако власть вынужденно укрупнила малолюдные, плохо освоенные территории, включая недра со скудеющими запасами нефти и газа, за тысячи километров к востоку и северу от столицы. Их начальники наделялись небывалыми правами. Однако о том, чтобы обрести подлинную и весьма желанную независимость, речь не шла – за это при прежнем Хозяине гнали взашей и сажали отдельных смельчаков-руководителей, особенно из мусульманских республик. Распад страны пытались предотвратить всеми средствами. Сами по себе стали жить лишь иноверцы в горах и предгорьях Кавказа, правда, денег из казны туда поступало все меньше, иноверцы копили злобу и ненависть, но покуда удерживались от большой войны, ограничиваясь отдельными вспышками.

Тем временем всячески подчеркивались достоинства Преемника, водившего дружбу с Самим, им и выбранным: упор делался на непринадлежности к *той самой* Организации, хотя кто к ней в Славишии не принадлежит, прямо или косвенно – найдите такого...

Сама же Организация наблюдала за процессом, слегка уйдя в тень и не выпячивая главного – сила и влияние по-прежнему принадлежат ей, и не стоит делать далеко идущие выводы от смены начальников и легкой чистки ведомств, наводивших страх на общество в бытность Властелина №2.

Преемник выпустил несколько указов, народ недоумевал и поражался, как моментально стала возможной отмена прежней жести. Становилось все чудесатее... Так, категорически запрещалось говорить с телеэкрана и писать в газетах о неотвратимости всеуничтожающей и всеопустошающей Третьей Мировой войны с ядерным исходом. Особо предупредили ястребиный, неоднократно посыпавший головы читателей радиоактивным пеплом журнал «Военное обозрение», предварительно сменив редколлегию. Журнал постоянно внушал читателям мысль: нам все время врали, на самом деле в ядерной войне может быть победитель и им будем мы. Что касается интернета, то едва блогеры и рядовые пользователи начинали рассуждать на еще недавно злободневную тему, провайдеры немедля закрывали их аккаунты.

Были амнистированы политзеки. Прекратили сажать за посты и репосты в интернете, да и сама давилка на Сеть ослабла. Разрешили (с некоторыми ограничениями) проводить несогласованные митинги, демонстрации и пикеты. Суды вдруг, ни с того ни с сего, начали выносить оправдательные приговоры. Верховный суд специальным вердиктом наложил мораторий на введенную в 2024 году смертную казнь. В детсадах старшего возраста, школах и высших учебных заведениях *пятиминутка патриотизма* становилась необязательной, хотите – проводите, не хотите – никто с вас не взыщет. Это же касалось ежедневных уроков православия, о необходимости их отмены снова всерьез заговорили мусульманские и еврейские организации. Либо отменяйте, либо добавьте курс истории религии с рассказом об основах ислама и иудаизма... Указом выдвигалось требование пересмотреть условия «патриотического стоп-листа». Распустили министерство счастья, некогда преобразованное из министерства одиночества, в котором боролись за полноценные браки и рост рождаемости. Спущенное минкульту новое распоряжение регулировало показ иностранных фильмов – не только в специальных кинотеатрах, а они наперечет и далеко не во всех

даже больших городах, но отныне и в обычных, в новой пропорции: два заокеанских или европейских и один наш.

И еще одно необлыжное, пришедшее сверху, нашло одобрение и поддержку народа – яростная борьба с иностранными словами и терминами ушла в прошлое. Устали все от этой борьбы, в которой невозможно победить. Не внове это было – переименовывать заимствованное из чужого на славянский, напрягать извилины, заменяя одно другим, дабы избыть зависимость, пробовали не раз с одинаково плачевным итогом, но все не удается и опять решили побороться за девственную чистоту родного языка, следуя указанию Властелина №2: *«Надо избегать излишней латинизации. Когда, например, мы в регионы едем – сразу виден уровень чиновника. Если все в латинских вывесках. Мы в какой стране живем-то?»* Но, верен себе, тут же поправился, дав сигнал окормляемым: вы того.., не особо усердствуйте – *«чрезмерно увлекаться поиском славянских аналогов не стоит...»* Конечно, не стоит. Объявили конкурс, кто лучше справится с заданием, 129 иностранных слов заменили, а дальше – тормоз, тупик, не поддаются, гады заморские, замене. Попробуй переименуй на славянский лад авизо, акцепт, депорт, инкассо, овердрафт, оферта – или альткоин, биткоин, блокчейн, инстамайн, краудсейл, майнер, софтфорк, хэшрейт, батл, франшиза...

Стоило упомянуть и возвращение в оборот слов «либерал» и «демократ». Газеты, радио и зомбоящик теперь писали и произносили их без опаски быть приговоренными к штрафам или, еще хуже, к закрытию. А ведь в течение многих лет два слова эти были либо вообще под запретом, либо объектом для унижений. Либерал твою мать... Либераст позорный... Дерьмократ... А бывало, и похлеще звучало. Народ изощрялся в остроумии, переделывая старые присловья на новый лад: *«На всякую хитрую жопу есть либерал с винтом, но на всякого либерала с винтом есть жопа с закоулками...»*

При Преемнике на такие лингвистические изыски был наложен запрет. Произносить оба слова требовалось без подколов, уважительно. Народ, однако, держал в памяти прежние забавы, нет-нет появлялись образчики фольклора на прежнюю тему.

Запад приветствовал новации, особенно разительную переменную риторику относительно горячей глобальной войны, но жесткие меры не отменял и вовсе не спешил распахивать объятия, хорошо

помня уроки прошлых лет. Соседнее братское государство, укрепив границу, построив стену и вернув в свою юрисдикцию две отнятые при военном участии Славишии области, не смогло восстановить справедливость в отношении некогда оттяпанного полуострова и требовало его возврата.

Так продолжалось в течение первого года первой каденции Преемника – в глазах миллионов послушных граждан, увы, не столь решительного, последовательного и безжалостного, оказавшегося бледной копией назначившего его на главный пост. Постепенно пыл реформаторства угасал, новые телевизионные *песни о главном* тихо и незаметно умолкали, элиты не желали смириться с изменением курса и вставляли палки в колеса, либеральничание стало надоедать на фоне низких цен на нефть. *Организация* потихоньку натягивала вожжи, и как-то незаметно, само собой, все стало напоминать прежнее, привычное годами долгого правления. Зажим плавно переходил в застой.

И все-таки извечное *повторение цикла* происходило иначе, не так, как прежде. Что-то в народе изменилось, бедность и нищета, когда нечего терять, потихоньку избавляли от страха – и власть вынуждена была реагировать на становящиеся все более массовыми демонстрации, митинги, забастовки, марши пустых кастрюль. Оттого, по-видимому, не увольняла, не выбрасывала за борт отдельных строптивцев в президентской администрации и среди уже не назначаемых, а выбираемых губернаторов: надо же кому-то объясняться с осмелевшим народом...

В момент неопределенности и тихо закипающей смуты и родилась идея эксперимента с таблетками. Важно просветлить, протестировать мозги населения, выбить из них дурь, тогда, может, жизнь и в самом деле начнет налаживаться...

5

В семь часов вечера, после ужина, по распоряжению устроителей «красные», «черные» и «зеленые» были приглашены на собрание-инструктаж, каждая группа на своем этаже. Вместе с Даном пятьдесят человек заняли места в конференц-зале, по стенам были

развешены симпатичные акварели неизвестного художника с видами окрестных мест. Картины в тонких золоченых рамках рождали покой и умиротворение. Отсутствовали какие-либо лозунги и высказывания типа начертанных на бортах доставивших гостей в пансионат автобусов. Дан искал глазами брюнетку, Юл пришла одной из последних и села в самом углу в первом ряду, он видел ее вполборота.

Микрофон взял немолодой человек с роскошной, без единого прогала, расчесанной на пробор шевелюрой с витыми серебряными нитями. Серый костюм и красный галстук гармонировали с прической. Его можно было назвать импозантным и даже красивым, если бы не гримаса волчьего оскала, когда он растягивал губы в улыбке, вымученной и неестественной. Лицевые мускулы, похоже, не привыкли автоматически складываться определенным образом, как у тех же заокеанцев, улыбающихся по любому поводу и без повода. Дан давно сделал вывод: фальшивая улыбка ограничивается ртом, тогда как искренняя, *душеновская*, всегда вовлекает глаза. Человек с микрофоном пробовал улыбаться, но лучше бы этого не делал – создавалось ощущение, что вот-вот ощерит пасть и со звериным рыком бросится на сидящих.

– Добрый вечер, дамы и господа! Позвольте поприветствовать вас и поблагодарить за добровольное участие в эксперименте особой важности, – начал ведущий низким густым голосом курильщика. – Все, что здесь будет происходить в течение месяца, является государственной тайной и не подлежит разглашению. Вы – люди серьезные и, надеюсь, понимаете степень ответственности и последствия в случае утечки информации...

Ну, а теперь несколько общих сведений. Все участники, их ровно полторы сотни, разделены на три группы: условно именуемые «красными», то есть вы, поселены на пятом этаже, «черные» – на седьмом, «зеленые» – на девятом. Распределение неформальное, учитывались данные анкет отобранных участников, итоги личных бесед с ними и многое другое. В ходе эксперимента вы, то есть «красные», в течение месяца будете испытывать сильнейшее воздействие инструментов пропаганды: видеть специальные программы, слушать лекции, участвовать в семинарах и обсуждениях. Вы увидите, услышите и прочтете немало такого, что было под запретом при

прежнем Властелине. При этом никакого общения с внешним миром, представьте, что помещены в капсулу космического корабля и круглые сутки подвергаетесь атакам незаметных, но эффективных лучей... И никакого интернета, с которым сколько не воюй, все равно проиграешь!

Вам категорически запрещено общение с «черными» и «зелеными», обсуждение с ними любых вопросов – об этом позаботятся наши товарищи. В столовую и на прогулки только группой, в строго отведенные часы, дабы не пересекаться с остальными, это касается и всех мероприятий.

Вы наверняка поинтересуетесь: а другие участники, чем они будут заниматься? Отвечаю. «Черные», в отличие от вас, будут полностью отключены от воздействия пропаганды, изолированы от влияния телевидения, радио, кино, печатных изданий и прочего. Информационный вакуум. Никакой промывки мозгов. У «зеленых» иная ситуация – нечто среднее между вами и «черными», все разрешено, никаких ограничений: хотя бы смотреть зомбоящик – пускай смотрят, не хотят – дело хозяйское, фильмы, газеты, книги на любой вкус, доставим по первому зову, – обладатель роскошной шевелюры позволил чуть оскалить рот. – В общем, могут жить как дома, копаться в интернете без всяких запретов и табу...

Вот вкратце то, что хотел сказать. Вопросы потом. Да, кстати, напомним: если кто-то нарушит условия контракта, последуют штрафные санкции. Согласно контракту, вплоть до лишения оплаты по итогам эксперимента. Тысяча «баксов» на дороге не валяется, по нынешним скудным временам на полгода жизни хватит.., – ведущий снова оскалится. – А сейчас слово уважаемому Профессору...

Он передал микрофон человеку, который и впрямь выглядел как типичный ученый, каким его показывали в старых фильмах – седые жидкие усы, бородка клынышком, пенсне, строгий пронизательный взгляд... Столь банальное описание вполне исчерпывало его облик. Дан мысленно добавил несколько штрихов: высокий, костистый, сутуловатый, напоминает Жака Паганеля из знаменитого фильма, продолговатый вытянутый череп, кокетливый хохолок словно присыпанных золой волос и острый выпирающий кадык-зоб.

– Приветствую аудиторию и надеюсь на понимание того, что сообщу. Уважаемый ведущий поведал, так сказать, об организаци-

онной стороне эксперимента, я же вкратце коснусь медицинских аспектов.

Голос Профессора звучал неприятно, точно пилил дерево, вжиг-вжиг, пила звенела и с азартом вгрызалась в древесину. Дан поежился.

– Каждое утро с восьми до половины девятого вы, господа, будете получать для приема внутрь так называемые пилюли правды. Их разнесет по комнатам наша сотрудница. Через три дня каждый из вас сдаст анализ крови. Мы определим, как идет усвоение лекарства. В течение месяца таких тестов будет шесть. Кроме всего прочего, проверки дадут возможность точно знать, принимаете ли вы пилюли или пробуете манкировать. Обманывать не советую – анализ крови даст полную и ясную картину. Если обман вскроется, вы покинете пансионат и будете наказаны согласно пунктам контракта.

По завершении месяца эксперимента вы пройдете проверку на усовершенствованном для такой цели ультрасовременном детекторе лжи. Потом вам предстоит серьезное интервью со специалистами-психиатрами, которые выяснят, насколько далеко продвинулось лечение, у всех ли положительная динамика или кто-то остался на прежнем уровне, не поддался...

– Выходит, мы все заранее признаны чокнутыми? – выкрикнули из зала.

У Профессора дернулся кадык-зоб, он сделал глотательное движение.

– Ваша психика серьезно повреждена под воздействием внешних факторов, вы, как, впрочем, и мы все – жертвы пропаганды, кто больше, кто меньше, это неоспоримый факт. Вы можете сказать: любой человек склонен утаивать правду, привирать, мухлевать, пускать пыль в глаза. Но в данном случае речь не о бытовом банальном вранье, а о тектонических изменениях в вашем сознании, когда ложь воспринимается правдой и становится нашим рулевым. В современном, пронизанном ложью на каждом шагу обществе, будущее выглядит шатким, ненадежным, неопределенным, любой из нас стремится к какой-то уверенности, стабильности. С каждым же словом лжи под нашими ногами вновь разверзается пропасть. Мы уже не уверены ни в чем, даже в себе. Нас можно подвигнуть на что угодно, убедить в чем угодно. Ради нашего с вами будущего, ради

терпящей урон родины, нашей Славишии, мы должны очистить мозги и начать видеть то, что есть на самом деле: белое – белым, черное – черным...

– Эти ваши таблетки... они прежде испытывались? На мышах или крысах, к примеру?

Спрашивал рыжекудрый, в конопушках, паренек в майке с портретом легендарного футболиста. Он сидел неподалеку, и Дан разглядел его имя на бэйджике – Лео.

В зале засмеялись. Кто-то решил уточнить:

– Как ты у мышей узнаешь, что они думают, допустим, по поводу последней войны? Был ли реальный повод вторгаться к соседу или зомбящик все выдумал?

– Элементарно, Ватсон. У мышей рефлексы, они лучше нас чувствуют, когда их обманывают, – парировал паренек.

– Все это хренотень. Лучше ответьте, Профессор, нет ли у этих пилюль побочных действий? Не влияют ли на печень и другие органы? И как на счет потенции...

Интересовался неуклюже поднявшийся с места малый ростом под потолок с давно, а может, и сознательно, не стриженными патлами.

Зал опять оживился.

– Да тебя, амбала, никакая пилюля не возьмет! От баб, небось, отбоя нет...

– Успокойтесь, господа, фармакологи гарантируют – никаких проблем со здоровьем не возникнет, – внес ясность Профессор. – На мышах мы, конечно, пилюли не испытывали, не было надобности, но предварительные испытания на определенном контингенте показали удивительный эффект.

– Какой еще контингент? Ээки? Телеведущие Первого канала?

Профессор сделал вид, что не услышал ехидного вопроса – в зале, действительно, было шумно.

Дан обратил внимание на Юл, поднявшуюся с места и пытающуюся перекричать аудиторию. Ей это удалось, жестяные повелительные нотки заставили шумящих на мгновение притихнуть.

– Пожалуйста, сообщите: у пилюль есть зарубежный аналог?

Профессор с явным удовольствием огладил бородку, снял пенсне и горделиво бросил в зал:

– Насколько мне известно, аналогов нет. Это наше достижение, национальный, так сказать, приоритет. Будем патентовать.

– Ну, достижение или очередная лажа – это надо еще поглядеть, – резюмировала брюнетка, и кое-кто заплодировал.

Профессор недовольно дернул кадыком и вернул микрофон ведущему, тот оскалился в знак признательности. Вопросов к обладателю роскошной шевелюры, как ни странно, почти не возникло: спрашивали лишь, как связываться с родными, если мобильники изъяли, а телефонов в номерах нет, и каким образом будет происходить выплата вознаграждения. Ведущий объяснил: звонить можно будет из специального помещения раз в неделю, а тысячу долларов переведут в рубли по курсу и выдадут в конвертах тем, кто успешно пройдет все проверки.

На этом встреча завершилась.

6

В восемь утра в дверь постучали. Он открыл. На пороге стояли молодая женщина в белом халате с небольшим черным кожаным несессером и сопровождающий – тот самый белобрысый охранник, забравший у Дана вчера книги, ноутбук и смартфон. Они поздоровались, вошли внутрь, женщина открыла несессер, достала флакончик с белыми продолговатыми таблетками, отсыпала себе на ладонь одну и передала Дану вместе с миниатюрной пластиковой бутылочкой воды.

– Меня зовут Оксана, я буду приходить к вам в это самое время весь месяц. Примите, пожалуйста, эту таблеточку внутрь, запейте водичкой. Таблеточка не горькая, глотайте спокойно.

Дан выполнил просьбу и задержал взгляд на женщине. Миловидная, с увитой вокруг головы светлой косой, и голос приятный, теплый, внушающий доверие. Фрикативное «г» подчеркивало южный говор.

– Откуда вы, Оксана?

– Из Лужанска, – охотно ответила. – Там война была, ну, вы, наверное, помните... Отца убило, я тогда соплюшкой была. С мамой и старшим братиком переехали в Славишию, намыкались, поскольку *укропы*, потом ничего. Я учиться пошла, стала медсестрой.

Упоминание Лужанска царапнуло – об успешной операции по захвату граничащей со Славишней области соседней республики он рассказывал в книжке, которой теперь стыдился.

– Понятно... Спасибо, Оксана, буду ждать вас каждое утро.

– *I вам спасибі*, – она улыбнулась и протянула тетрадь учета. – *Будьте ласкаві, розпишіть ся ось тут, що прийняли ліки*, – неожиданно произнесла по-украински и бросила беглый взгляд на сопровождающего. Тот и бровью не повел: то ли не понял, что на вражьем языке обмолвлено, то ли сознательно пропустил мимо ушей.

После завтрака Дан вернулся в номер, сел в кресло и прислушался к себе. Итак, пилюля правды полностью растворилась в желудке, попала в кровь и начала путешествовать по телу, конечная цель – префронтальная кора, отвечает за отбор и классификацию поступающей информации, принятие решений, волевой контроль и регуляцию социального поведения. Перед поездкой в пансионат Дан прочитал несколько научных статей по поводу работы мозга, и теперь, теоретически более-менее подкованный, мысленно жонглировал этими понятиями. Внутри же себя никаких перемен не ощущал, и было бы странно, если бы происходило по-иному.

К десяти часам Дан занял место в кинозале, в третьем ряду вблизи выхода. Он всегда старался садиться поблизости от выхода – легко смыться от скуки или чего-то другого, опасного, пожара, к примеру, или теракта; при этом вовсе не считал себя трусом, более того, был уверен, что с ним не случится ничего, угрожающего жизни. Однако по привычке садился у выхода.

Окна были плотно зашторены, свет в зал не проникал, горели притороченные к потолку светильники. Он покрутил шеей – Юл отсутствовала. Вошла она, словно крадучись, странно озираясь, за полминуты до того, как светильники начали гаснуть, бегло оглядела заполненное группой «красных» помещение, взгляд уткнулся в Дана, и она плюхнулась рядом, благо стул был не занят. На ней была темная юбка и плотно облегающая бирюзовая водолазка.

– Привет! – поздоровалась по-свойски, как с приятелем.

Зрачки их встретились. Дан с ходу не смог определить цвет ее глаз в окантовке ресничной туши и подбровных слабых голубоватых теней, через несколько мгновений сделал вывод – темные, сма-

хивают на вишню; гулкие удары его сердца зазвучали, как метроном, и потекли флюиды, неосязаемые веяния, невидимые волны, он чувствовал их нутром, волны пересеклись, и Дан испытал легкое сжатие в груди. Юл не вводила зрачки, и так они поглощали друг друга, пока не погас свет.

Он вдруг вспомнил читанное когда-то и засевшее в одной из ячеек памяти, повторил про себя: *«Мы заблуждаемся, говоря о выразительных глазах. Веки, брови, губы – все черты лица передают состояние чувств, но глаза – лишь цветные стеклянные капли»*. Глаза севшей рядом отнюдь не выглядели для Дана ничего не выражающими каплями.

Темный экран ожил, вкрадчивый, с тонкими модуляциями мужской голос из аппаратной пояснил, что сейчас присутствующие увидят фильм, смонтированный из фрагментов старых и новых телепрограмм, сюжетов, постов в Сети: наверняка многое забылось, и теперь появится возможность освежить былые впечатления. Просьба не высказывать вслух никаких реплик, ни одобрения, ни возмущения – будет возможность все обсудить на специальных семинарах. Итак, мы начинаем...

На экране медленно поплыли строчки, заиграла тихая музыка. Текст на экране проникновенно, внимательно читал невидимый диктор – казалось, он получал неизъяснимое удовольствие от произнесения того, что еще лет пять назад и даже меньше каралось наказанием.

...В нашем мире всё кажется имитацией, эрзацем, всё «понарошку» – включая то, что всегда было абсолютom: жизнь и смерть, война и произвол, пытки и ненависть к насилию. Всегда было то, что не допускало компромиссов, было делом чести, потому что имело слишком высокую цену, оплаченную кровью и болью людей. Но мы живём в другую эпоху, где слова: военный преступник, десять тысяч трупов в Шахтбассе, восемьдесят убитых в «Боинге» детей, государственная ложь, пытки политзаключённых, – не значат практически ничего.

Это медийные штампы, фигуры речи, – всё что угодно, кроме реальных значений.

Слова потеряли исконный смысл, между звуком и смыслом выросла надёжная стена бесчувствия, по одну сторону которой – боль

и кровь, ненависть и отчаяние, проклятия и смерть. А по другую – зарплата, высокие должности, цветы и бокалы шампанского, улыбки и награды – из рук «режима».

Можно пожимать руку террористу, беседовать о патриотизме с убийцей мирных граждан, можно величать кровавую мразь по имени-отчеству, можно пить шампанское с палачом невинных детей и сниматься с ним на фото – для истории.

Можно – всё. Потому что слова (кровь, убийца, смерть, война) потеряли связь с реальностью.

Жить в лживом мире постепенно привыкаешь – и он уже не кажется выморочным и абсурдным. Сегодня ты кричишь о пытках, бессудных казнях и полицейском режиме, бьёшь кулаком в идейную грудь, – а завтра пьёшь с палачом перед камерой, игриво шутишь с ним и улыбаешься в объектив. Тоже мне – невидаль. Такова эпоха...

Не успел зал продохнуть и осмыслить запечатленное на экране и усиленное дикторским исполнением, как появились другие строчки и зазвучала другая мелодия – более быстрая и энергичная, напоминающая оперную увертюру.

Славишия – это страна, которая управляется зомбоящиком. Гуляет в Сети такое высказывание: «дайте мне пульт от телевизора, и через полгода я сделаю президентом табуретку». У кого в руках джойстик от Первого канала – тот и царь горы.

Как мы видим, на данный момент данной стране можно внушить любую конструкцию – про то, что мы всех победили в Асадии, и про то, что нас в Асадии нет. Про то, что бандеровцы распяли мальчика, и про то, что надо выполнять договоренности. Про то, что был независимый референдум, и про то, что «мы никогда и не скрывали». Про то, что Драмп не ЧМО, и про то, что Драмп – уже почти ЧМО. Про то, что мы сбили пассажирский самолет, и про то, что мы ничего не сбивали. О том, что мы никогда и не отрицали, что это «Бук», но это – соседский «Бук». И так далее.

Дайте мне телевидение, и я вам гарантирую – через короткое время тут будут целовать Заокеанию в попку, сменяемость власти станет национальной идеей, отобранные земли захотят вернуть девяносто девять процентов славишцев, а при желании и Степан Бандера станет национальным героем.

Но есть проблема. Это будут не собственные мысли. Это будут мысли, вложенные в голову телевизором.

Интересна ли такая страна, которая в любую сторону управляется джойстиком? Лично мне – нет. Потому что, верни настройки джойстика в исходное – и будет все то же самое. Шовинизм, имперскость, величие, ксенофобия, национализм, мракобесие и прочее средневековье.

Это излечивается только образованием. Как Гансонию двадцать лет лечили денацификацией, так и Славишию придется излечивать дезомбированностью. Образование. Это обязан быть гигантский национальный проект на десятилетия. Образовывать, образовывать и образовывать. Начиная с детей. Взращивая новые поколения. На взрослых уже можно махнуть рукой – тут уже ничего не исправить.

Критическое мышление и способность думать самостоятельно – вот что должно стать новой национальной идеей. Иначе здесь ничего не получится. Страна, живущая в мифе, а не в реальности, может только деградировать.

...Сделайте вместо подзаборных шоу, построенных на чернухе, моральной деградации, нравственной идиотии, душевном стриптизе, мочеполовом юморе – про ведущих я промолчу, это просто уже психотропное оружие против собственного народа – сделайте вместо них главным федеральным каналом «Дискавери» – и страна сама изменится через десять лет.

Но есть проблема номер два.

Для того, чтоб начать этот процесс, необходимо телевидение. А телевидение сейчас в руках у тех, кто под страхом смерти не хочет, чтобы этот процесс начался. И чтобы скovyрнуть их оттуда, необходимо телевидение. А телевидение в руках у тех...

Замкнутый круг.

Но есть и третья проблема.

Я, к сожалению, не уверен, что все здесь прекратится относительно плавно и бескровно. Я, к сожалению, сторонник той теории, что здесь будет очередной биг-барабум, море крови, десятки локальных войн всех против всех. И, к сожалению, я не уверен, что, после того, как все здесь затихнет и на руинах возникнет новый лидер – а он, скорее всего, будет уже более-менее демократическим, если только опять не победят людоеды – у него в разрушенной нищей стране

будет возможность отказаться от такого мощного инструмента влияния.

Так что, я думаю, что наиболее вероятным вариантом будет переключение кнопки джойстика в другую сторону.

А потом, когда он попадет в руки другим людям – в обратную. И так по кругу.

– Здорово! – не удержавшись, шепнул в ухо соседки Дан. – Видите, и тогда были замечательные перья, только никто им не внимал...

– А сейчас по-другому? – с готовностью откликнулась Юл. – Не заметила. Как это.., – наморщила лоб, вспоминая, чувствовалось – мыслительный процесс шел не гладко, с усилиями: – Мало говорящих правду, но еще меньше способных ее слушать.

Экран высветил человека в джинсовой, вальяжно расстегнутой и обнажавшей грудь курточке, в руках у него была гитара, и он запел ни на кого не похожим голосом. В зале прошелестело его имя, еще не успели забыть, хотя уже пора бы – больше полувека прошло с тех пор, как в разгар лета и главного соревнования планеты, проводившегося в Славишии и проигнорированного многими странами в отместку за вторжение ее армии в Пуштунистан (знать бы, ведать бы тогда, что игнор этот с будущим звонким названием *санкции* станет неотъемлемой частью жизни страны...) внезапно ушел из жизни знаменитый бард и актер. Не забыли, помнили, изредка слушали сочиненное им, некоторые дивились, как песни эти не попали в разряд антипатриотических, но, видать, сильна оставалась любовь народная к хрипатоуму, певшему так, будто петлю на шею затягивают все сильнее, и ни у кого, у самых замшелых минкультовцев и командзоровцев не поднялась рука запретить... А ведь запросто могли...

Он пел, Дан беззвучно повторял куплеты, когда-то помнил, сейчас же намертво из головы вылетело, воспринимал как внове, и убеждался, насколько к месту и по делу включили устроители притчу в программу – нет, хлеб ребята не зря едят, подготовились на совесть...

*Нежная Правда в красивых одеждах ходила,
Принарядившись для сырых, блаженных, калек.*

*Грубая Ложь эту Правду к себе заманила, –
Мол, оставайся-ка ты у меня на ночлег.*

*И лежковерная Правда спокойно уснула,
Слюни пустила и разулыбалась во сне.
Хитрая Ложь на себя одеяло стянула,
В Правду впилась и осталась довольна вполне.*

*И поднялась, и скроила ей рожу бульдожьей, –
Баба как баба, и что ее ради радеть?
Разницы нет никакой между Правдой и Ложью,
Если, конечно, и ту и другую раздеть.*

*Выплела ловко из кос золотистые ленты
И прихватила одежды, примерив на глаз,
Деньги взяла, и часы, и еще документы,
Сплюнула, грязно ругнулась и вон подалась.*

*Только к утру обнаружила Правда пропажу
И подивилась, себя оглядев делово, –
Кто-то уже, раздобыв где-то черную сажу,
Вымазал чистую Правду, а так – ничего.*

*Правда смеялась, когда в нее камни бросали:
– Ложь это все, и на Лжи – одеянье мое!..
Двое блаженных калек протокол составляли
И обзывали дурными словами ее.*

*Стервой ругали ее, и похуже, чем стервой,
Мазали глиной, спустили дворового пса:
– Духу чтоб не было! На километр сто первый
Выселить, выслать за двадцать четыре часа.*

*Тот протокол заключался обидной тирадой,
(Кстати, навесили Правде чужие дела):
Дескать, какая-то мразь называется Правдой,
Ну а сама, вся как есть, пропилась догола.*

*Голая Правда божилась, клялась и рыдала,
Долго болела, скиталась, нуждалась в деньгах.
Грязная Ложь чистокровную лошадь украла
И ускакала на длинных и тонких ногах.*

*Впрочем, легко уживаться с заведомой ложью,
Правда колола глаза и намаялись с ней.
Бродит теперь, неподкупная, по бездорожью,
Из-за своей наготы избегая людей.*

*Некий чудак и поныне за Правду воют, –
Правда, в речах его – правды на ломаный грош:
– Чистая Правда со временем восторжествует,
Если проделает то же, что явная Ложь.*

*Часто разлив по сто семьдесят граммов на брата,
Даже не знаешь, куда на ночлег попадешь.
Могут раздеть – это чистая правда, ребята!
Глядь, а штаны твои носит коварная Ложь.
Глядь, на часы твои смотрит коварная Ложь.
Глядь, а конем твоим правит коварная Ложь.*

Хриплый голос умолк, экран потух, в аудитории раздались аплодисменты. Юл отбивала ладони вместе со всеми.

– Грустная песня, безысходностью попахивает, – она повернулась к Дану.

– Да уж веселого мало.

– Тогда зачем нам это слушать?

– Проверка эффективности таблеток, наверное.

Секунда-другая, и на экране поплыли строчки без пояснений невидимого диктора. Афоризмы и высказывания известных и знаменитых людей сопровождала музыка, кажется, ноктюрн Шопена, определил Дан.

Проблема славящих не в том, что они обмануты, а в том, что они всякий раз превращаются в народ лжецов. Это стыдно, но удобно.

Голая правда сгорает в одночасье.

Иногда полезно и самому верить в то, что говоришь и за что борешься...

Не следует обижаться на людей, утаивших от нас правду: мы сами постоянно ее утаиваем от себя (Франсуа де Ларошфуко)

Правда подчас рождает ненависть (Публий Теренций)

Или ничто не истинно, или истинное нам неизвестно (Демокрит)

Будьте правдивы – это не значит: будьте банально точными (Огюст Роден)

Две ненавидящие друг друга правды способны родить тысячи видов лжи (Владислав Гжегорчик)

Если истина многогранна, то ложь многоголоса (Уинстон Черчилль)

Какой смысл лгать, если того же результата можно добиться, тщательно дозируя правду? (Уильям Фостер)

Ложь обойдет полсвета, прежде чем правда успеет надеть башмаки (английская поговорка)

Не будь снобом. Никогда не лги, если правда лучше оплачивается (Станислав Лем)

Трудно поверить, что человек говорит тебе правду, если знаешь, что ты сам на его месте солгал бы (Генри Менкен)

Мелодия завершилась, строчки исчезли, экран опустел и почернел и зазвучал голос диктора; произносил он слова и предложения с нотками сдержанной и почти ненатуральной печали и даже скорби – так в свое время, если судить по запомнившейся Дану исторической телехронике, зачитывали некрологи по поводу усопших старцев-вождей Славишии, уходивших на тот свет с завидным постоянством и растущей частотой, до момента, когда с нехорошей традицией покончил Властитель №2, отличавшийся отменным здоровьем и правивший страной до глубокой старости и кончины, которая, увы, никого не минует.

Знали о ГУЛАГе, о репрессиях, о том, какие идиоты ими управляли, – это показывают и дневниковые записи, и рапорты НКВД, и восприятие решений партийных съездов, осудивших «культ личности». Но вот только правда эта казалась вредной, о ней не хотели

задумываться – потому что она заводи́ла в конфликт с собственной совестью или тем, что вместо нее. Именно поэтому самые упорные еще долго обвиняли не тогдашнего Властителя и не себя самих, а Хрякова, поднявшего руку на наследие вождя.

Славишцы, вне всякого сомнения, в большинстве своем тоже все прекрасно знали. И о том, что страна несется в пропасть, и о том, что двадцать лет назад был сворован целый полуостров, и о том, что в Шахтбассе их страна не защищала «славишский мир», которого попросту не существовало. Нет никаких сомнений в том, что Славишия делала в Асадии, – как не было особых сомнений в том, что происходило в Вайнахии. Но в атмосфере невмешательства и равнодушия нежелание знать сильнее самого знания. Если режим изменится – мы станем свидетелями очередного коллективного прозрения «обманутой нации». Если устоит – славишцы так и останутся молчаливыми соучастниками деяний своих правителей.

Ого, глубоко роют, старые либеральные писания берут на вооружение – не иначе команду получили не стесняться в средствах, подумал Дан и оглядел зал: кто-то сидел задумчиво, кто-то выглядел растерянно, словно пыльным мешком пришибленный, но большинство, как показалось, восприняли прочитанное диктором вполне безучастно, равнодушно, словно к ним не относящееся. Впрочем, не все так реагировали: сидевшая от Дана через одного человека баба-затетёха пенсионного возраста, с пудовыми кулачищами и огромным бюстом – было непонятно, где кончаются груди и начинается все остальное – громко выдохнула и пробормотала нечто осуждающее...

После обеда Юл не откликнулась на предложение прогуляться, сообщив, что собирается *заняться собой*, в это понятие, дав интимные пояснения, включила мытье головы и покраску ногтей – прежний бесцветный лак надоел. «Я теперь «красная», пусть и лак будет такой же, яркий и бесстыже-наглый», – поделилась с Даном, глядя на него искоса, нарочито пристально, изучающе.

Дан пожал плечами и улыбнулся: действительно, веская причина отказать от свежего воздуха, у броских женщин *это* на первом месте, а Юл в его представлении именно такая.

Он изменил себе и вместо дневного сна отправился вместе с остальными желающими на природу.

7

В пять вечера их ждала лекция.

Дан вновь сел с краю в третьем ряду и занял место для Юл. Она опоздала, вошла с другого, дальнего входа, и устроилась в конце аудитории. Узрев свободный стул, рядом плюхнулась та самая бабича-затетёха. От нее несло табаком.

Лектор – розовощекий крепыш с расстегнутым воротом голубой рубашки и выглядывавшим большим крестом из золоченого серебра на белой, сдобной, похожей на кулич груди, начал говорить. Полные губы выпекали округлые слова, словно блины, они и впрямь звучали аппетитно, хотя речь шла о вещах совсем не вкусных, несъедобных и попросту отвратительных.

– Правда такова: лгут все. Даже тот, кто утверждает, что никогда не лжет, на самом деле говорит неправду. По результатам опроса, проведенного в 19 странах международной компанией GFK Custom Research, люди стали обманывать друг друга гораздо чаще, чем десять лет назад, причем во всех сферах жизни. По мнению респондентов, в Славишии за годы, минувшие со времени последнего дефолта, это значит семь лет назад, чаще стали мошенничать в коммерческих операциях (44 процента ответивших согласны с этим) и при уплате налогов (39 процентов), в школах и вузах (37 процентов) и спортивных соревнованиях (32 процента). Среди обманутых все чаще оказываются любимые люди (25 процентов) и коллеги (24 процента).

– Давайте вспомним поговорки, пословицы, присловья, – милостиво предложил розовощекий. – «Что полжешь, то и поживешь», «Неправда светом началась, светом и кончится», «Умная ложь лучше глупой правды», «Не солгать, так и правды не сказать», «Живут люди неправдой – не ухвалятся», «Что слово, то и ложь». И рядом – другие прописные истины: ведь вековая мудрость тоже рождается в спорах. «Какова резва ни будь ложь, а от правды не уйдет», «Неправда выйдет наружу», «Раз солгал, а век веры не имут», «Как ни хитри, а правды не перехитришь», «Все минется, одна правда останется».

Но две чаши весов недолго остаются в равновесии. Библейские заповеди и сентенции философов, призывы проповедников и рассуждения моралистов – все ложится на вторую чашу, все взывает к правде и клеймит лживую очевидность недобрых сердец, как тяжкий грех.

Однако психологи, социологи и биологи, изучающие природу человека всеми новейшими методами, единогласно реабилитируют и такую сторону нашего естества, как инстинктивную привычку ко лжи. Любой из нас склонен утаивать правду, привирать, мухлевать, пускать пыль в глаза или плести словеса сладкой лжи ради.

Зал оживился, задвигался, послышались негромкие голоса. Затетеха громко отозвалась на произнесенное: «Верно! Все мы одинаковые...» Розовощекий лектор с крестом поднял руку, призывая к тишине.– Конечно, в нашем конкретном случае – Славишия, год 203..., – можно много рассуждать о росте мошенничества во всех сферах жизни, о неправильно построенной экономике, о всепоглощающей коррупции и бедности. Но попробуем остановиться там, где экономика еще не начиналась и, посматривая друг другу в глаза, поищем ответы на вопросы: почему люди так охотно обманывают других? Почему нам так трудно уличать обманщиков? И почему на этом немало лет строилась пропаганда?

В Заокеании, в стенах Массачусетского технологического института, был проведен любопытный эксперимент с участием 121 добровольца, – шпарил розовощекий по-залаженному. – Их просили пару минут поговорить с незнакомым им человеком и произвести на него самое лучшее впечатление. Все – и студенты, и студентки – справились с заданием. Они показались своим визави людьми милыми и толковыми. Вот только за счет чего это было достигнуто? Как создаются репутации? Ответ оказался прост. Бесстыдной ложью! Вторая часть эксперимента заключалась в «работе над успехами». Каждый студент в тишине и покое просматривал видеозапись и пунктуально – как на духу – отмечал, сколько раз он приврал, прихвастнул, подпустил пыли в глаза, убеждая незнакомца в своем высшем предназначении. И если отвечавшие на этот раз были честны перед собой, то 60 процентов из них – вольно или невольно – хитрили, стараясь завоевать внимание собеседника. Лгали ему. Некоторые даже успевали за пару отведенных минут соврать несколько

раз. Одни, поддакивая репликам имярека, тепло отзывались о человеке, которого якобы знали, но о котором не слышали никогда вообще. Другие утаивали свои слабости, пытаясь представить себя лучше, чем есть на самом деле. А один не моргнув глазом сообщил, что он – «звезда местной рок-группы».

В другом таком же опыте, длившемся уже десять минут, некоторым его участникам перед началом беседы сообщили, что они больше никогда не увидят этого человека. Теперь процент говоривших неправду достиг 78. В то же время был отмечен и такой факт: если студентки знали, что снова увидятся с незнакомцем, они чаще врали ему.

Что говорит нам подобная серия испытаний на честность? Конечно, о том, что грешен наш мир, ох, грешен. Ложь – и без всяких опросов ясно – широко распространена, она встречается на каждом шагу. Лгут политики и коммерсанты, журналисты, врачи, родители, дети. В то же время из этих и других наблюдений явствует, что ложь имеет определенное социальное назначение, играет свою роль в обществе. Особенно тонко это чувствуют женщины. Недаром они чаще обманывали первых встречных, если думали, что еще увидят их. Выходит, в основу длительных отношений надо, как жертву, закладывать ложь? Она скрепляет связи между людьми? Когда же мы начинаем лгать себе и другим?

Наш язык – настоящее орудие лжи. Слова просто идеально приспособлены для того, чтобы вуалировать действительность, талантливо называть черное белым и наоборот. Искусно ловча ими, можно представлять все происходящее в выгодном для себя свете. Лингвистические ухищрения давно стали не только жизненной нормой, но и фундаментом политики, в чем легко убедиться хотя бы на примере Славишии и ее телеканалов, где до самого недавнего времени господствовали *пропагандоны*, как их часто называли. Для любого события, любого явления находилась пара подходящих названий-антонимов. Какие-нибудь «террорист» и «борец за свободу» всякий раз оказывались двумя ликами одной и той же истины, «победа» в скоротечной войне легко ассоциировалась с «поражением», да и кто должен был их отличать? Все-таки искусный выбор слов многое решал, и даже наглая ложь часто выглядела неуязвимой.

В современном обществе, пронизанном ложью на каждом шагу, сложился стараниями масс-медиа своего рода абстрактный культ правды. В мире, где будущее выглядит таким шатким, ненадежным, неопределенным, любой из нас стремится к какой-то уверенности, стабильности. С каждым же словом лжи под нашими ногами вновь разверзается пропасть. Мы уже не уверены ни в чем, даже в себе. Зато правда, убранный в золоченую оправу истины, отлитая в чеканную форму заповедей и законов, становится основой нашего мышления, фундаментом бытия, являясь нам то в облике религиозного учения, то в виде свода научных знаний, то в строках спортивной хартии. Мы взываем правды, как вопиющие в пустыне, и на каждом шагу блаженно внем. Лишь бы нас самих не уличили! – вот голая правда поведения.

Так почему мы склонны верить лжецам? Не потому ли, что нам нужна ложь? Что мы готовы принять ее за правду? Она – составная часть нашей жизни. Наша повседневность настолько сложна, что даже немислима без обмана. Если б мы говорили на каждом шагу правду, жизнь была бы убийственно неприятна. Конфликты возникали бы постоянно. Мутная вода лжи смягчает напряжение в обществе, сглаживает острые углы.

Как и в кулинарии, все зависит от дозы. Щепотка лжи повышает наше самоуважение, облегчает общение с другими, в то время как густая россыпь лжи делает жизнь неудобоваримой – едва ли пригодной, чтобы жить. «Неправда с нами ела и пила» – как уж тут не пропитаться ею до полной интоксикации!

Так мудро или трусливо поступаем мы, обманывая себя и других? Так сразу и не ответишь. То и другое, похоже, правда. То и другое. С одной стороны, история персонажа, который бы старательно исполнял «формальный долг человека» (Иммануил Кант) – всегда и везде говорил правду, могла бы стать сюжетом лишь для «комедии положений». С другой стороны, трудно представить себе и общество, где все напропалую врут, где обман – естественная форма жизни. С этим мы сталкиваемся на каждом шагу в нашем государстве, и наш патриотический долг – бороться с этим явлением. Поэтому, господа, вас собрали вместе, чтобы выработать противоядие медицинскими средствами и поставить психологический заслон. Моя лекция, надеюсь, хотя бы отчасти поможет вам...

Розовощекий картинно поклонился, зал жидко зааплодировал.

Он объявил: обсуждение состоится на семинаре, назначенном на следующий понедельник.

– Подготовьте вопросы. Если захотите выступить, мы будем только приветствовать.

На выходе из зала Дан обратил внимание на небольшую, стоявшую полукругом, группу с рыжим пареньком в центре, тем самым, кто интересовался у Профессора, испытывались ли таблетки на мышах; Лео, так значилось в бейджике, оживленно что-то доказывал, Дан остановился, прислушался.

– Вы о демократии, которой у нас нет? Протестую. В нашей стране все делается по велению и хотению большинства. Оно требует, чтобы власть была властью, управляла сильной рукой, ему начхать на независимый суд, для прессы придумали уничижительное – *журналюги*, либеральные разговоры – чепуха. И власть во всем большинству мирволит.

Неужто и впрямь так считает? – усомнился Дан. – С каких это пор народ всегда прав, а весь народ ошибаться не может... Еще как может: взять тот же Третий рейх в Гансони или культурную революцию в Поднебесной. А наши Властелины, один и второй, народ их обожал, и не только из-за страха.

Конопатая физиономия парня выражала ловко скрытое лукавство, этакие фигли-мигли, вроде как провоцировал на откровения. «Занятный парнишка, такому палец в рот не клади», – вывел умозаключение Дан и приготовился к развитию разговора.

– Слушайте, как вас там... Лео: загнули вы про демократию. Заблуждение не перестает быть заблуждением от того, что большинство разделяет его, – заметил пожилой мужчина с необъемной талией, одет он был не вполне подходяще моменту – в камуфляжный костюм – брюки и куртку с капюшоном, перепоясан широким солдатским ремнем и напоминал рыбака или охотника.

– Разумеется! Вы правильно мои рассуждения восприняли. Я дурачком прикинулся, дабы возражения услышать, а если б не услышал, то слинял – чего время тратить попусту.

Хитрая bestия, удовлетворенно подумал Дан.

– Я спросить хочу уважаемую публику: при ком лучше живется – при прежнем Властелине или Преемнике? – не унимался рыжий.

– Ну, ты даешь... Прямо как допрос. Я тебе анекдотом отвечу, – встрял

щеголеватый, выбритый до синевы тип с хищным плотоядным носом. – Старого грузина спросили: «Скажи, кацо, при ком тебе лучше жилось: при Усатом, Хряке, Бровастом или Меченом?» Кацо подумал и ответил: «При Усатом и Хряке». – «Как же так? Хряк разоблачил Усатого, в культе личности обвинил». – «Не имело значения – у меня тогда стоял хорошо...»

Публика гоготнула, затесавшаяся в мужскую компанию сравнительно молодая дама в смелой, с глубоким вырезом, блузке деланно опустила голову и прикрыла глаза ладонью – фу, бесстыдник...

– Хреново жили и живем, – ответствовал вырядившийся в камуфляж. – И знаете, почему? При Властелине никаких иллюзий, одно мозгоёбство и вранье. «Мы самые великие» и все в таком духе. Как писал философ Ильгин, мера преданности родине – в доносительстве спецслужбам, мера пресмыкания перед властью – как мера преданности стране. Ну, а нынче... Появились было надежды на перемены, многие раскатали губу, но быстро смикитили – ничего не изменится. Не тот народец. У того же философа вычитал: «Методом селекции вывели моральных уродов, у них понятие добра и зла вывернуто наизнанку. Вся свою историю нация наша барахтается в дерьме и при этом желает потопить в нем весь мир...» Цитирую наизусть, память пока не подводит, слава богу.

– Мы молоды, как наши надежды, и стары, как наши страхи, – высказался Лео.

– Во-во, – поддержали из полукруга. Число слушателей прибавилось.

И все-таки, как ни крути, меняется жизнь, размышлял Дан, страха меньше становится, языки у людей развязались, не боятся, что на цугундер потянут за смелые речи. И даже если потянут – не смертельно, могут не посадить, а оштрафовать или вообще отпустить восвояси. Недаром приговоры оправдательные суды выносят тем, кого при Властителе закрыли бы надолго.

*Живя в загадочной отчизне,
Из ночи в день десятки лет*

*Мы пьем за прежний образ жизни,
Где образ есть, а жизни нет...*

Это уже дама с декольте выдала, мужчины одобрили, кто-то в ладони хлопнул.

– Господа, неужто беспросветно? Неужто опять победобесие? Тогда на кой черт эксперимент этот с пилюлями? *Довраться до правды?* Видимо, устроители на что-то надеются.

– Да все просто: чиновнику в голову пришла *мысль*, решил перед начальством выслужиться, пропел Лазаря: «Разрешите попросить?» – дали высочайшее соизволение, а дальше, как всегда у нас: хотели как лучше, а вышло...

Загомонили разом, словно боялись пропустить очередь, перебивали, не дослушивали, стремились перекричать – в общем, по-славишски, без удержу. Дан неожиданно для себя тоже в нестройный хор влез:

– В истории почти не было Властителей, которых за дела их искренне любили. Боялись, ненавидели, обожествляли, но не любили. Любовь народа – нечто иррациональное, как, впрочем, и обожествление.

– Мы – не исключение, так во все времена во всех государствах, – откликнулся Лео.

– Славишией управлять несложно, но совершенно бесполезно. Это еще император славишский полтора века назад сказал.

– Правильно сказал, – поддержал *камуфляж*. – А все потому, что на лизоблюдстве, на вранье построено было, и тогда, и теперь. Нашему человеку сбрехать, что два пальца обоссать. Женщины, извините, конечно, за выражение.

– Да что царей вспоминать... Антон Палыча лучше вспомните. Что он о народе говорил? Психология у нас – собачья: бьют нас – мы тихонько повизгиваем и прячемся по своим конурам, ласкают – мы ложимся на спину, лапки кверху и виляем хвостиками...

– У нас половина народа сидела, а вторая половина сторожила. У меня приятель есть, тренер по фехтованию, тот на все случаи жизни один ответ имеет: *генофонд*. Поуродовали этот самый фонд, а нынче всхомянулись, да поздно.

– Вы про палачей и жертвы... Так вот, дорогой мой, у нас каж-

дый палач боится стать жертвой, а жертва готова внутри себя поменяться местами с тем, кто ее угнетает, мучает.

– Ну, не все, не все, вы уж сгущаете краски. Другое дело, нужен враг, нужно кого-то ненавидеть, иначе не объяснить, почему так хреново живем. На внешнего врага, поскольку внутреннего нет, можно многое списать. Вы мне скажите: собирается ли кто-нибудь напасть на Славишию, на ядерную державу? То-то и оно. Зачем тогда клепаем в таких количествах танки, ракеты, подлодки, всякие комплексы ракетные С-600, кому железки эти нужны, кого напугают?

– Понятно, никто не нападет, не идиоты же и не самоубийцы... Я вам, господа, процитирую сатирика нашего знаменитого, ну, того, с кем беда случилась..., вы догадываетесь, кого. Довольны властью в Славишии две категории людей – те, кто *не в курсе*, и те, кто в доле...

– Лет пятнадцать назад болтал с соседом, умный мужик был, много старше меня. Помер недавно от рака. В ответ на то, чего хочет народ, сказал: самых простых вещей. Поменьше работать, больше получать, чтобы было полно дешевой колбасы и дешевой водки. Ответы на вечные славишские вопросы: «Что делать, блин?» и «Кто, блин, виноват?» давно известны. Виноваты – все, кроме нас самих. А делать – нечего.

Лео выбрался из полукруга, Дан хотел остановить, продолжить горячий разговор вдвоем, протянул было руку, рыжий не оценил жест или попросту не обратил внимания и быстрой, скользкой походкой двинулся к лифту. Дан не пошел за ним, чтобы не выглядело навязчиво.

8

Первый день занятий выдался утомительным, и устроители, уловив настроение «красных», погода предложили дополнительный, вечерний моцион.

Группу вывели на асфальтированную дорожку, она тянулась от выхода, минуя куртину, в лесную чащобу. Свет дня потух, деревья и кустарники замерли черной неразличимой стеной. Дан приметил Юл, незаметно, как бы невзначай, пристроился рядом, Юл скосила фиалковый глаз и никак не отреагировала. Однако, едва начали раз-

бредаться по аллее, сама приблизилась к Дану и неожиданно взяла под руку.

– Не возражаешь?

Прозвучавшее вовсе не фамильярно обращение на «ты» показалось вполне уместным, в ее устах означало определенную степень доверительности и намек на взаимопонимание. Надо было самому проявить инициативу, а получилось – ведущей в их едва наметившихся отношениях становилась Юл, а ему отводилась роль ведомого. На «ты» так на «ты», он нисколько не возражал.

Было тепло, Дан и Юл обошлись без курток; настоящее на смолистой хвое дыхание леса заставляло поглощать его полной грудью, пить глотками, как живительную влагу. Стояла такая тишина, что слегка звенело в ушах, словно невидимый колокольчик касался барабанных перепонок, мир замер в предвкушении чего-то особенного; казалось, нет ничего окрест, ни *спичечного коробка*, давшего приют на месяц полтора ста добровольцам, ни чудного эксперимента, ни лекций, ни оседающих в подкорке, как золотоносная пыль, правильных слов о лжи и правде – нет ничего, кроме тишины и резкого, щекочущего нёбо, словно минеральная вода, воздуха.

От Юл пахло шампунем, доносился еле внятный аромат сладковатых духов. Дан не был их поклонником, однако сейчас запах почему-то не раздражал.

Он произвольно вспомнил про давнюю первую и последнюю поездку в эти места и решил поделиться со спутницей. Когда это было... лет двадцать назад, он тогда писал роман без всякой надежды опубликоваться на родине, скрывал от всех, на что имелись веские основания, лишь дочь и зять-эст знали; писалось про тогдашнего Властелина, имена главного героя и его окружения были зашифрованы, но легко угадывались. Почему поехал сюда? Хотелось своими глазами взглянуть на диво дивное, таившее очертания Резиденции, в которой по воле автора, то есть его, Дана, воле, затеялся важный, ключевой разговор Властителя с ближним кругом, разговор этот развернул Славишию совсем в ином направлении...

– Выдумал или в самом деле разговор имел место? – спросила Юл, выслушав Дана, и неожиданно громово, залихватно захохотала – будто филин вспорол тишину сначала уханьем, а после резким, почти сатанинским, ненатуральным смехом. Чего в хохоте Юл было

больше – вызова, доли сомнения и неуверенности, самодовольства, язвительности, ехидства или самоутверждения – он не знал, тем не менее, закатистый хохот покоробил, заставил напрячься. Напряжение, впрочем, через мгновение-другое ушло.

– Придумал, конечно.

– Ясно... Ну и чем все окончилось в романе твоём?

– Тем же, чем и в жизни, за одним существенным исключением: Властитель в романе покинул земную юдоль еще в 2017-м...

– Мудрено изъясняешься. *Покинул земную юдоль...* Ох, эти писатели... Помер, что ли, или убили? Народ попроще изъясняется: коньки отбросил, ласты склеил...

– Ни то и ни другое. Да это не важно.

– А что важно?

– А то, что пожинаем плоды его бесконечно-долгого присутствия во власти по сию пору. И наш эксперимент с этим же связан, понимаешь?

Юл, против ожидания, умолкла, ничего не ответив, она опять напоминала большую нахохлившуюся птицу, только усталую.

После паузы Дан продолжил:

– Думаю, Резиденция по-прежнему существует, неизвестно, сколь часто нынешний наш лидер тут отдыхает, мне кажется, куда реже предшественника – во всяком случае, зомбоящик и пресса об этом молчок... Меня тогда и близко не подпустили, но кое-что любопытное удалось выведать у местных за пару бутылок – водка любые рты откроет. Так вот, на возвышенности аккурат напротив Резиденции, на противоположном берегу озера, дача имелась, построили ее сто лет назад для тогдашнего Властителя, который в ней ни разу не останавливался, он вообще дачу эту, страшась покушений, ловушкой считал, потому игнорировал... Уже в наше время бизнесмены заезжие предпочитали ее снимать; чтобы поселиться, нужно было строгий фейс-контроль пройти. На даче четыре люкса, мужики, поддав, поверье вспоминали: если там ребенка зачать, он главой государства станет, и постояльцы старались без устали – многие одноко приезжали без жен, а девушек, тоже прошедших фейс-контроль, можно было заказать заранее – по их словам, прошлое особняка и полутемные залы возбуждали мужчин... Так, по крайней мере, было лет двадцать с лишним назад. Что и как теперь, не ведаю...

Рассказ Дана подействовал на спутницу, она замедлила шаг, повернула лицо и молча внимала, от нее исходили токи, ему захотелось обнять ее и поцеловать, он едва подавил желание.

– Хорошо бы номерок такой снять, видать, секс там сумасшедший... Можно попробовать, когда эксперимент закончится, – вырвалось у него.

Юл сжала цепкими пальцами его руку повыше локтя – то ли поощрив на развертывание многообещающего сюжета, то ли выставив заслон: «давай без намеков» – скорее все-таки второе.

Тусклые фонари пятнали кусочки аллеи, под подошвами похрустывала листва, пространство по-прежнему объела тишина, ни лесных шорохов, ни потрескивания стволов, и птицы примолкли, словно замороженные.

– Впервые с писателем познакомилась. Я вашу братию по-другому представляла.

– Какими же? Наверное, с кудлатыми бородами на манер Толстого, да?

– Не знаю... Ты не похож на писателя, уж извини.

– Ничего-ничего. Я и сам себя не представляю. Знаешь, в писательстве или сразу складывается, или никак.

– А лично у тебя?

Он пожал плечами и не ответил.

– Дай почитать роман, – попросила Юл. – Так его и не напечатал?

– Ну, это длинная история. Как-нибудь расскажу.

...В конце одной из аллеи сопровождающий указал, что пора возвращаться.

– Смотри...

Юл, воздев руки, восхищенно указала на небо.

– Удивительно! Звездный дождь! Или мерещится?!

Восторг лился из нее. Дан не предполагал от спутницы такого накала эмоций и тоже задрал голову. И впрямь, падающие звезды оживили небосвод, метеорные потоки оставляли нежное розово-голубое свечение, словно перед взором в туманной дымке разворачивалась гигантская импрессионистская картина. Полная луна помогала видеть, как крошечные метеорные частицы прочерчивали

прямые сплошные и прерывистые линии, вспыхивали в виде вереницы, а иногда одного или нескольких огненных шариков.

– Что это? – вопрошала Юл, задрав голову, насколько могла, и ухватившись за Дана, чтобы не потерять равновесие.

– Метеориты резвятся. Наверное, Персеиды, я читал об этом. Образуются из кометного хвоста и атакуют атмосферу крошечными частицами льда, пыли и микропород. Но почему сейчас? Обычно Персеиды в середине августа появляются. Нынче чуть опоздали, а может, это финальный аккорд?

– Господи, не все ли равно... Красота-то какая офигительная! – Юл упивалась зрелищем.

– *В зрелости так не тревожат меня космоса дальние светлы, как комариная злая возня маленькой нашей планеты...*

– Ты о чем? – она опустила голову и посмотрела недоуменно. – Не усекла.

– Просто стихи. На злобу момента. Навеяло...

– Твои стихи?

– Не мои, я вирши не сочиняю. Не умею.

– Повтори, пожалуйста.

Он исполнил желание Юл.

– Да, это верно. *Комариная злая возня...* Всякой чепухой занимаемся, отравляем по мере возможности жизнь друг другу, врем направо и налево, а перед этим величием, – она воздела руки, – мы все так ничтожны, действительно, мелкие твари, только и можем пить чужую кровь...

– *В эти дни, в эти серые годы, после рабства и мёртвых стихов ничего нет прекрасней Природы и простейших любовных грехов,* – в тон ей.

– Красиво... Я стихи не запоминаю, не умею, а заучивать лень, – произнесла с сожалением. – Я не гуманитарка, училась на экономиста, ештушенок не читала, про Бродского краем уха слышала и тоже не читала. Тебе со мной скучно будет.

– Брось на себя наговаривать – у тебя много других достоинств, ты знаешь, каких. Кстати, звездный дождь – время загадывания желаний, знаешь об этом? – попытался увести ее от внезапно сменившихся эйфорию грустных мыслей. – Если не секрет, что хочешь пожелать?

– Что я хочу... А какие желания могут быть у незамужней женщины с взрослой дочерью и двумя маленькими внуками... Здоровья близким, успеха доченьке в бизнесе, ну, а себе – счастья в личной жизни, – и захохотала *по-прежнему*, громко и нутряно, только на сей раз с примесью горечи. – Но главное, чтоб несчастья стороной обошли...

– Андрей Болконский говорил: «Я знаю в жизни только два действительные несчастья: угрызение совести и болезнь. И счастье есть только отсутствие этих двух зол».

– Во-во, и я о том же – чтоб никто не болел, – отозвалась Юл. *Угрызение совести* пролетело мимо пущенной в никуда стрелой, не коснулось, не задело. – Теперь твоя очередь. Валяй, писатель, фантазируй.

– Никаких фантазий, самое земное, реальное: благополучия семье моей дочери и внукам, у меня их двое, как и у тебя. Видишь, какие совпадения. А чем твоя занимается?

– О, у нее замечательный бизнес! – оживилась Юл. – Продает картины по номерам.

– Что это? – не понял Дан.

– А вот что. Картины по номерам – это холст или картон с нанесенными контурами рисунка. Участки на картине и баночки с красками пронумерованы, чтобы легко определить, какой краской тот или иной участок раскрашивать. В итоге получится картина, очень похожая на оригинал. Уразумел?

– Выходит, каждый желающий может стать художником. И много таких находится?

– Уйма. У нас семейный бизнес – Марина, так дочку зовут, меня к себе пристроила, я вроде ее зама: связи с магазинами, контакты с поставщиками, ну и всякое другое... Многие любители раскрашивания по номерам покупают картины на холсте, хотят почувствовать себя настоящими живописцами. «Картон – это раскраска, а холст – картина!»

– Но это же ширпотреб...

– Не суди строго. Пусть и ширпотреб, как ты изволил выразиться, – в голосе легкая обида, – зато люди при деле, удовольствие получают, а много ли в нашей скудной жизни удовольствий... Это и оно. Да и стоят такие наборы недорого, в общем, по карману

простому люду. Нарисуют они птичек, зверушек, пейзажи, натюр-морты, портреты, купят в наших же фирменных магазинах рамки, повесят на стены – и радуются. Мы им хорошее настроение создаем. А от твоих книг, к примеру, легче на душе им становится, или тоску такую в них вгоняешь, что жить не хочется, а?

– Против такого аргумента возразить нечего. Ты права, – криво улыбнулся. – От моих сочинений веселее точно не будет.

– Ладно, вернемся к нашей теме, – примирительно. – Что еще хочешь себе и близким пожелать?

– Дай подумать... Хочу дожить до того момента, когда не придется участвовать в экспериментах типа нашего, когда ложь от правды будет отличима и угнетенные мозги сограждан наших хорошенько проветрятся.

Прозвучало выпренно, стало неловко за свое откровение. В конце концов, я же не знаю Юл, чем дышит, что внутри у нее, могу только догадываться, не более... С другой стороны, не стала бы добровольцем эксперимента, если бы... – не завершил мысль. Но что-то внутри требовало продолжения: пляска метеоритов, вздохи спящего леса, знобкое, будоражащее присутствие женщины – все вместе и еще нечто неуловимое, неосязаемое сняли неловкость, и Дан заговорил неожиданно горячо и страстно, стремясь выговориться исчерпывающе и до конца, доверившись спутнице.

– Пойми... Никакая власть не в силах людей заставить по ее законам жить; компостируй им мозги, зомбируй, забивай ватой, засерай – все без толку, ищет человек и находит свою нишу, чтобы укрыться, иначе пропадет. Сколь не давит государство, не пытается полностью, без остатка, растворить в себе, послушными и безропотными сделать – всегда островки неподвластной никому территории внутри каждого из нас остаются, вроде пузырьков воздуха в наполненном водой графине с пробкой, плотно ввинченной. Счастливы и несчастливы мы вне зависимости от государства, хорошее оно или плохое, ему только кажется, что оно владеет нашими душами – фигурки, ничего подобного, мы каждый свое сами постигаем, часто не благодаря, а вопреки. Мы как резиновые мячики: сжимают нас, давят, мнут, а мы упорно прежнюю форму принимаем.

Дан обнял ее, Юл не противилась. Через несколько секунд она мягко высвободилась.

– Извини за монолог. Вырвалось, – заторопился с объяснением.

– За что извиняться? Ты прав, я прежде не задумывалась. И про мячики точно сказал. Я не такая умная, как ты, с первого раза не доходит, мне все разжевать нужно, – после паузы.

– Только вот в чем загвоздка, – бросился пояснять. – Мы все – жертвы телеоблучения, многолетнего притом, государство постаралось наизнанку вывернуть мозги наши, а вслед за тем и психику. Утром на экране текст появился, помнишь? – якобы если передать команду телевизором нормальным здравомыслящим людям, то через год-другой в Славишии начнут целовать Заокеанию в задницу, отобранные у соседей земли вернуть захотят девяносто девять процентов населения, ну и так далее. Красиво нарисовалось. Только я не верю в год-другой, и в пять лет не верю, и вообще... Какой период полураспада радиоактивных элементов? То-то и оно, никакой жизни не хватит. А мы все – облученные, и никто не собирался нас лечить, пока гром не грянул и Славишия, как лодка, накренилась, бортами воду черпает, неровен час – тонуть начнет. И тут таблетки чудодейственные появились – вроде панацея. Так или нет – поглядим.

Юл замедлила шаги, слушала, не перебивая. Дан, казалось, видел в лунном свете пульсацию ее мыслей, почти физически ощущал.

Время прогулки закончилось, группа вернулась в здание, «красных» пересчитали (Дану почему-то привиделась картина лагеря, у ворот которого вечером проверяют вернувшихся с работы зэков) – никто из пятидесяти не исчез, не остался подышать смолистой сочной, не растворился в лесной чащобе. Скоростные лифты подняли на пятый этаж, люди разошлись по комнатам. Юл на прощание быстрой чмокнула Дана в щеку, пожелала доброй ночи и направилась к себе. Дан не удерживал.

9

Первая неделя пролетела мигом, истаяла, как инверсионный след истребителя в голубом поднебесье. Дан давно заметил: чем четче, по часам и минутам, расписаны дневные занятия, не важно, какие, тем стремительнее, безогляднее проносятся. С годами, вообще, все вокруг ускоряется, на одно и то же в юности и старости требуется

разное время. С другим его выводом многие не соглашаются, он же настаивает на нем: скучная, унылая, однообразная жизнь безудержно глотает часы и дни – не успеваешь оглядеться; напротив, жизнь яркая, насыщенная событиями, переменами течет гораздо медленнее...

Дан едва урывал возможность покорпеть над блокнотом, запечатлеть корявым почерком (приходилось, как немало лет назад, писать от руки) кое-какие навесившие его разрозненные мыслишки – готовясь к поездке, дал себе слово ежедневно вести дневник или что-то вроде того. В небольшом, размера записной книжки, блокноте уже содержались предварительные, еще дома, на даче, сделанные записи, они как бы предугадывали характер эксперимента; в основном фразы из прочитанного в полузапрещенном, но еще теплющемся интернете, одобренные собственными размышлениями, он и сам не мог отличить, что свое, а что заемное, откуда-то взятое; впрочем, это не имело значения, ибо выглядело подспорьем, кирпичиками, досточками, из которых предстояло что-то соорудить.

Он просматривал листочки, словно ревизуя занесенное на бумагу. *«Если детектор лжи подключить к телевизору, он (детектор) сгорит за десять минут».* Народная мудрость. Может, и еще быстрее, подумал про себя. *«Поскольку Бог и так все о нас знает, говорить ему правду не имеет смысла. Гораздо интереснее для него наша ложь, которую он предсказать не может».* Хм, ход мысли верный, однако... Что-то коробит в высказывании, но четких возражений пока не нахожу. Обдумаю позже...

Попробуйте только один день говорить правду, и уже к вечеру вы будете безработный, беспомощный, одинокий, всеми проклятый и покинутый инвалид, лежащий в реанимации травматологии! Пожалуй, верно, хотя и печально.

«... Люди учатся ненавидеть, и если они могут научиться ненавидеть, то их можно научить любить, потому что любовь более естественна человеческому сердцу, чем ее противоположность». Любовь – это правда, ненависть – это ложь. Наверное, поэтому ложь правит бал, а правда в положении Золушки. Правда подчас рождает ненависть, это факт, и вообще, странная зависимость одного от другого, Воланд прав: как бы существовало твое добро, если бы не было зла? Как бы существовала твоя правда, если бы не было лжи? Поди возрази...

Можно силой притащить коня на водопой, но заставить его пить невозможно... Мудрую пословицу придумали бритты. Я как тот конь... Нет, не буду лукавить – несколько раз пил под влиянием обстоятельств, заставлял себя, все бунтовало внутри – но пил. Взять хотя бы книгу-панегирик про вежливых человечков, умыкнувших у соседей полуостров. Противно, гнусно вспоминать. Поддался, элементарно струсил, отказ писать тогда означал выпадение из обоймы, мелкой, но дававшей возможность сносно существовать. Именно существовать, а не жить. В Поднебесной говорят: «Три вещи никогда не возвращаются обратно: время, слово и возможность...» Я выбрал не ту возможность, оттого часто, особенно сейчас, с горьким сожалением, что ничего изменить нельзя, вспоминаю тот период. С годами я стал гораздо реже совершать идиотские поступки, зато выросло их качество... Впрочем, сочинение книги, за которую стыдно, не назовешь идиотизмом, это – другое, а тогда эта затея выглядела совсем иначе.

Джойс в «Улиссе» поразительно точно рисует подобное состояние психики человека. *«Существуют грехи или (назовем их так, как называет их мир) дурные воспоминания, которые человек старается забыть, запрятать в самые дальние тайники души – однако, скрываясь там, они ожидают своего часа. Он может заставить память о них поблекнуть, может забросить их, как если бы их не существовало, и почти убедить себя, что их не было вовсе или, по крайней мере, что они там были совсем иными. Но одно случайное слово внезапно пробудит их, и они явятся перед ним при самых неожиданных обстоятельствах, в видении или во сне, или в минуты, когда тимпан и арфа веселят его душу, или в безмятежной прохладе серебристо-ясного вечера, или посреди полночного пира, когда он разгорячен вином. И это видение не обрушится на него во гневе, не причинит оскорбления, не будет мстить ему, отторгая от живущих, нет, оно предстанет в одеянии горести, в саване прошлого, безмолвным и отчужденным укором».*

Все про меня, обо мне.

Самое страшное насилие – насилие над собой, когда ты пытаешься помешать себе быть тем, кто ты есть. А кем я хочу быть и кто я есть? – в шестьдесят пора бы знать. Выше ли то, к чему ты стремишься, чем то, с чем ты борешься? Не знаю, не ведаю...

Давно свыкнулся с мыслью, что живу в другой реальности:

немало лет воспринимал происходящее вокруг диким и нелепым, бредом сумасшедшего, черное видел черным, белое – белым, вранье ощущал за версту, постепенно во мне начало что-то меняться, не заметил, как стерлись грани восприятия и я погрузился в хаос – внезапно налетевший вихрь поглотил с потрохами и понес со страшной силой незнамо куда; в один момент гримасы бытия перестали казаться таковыми, черное мерещилось белым, белое – черным, вранье не раздражало, прежнее выворачивалось наизнанку, внутренний протест слабел, всему находилось объяснение и оправдание, я терял силы, как при тяжелом недуге, и свербело в мозгу – а может, так и надо? Лишь на самом доньшке угнездилось и покуда существует, не дает метастазам победить ослабевший организм: так не должно быть, сопротивляйся...

Мы некогда переняли несколько весьма сомнительных верований – например, во всепобеждающую силу правды, в то, что человек от природы добр, рождается таковым, а злым, жестоковымым делается исключительно из-за обстоятельств. Сплошной перфекционизм. По-прежнему верим: любой выбор лежит между добром и злом, а не между большим и меньшим злом. С течением лет я все сильнее сомневаюсь в первом послыле...

«Если долго смотришь в бездну, бездна начинает смотреть на тебя». Слышно отовсюду: понятия добра и зла наивны, устарели, нравственные критерии? – засуньте их себе в одно место. Гадское время, доказывать обратное что ссать против ветра, да и желания большого уже нет, однако нет-нет и выиграет ретивое, начнешь с пеной у рта спорить, но быстро стихаешь и даже неловко становится за душевный порыв – в глазах окружающих смешон, нелеп...

Первая неделя эксперимента оставляет странное чувство: регулярное глотание таблеток не проясняет мозги – может, потому, что я *и так вроде бы все понимаю*, меня не требуется от чего-то отлучать, выбивать из меня, словно палкой из пыльного ковра, скопившееся непотребство мыслей; однако в закоулках сознания, затемненных участках накопителя вредоносной информации по-прежнему нет проблеска, прорыва к свету, будто в темной комнате, согласно присловью, упорно ищущую черную кошку, зная, что ее здесь нет. Лекции и специальные телепрограммы рожают угнетенное состояние,

начинает казаться – все услышанное и увиденное бьет мимо цели, не откладывается там, где положено. Неужто это только со мной? Юл утверждает – и с ней похожее. Пилюли пока не работают или токсикоз слишком силен. Источник телеизлучения превращает новости в вымысел, а вымысел – в историю, – кажется, про вымысел и новости говорил Просперо. Заведомо насаждаемой ложью, враньем пропитаны наши поры, дыхание, одежда, ее можно сменить, но что делать с ядовитыми нейронами... Лео – интересный тип, поинтересуюсь у него по поводу новых ощущений, и вообще, стоит сойтись с ним поближе.

И еще остро-неопровержимо чувствую – поколеблен внутренний баланс, установился после форменного бегства жены с итальянцем, не сразу, конечно, затянулась рана, пришлось выстрадать; и вот теперь присутствие Юл отзывается новым, неизведанным, лучше сказать, давно забытым. Смирился с одиночеством, постепенно обрел в нем покой и даже отраду, но Юл, сама того не ведая, тукает в висок – нельзя быть одному, ни в коем случае, запрещено.

Пятница в Славишии – выходной, уже давно страна отдыхает три дня в неделю, а работает, вернее, делает вид, – четыре. И у нас в пансионате пятница – выходной, безраздельно отдан, как и повсюду, физкультуре: турники, бассейн, волейбольные и баскетбольные площадки – в зале и под открытым небом, и даже футбольное поле. Приняли таблетки – и вперед, укреплять дряблые мышцы, быть готовыми к труду и обороне. Благодарь! Да только лажа все это – будто только в здоровом теле пребывает здоровый дух. Вспоминаю кем-то описанную назидательную историю: жил-был мужик огромной силищи, руками мог вырвать из земли дерево с корнем, и на том самом дереве удавился от душевной боли. Так-то вот.

...Юл предпочла бассейн, потащила с собой Дана, тот отнекивался – не хотел ударить лицом в грязь: плавал он как топор, едва держался на воде. Водобоязнь пришла в раннем детстве: каждое мытье головы сопровождалось воспалением среднего уха, туда попадала вода (врожденный дефект) со всеми вытекающими последствиями – стреляющей болью, слезами, закапыванием камфорного масла. Отец брал его на руки, качал, произнося нараспев: «А-а, а-а, Данечка, а-а, а-а маленький...» Так продолжалось до тех пор, пока

известный столичный врач-отоларинголог, огромный мужик-заика, не установил врожденную причину заболевания. Мальчик стал оберегать уши от попадания воды – какое уж тут плавание... Рассказывать об этом Юл он не захотел и наблюдал за ней с бортика бассейна.

В открытом голубом купальнике она выглядела обворожительно – мужчины, от юнцов и до пожилых, извертели шеями, да и женщины окидывали фигуру Юл, плотную, с крепкими лядвиями без намека на целлюлит, тайно-завидущими взглядами. Посмотреть было на что. Дан представил, что они в постели, воображение рисовало одну заманчивую картину за другой. «Приглашу к себе выпить, а там по обстоятельствам», решил и ощутил нервическую дрожь, чего с ним давненько не случилось.

...Вечером гуляли привычным, дозволенным маршрутом. Дан приобнял ее за талию, слегка прижал к себе, щеки их соприкоснулись.

– Юля, есть предложение..., – и не договорил – она перебила:

– Ты почему не бреешься? Нарочно или так нравится? Я небритых не люблю. Небритый ты старше выглядишь, седина проступает.

– Признаюсь: надоело бриться и бороться, – грустно усмехнулся.

– А бороться при чем здесь? Я эти вещи не связываю. Станный ты, Дан, какой-то. – Она поглядела недоверчиво и даже слегка обидчиво, будто ее спутник специально задал поставившую в тупик задачу.

– Это я так, к слову. Бреюсь действительно через день, а то и через два. Кайфа не чувствую водить «жиллеттом» по мыльной физиономии. Раньше любил, теперь чуть ли не в тягость. Хотел бороду отпустить, глянул в зеркало и раздумал – стариком выгляжу.

– Вот и я о том же.

– Раз ты небритых не воспринимаешь, обязуюсь исправиться. А насчет бороться... Знаешь, Юля, с годами желание что-то доказывать, отстаивать ослабевает. Это как потенция у мужчин. Все равно никого ни в чем не переубедишь, люди – они упрямы в предрассудках.

– А как же твой роман, ну, который секретный, разве не борьба была, ты ведь рисковал. А сейчас, что же, лапки кверху?

– Не совсем так. Иначе не приехал бы сюда. Это особая тема... Юля, есть предложение.., – вернулся к началу разговора.

– Я не Юля, я Юлиана. Редкое имя, правда?

– Действительно, редкое, – согласился.

– Древнегреческое. Означает – «кудрявая».

– И где твои кудри? – инстинктивно погладил ее гладкие волосы с мелкими завитушками по концам.

– Были да сплыли. Изменила прическу.

– А как с остальными соответствиями имени?

– В моем гороскопе сказано: натура эмоциональная, с развитым чувством долга, высокой ответственностью. Характер достаточно упрямый и своенравный. Личность сильная и совершенно независимая. Переубедить Юлиану в чем-либо практически невозможно, ибо не склонна вникать в аргументацию собеседника и не переносит малейшего давления. Юлиана крайне субъективна и привыкла доверять только своему собственному мнению. Помимо этого, не амбициозна и отличается даже слегка заниженной самооценкой. Однако при этом терпеть не может малейшей критики в свой адрес. Плюс крайне доверчива и ранима, остро переживает малейшие обиды и не прощает предательства. Вот такая она...

– И насколько нарисованный портрет соответствует твоей персоне? – Ну, не мне судить. А ты как думаешь?

– Не знаю... Независимость и своенравность слегка почувствовал, по поводу прочего не имею суждений в силу малого срока общения.

– Дипломат, блин... Я полагаю, портрет почти точный. Так что подумай, остерегись, прежде чем..., – она не закончила.

– Смелость города берет, – сам не ожидал накатившей решимости. – Так как по поводу моего предложения?

– Я его не услышала.

– Провести вечер у меня, выпить, расслабиться...

В общении с женщинами ему порой бывало трудно выразить слегка завуалированный, но вполне очевидный намек, сейчас вышло как бы само собой.

– Ты полагаешь – настала пора? Не рано форсировать события? – губы ее ехидно дернулись. Хорошо, что не захохотала филином на весь лес, и на том спасибо. – Переспать – еще не повод для знакомства, – и шаловливо скосила глаз.

Дан несколько опешил, поморщился: последняя фраза звучала вполне банально, затасканно. Ну и что, заметил успокоительно, не всем же изрекать мудрые мысли, тем более, женщине. У нее другие достоинства имеются...

– Ну, это уж как получится. Провести вечер в приятной беседе под рюмочку – что ж плохого? – невольно сдал назад.

– Ничего плохого, – согласилась. – Я не отказываюсь, – неожиданно посеяла надежду. – Только не сегодня. Давай послезавтра, в воскресенье.

– А почему не сегодня?

– Так будет лучше, – и улыбнулась чему-то своему.

Одержав маленькую победу, которая сама шла в руки, Дан обнял спутницу и поцеловал в губы, против ожидания, холодные и равнодушные. *Поцелуй был как лето, он медлил и медлил, лишь потом раздражалась гроза...* Увы, грома, молнии, ливня не предвиделось, он, несколько обескураженный, разжал объятия. Юл, кажется, поняла:

– Я не из тех, кто стремглав бросается на мужиков или мигом отвечает на их порывы, запомни, дорогой, и сделай выводы, – слово оправдываясь, дабы не выглядеть в его глазах слишком сговорчивой. – Скажи-ка лучше, что означает твое имя. Вряд ли Данила, значит – Даниил. Даня. Угадала?

– Ход мыслей правильный. Даниил означает: судья мой Бог, или Божий суд, или же Бог всему судья. Достаточно удачлив во всем, всегда спокоен, уравновешен, абсолютно неконфликтен. Некоторые, однако, считают его бессердечным, жестоковыйным...

– Как ты сказал? Жестоковы..., – не поняла Юл. – Такого мудреного слова не встретила.

– Жестоковыйный – значит упрямый, своевольный. Скажем, как ишак или верблюд, не сгибающий шею, не дающий упряжь на себя надеть.

– Ишак..., – прыснула по-детски, в кулачок, а не громынула хохотом. – Ты и вправду такой?

– Пожалуй, нет, но порой становлюсь непокорным. Возможно, льщу себе, желаемое за действительное выдаю, – вздохнул с сожалением.

– Ты, по-моему, не такой, ты мягкий, податливый, как плюшевая игрушка. Бабы из тебя веревки вить могут...

– Ну, тебе виднее... – сравнение Юлианы явно не обрадовало. – Давай вернемся к Даниилу. Основной его недостаток – склонность к излишнему самокопанию и самоконтролю. Погружаясь в собственные чувства, Даниил с легкостью может потерять всякую связь с окружающими, и именно поэтому задача близких людей – не допустить, чтобы такой открытый и общительный человек вдруг резко и надолго ушел в себя.

– Я примерно так и предполагала. А по женской части как он?

– Всегда готов.

– Это я уже поняла.

– Кстати, ни за что не кинется на броскую и яркую наружность, в особенности, если за ней будет скрываться пустая и неинтересная личность. Надо заметить, что вообще в женщине Даниил максимально высоко ценит честность, порядочность, верность. Женщина, которая сможет завоевать его горячее сердце, действительно никогда не станет жалеть об этом – ведь он отличный муж и прекрасный семьянин. Чистое вранье, поскольку я давно в разводе, жена мне изменила, вышла замуж за макаронника и покинула Славишию.

– Шансов у меня мало, – вздохнула, похоже, искренне, пропустив мимо ушей жену.

– Не переживай, верить гороскопам и прочей фигне – удел заводных чудаков на тринадцатую букву алфавита. Будем выше этого.

– Тринадцатая буква? – зашевелила губами, считая, и понимающе качнула головой: – Все понятно...

Окончание – в следующем номере

Давид Гай – известный журналист, писатель. Около тридцати лет проработал в газете «Вечерняя Москва». В 1993 году эмигрировал в США. Живет и работает в Нью-Йорке. Он был главным редактором русско-американских еженедельников «Еврейский Мир», «Русская реклама», «В Новом Свете». Ныне он – редактор международного литературного журнала «Времена». Регулярно выступает на русско-американском телеканале RTN в программе «Пресс-клуб».

Перу Давида Гая принадлежат около трех десятков художественных и документальных книг. Среди наиболее известных – роман «До свидания, друг вечный», посвященный истории любви

Достоевского и Аполлинарии Суловой; повести «День рождения» и «Телохранитель» (по одной из них недавно в России выпущена аудиокнига); документальное исследование «Вторжение» – о войне, развязанной Советским Союзом в Афганистане (автор неоднократно бывал там в качестве журналиста); «Десятый круг» – повествование, посвященное жизни, борьбе и гибели в годы Второй мировой войны Минского гетто (книга затем вышла в США на английском языке под названием «Innocence in Hell»).

В последние годы в Москве изданы четыре новых книги Давида Гая: роман «Джекпот», сборник документальных очерков о крупнейших авиаконструкторах «Небесное притяжение», роман «Сослагательное наклонение» и 750-страничная сага «Средь круговращения земного...» Роман-сага описывает перипетии жизни двух ветвей, российской и американской, одной семьи на протяжении более чем века.

Изданный в США в 2013 году на русском и английском языках роман Давида Гая «Террариум» посвящен России сегодняшней и завтрашней. Он завоевал читательскую аудиторию. В 2015 году в Америке и в Украине увидел свет новый роман-антиутопия «Исчезновение».

Гари ЛАЙТ

ТРАЕКТОРИИ ВОЗВРАЩЕНИЙ

Не добродили по пескам,
не осознали суть пустыни,
артподготовка холостыми,
страх – сединою по вискам.
Переоценка – не к добру,
добро – похоже, не в фаворе,
и состраданье канет в море,
без отражений поутру.
Нелепый перечень удач,
столь сиротлив и опрометчив,
что все моральные увечья
отнивелированы в плач.
Период отсчёта начался,
но он негромок и печален,
бриз тронул занавески спален...
О продолжении нельзя.
Покуда сказочный сюжет
казался истинно библейским,
не замечалось фарисейство,
воспринимался только свет.
Темень ютилась по углам,
лишь намекая о реванше.
Произошла в последнем транше
и по заслугам раздала.
Есть промежуток временной –
рубеж оставлен, но не занят.
Костры из книг ещё не палят –

в указе нет той запятой,
которая развяжет руки
да индульгенции раздаст,
а там уж – кто во что горазд...
Заиндевет боль разлуки.
Качнулся маятник, и в нём
лишь первый шаг пути иного
за гранью спуска ледяного,
где верно – каждому своё...

В другую сторону от моста
глаза закрой, сосчитай до ста,
а может, и вовсе забудь про счёт,
размеренным шагом, как звездочёт,
мимо означенной пустоты,
в которой знакомые канут черты.
С Масады ли всё это началось,
и сколько веков прошагали врозь?
В Лодзи подставленное плечо
забылось, и будто бы ни о чём,
с тех самых времён стечение строк.
Город. Печерск. – Вам нравится Блок?
– Мне более по сердцу Гумилёв
и, знаете, вовсе не Киев – Львов.
На Венском вокзале – выбор прост:
– У нас на всех один Холокост.
В другую стороны от стены,
настолько в другую, что даже сны
совсем не про общий контур страны.
Внегранный языковой барьер,
дети, которых не ставят в пример
уже ни матери, ни отцы,
и камень в стене не взять в образцы.
Так, стало быть, поднимай воротник,
молчи, не смей – прикуси язык,
давно Ариадна утратила нить,

ей стало не нужно учиться шить.
В другую сторону от окна,
из-под горизонта – идёт волна...
Сомненья извечно ведут в тупик,
любовь чревата срывом на крик,
эхо которого столько лет,
словно признание или обет.
Закономерен выбор сторон,
порою – невосполнимый урон.
И если вначале слово – как есть,
суть лапидарна – оказана честь,
оставить свой ненавязчивый след,
на этом плато, не лишённом бед,
как выпало – кто и на что горазд,
в другую сторону – всякий раз,
но круг не замкнут, всему вопреки,
и снова берег этой реки...
В другую сторону от моста.

Стороннее

Людмиле и Виктору Штерн

Неприкаянный некто, имперский окурок, педант,
оглядев с маяка все окрестности этого рая,
допустив Мнемозину в свой внутренний ржавый «Трабант»,
всё сверлил горизонт, ненавидя, но и не мигая.
Не вмещалась реальность в пропитый его кругозор:
Как же так, почему этот остров не гибнет, как Куба,
почему те, кто с ними, – у всех лагеря и позор,
а у тех, кто без скреп, – вдохновенье и мысль неподсудны?
Почему улыбаются, лечат убогих, разводят котов
прямо здесь вот, напротив, в имени дядюшки Хэма,
а на Лиговке просто – кастетом под дых и без слов,
почему налицо вот такая вот лжетеорема?
И тогда соткалось из глубин откровенье ему,
на стене маяка, так доходчиво, внятно, по-русски:

– Потому что сначала вы топите тупо собаку Муму,
а потом всех к стене – от Невы и до самой Тунгуски –
заливаете кровью границы несчастной страны.
Сын стреляет в отца, брат сестру волочит на допросы,
если это не горе, вы сами себе не нужны... –
вот такие ответы схватил со стены на вопросы.
И хотел бы, наверно, отчаянно, зло возразить,
что, мол, космос, балет, Лев Толстой, только всё это мнимо,
он поник и проникся, и как же с таким откровением жить,
мёртв его рок-н-ролл, осознание падения непостижимо.

Каринэ Арутюновой

Вид из окна в заснеженность двора,
у зимних аномалий цвет сирени,
в повествованьях оживают тени
всех дочерей от сотворенья до костра.
Из Яффо добираясь в Рамат-Ган,
такие образы грядут из подсознания,
что всех запястий мира осязанья
прибудут от Урарту в Хайястан.
Бессильны все сирены миштары
в пору хамсина, против восприятий,
когда всё вдохновение истратив
окажешься у Храмовой горы...
...Внезапно от Воздвиженки – навверх,
по лестнице, где солнечные блики,
в тот светло-синий Город многоликий,
чьё притяжение – испокон, но не для всех.
Как греет созерцанье куполов,
застывших и парящих над Рекою,
кисть над холстом занесена рукою...
Эскизы прозы озареньем слов.
Наброски – силуэты женских тел –
нездешней нежностью заденут за живое.
Такую музыку извольте слушать стоя,

суть откровенья образуется в предел.
 Бокал вина – знаменье, не игра;
 все атрибуты ремесла упрятав на ночь,
 услышать про загадочную Нарочь...
 Вид из окна в заснеженность двора...

Гипотетическое

*...And you know that she's half crazy
 But that's why you want to be there
 And she feeds you tea and oranges
 That come all the way from China...*

Leonard Cohen

Печаль – но мы не выбираем муз,
 да и они, с небольшою охотой,
 становятся своим же антидотом.
 Не защитит их долю профсоюз.
 Не все, но большинство, чтоб мы ушли,
 готовы даже мысленно раздеться,
 но, допустив нашу ладонь к району сердца, –
 осознают, ошибку совершив:
 Нам дальше абсолютно всё равно,
 как неуютно им на пьедестале,
 мы их, себя и всех вокруг достали,
 перекроив их суть и либидо.
 Мы без наркоза крылья удалим
 в размер и рифму не входящей музе,
 а после скажем домовёнку Кузе,
 что никому её не отдадим.
 Лукавим и, конечно, отдаём
 её, бескрылую, на суд молве недоброй
 и удивляемся, что муза стала коброй,
 преодолев свой прежний окоём...
 В себе мангустов навыки открыв,
 черпаем из уже змеиной сути
 любовь и яд возможных перепутий,

про то, что муза – женщина, забыв.
И вот ей попадают стихи –
наотмашь – суд, замашки дирижёра,
вся страсть и необузданность стихий
в миг обретает направление метеора.
Как опрометчиво мы носим этот груз
за вдохновением, того не замечая,
и как некстати – апельсины к чаю.
Печаль – но мы не выбираем муз...

В костёле на Васильковской услышать орган,
зайдя перед этим с Красноармейской сквозь арку во двор,
я часто гостил в коммунальном мире, всё помню, но рос не там,
довоенный лифт, потолок высоченный, «Сказка» из окон,
отсутствие склок и ссор.
Гастроном угловой, с лучшим пломбиром, которого больше нет,
закатный луч волшебства, в неповторимом отсвете фасадов и
крыш домов,
она тоже бывала в Доме кино, на детских сеансах, я, десятилетний,
глядел ей вслед,
не ведая вовсе, что странная нелюбовь в палиндроме грядущего
века нелепо сравнивает счёт.
Стадион, что сменил с сорок первого власти и имени,
на трибуны которого в эру «Динамо» семидесятых был вхож
с отцом,
где подспудно, без умысла на подсознании, необъяснимо возникла
страна
и ушла на войну, умирать на Донбассе, с детским лицом,
под имперским свинцом.
От стадиона налево, лучше пешком, и будет ИнЯз,
напротив него – Полицейский садик, где осень из песен былых
времен,
меня увезли из шестого класса, и не случилась боль после
экзаменов, в бровь и в глаз,
всё сослагательно к лучшему, иначе намного раньше и изощрённее
не был бы ею прощён.

Органная музыка, как панацея, под сводами дарит вздох,
затем, словно сон, – стихи на Толстого, такси, Куренёвка, путь
в Бабий Яр,
непредсказуема память, вершится пластами случайных и вовсе
ненужных крох,
на взлётной лайнер в Борисполе ничтожно мал – необходимость
во избежание чар и кар...

У послезимних терпких дней
свои ужимки и повадки,
вовсю на авантюры падки
слова и действия людей.
Давно зарекшись говорить,
внимать, похоже, не выходит,
и в атмосфере нечто бродит,
располагающее пить
не дегустаторский бокал
калифорнийского сухого,
а скотч шотландский, и сурово
во всём защиту обвинить...
А коль содеянного нет,
бездействие в вину вменяя,
не замечать начало мая
и робко исходящий свет.
Вот этой самую порой
в ретроспективной недостатке
идут подальше, не иначе,
те, кто являлись исподволь
в начале века, и потом
периодически бывали,
учили жить, чревовещали,
лишившись прав, пустив на слом...
Вот здесь уместно осознать,
что терпкость дней ещё не бездна,
а неприкаянность полезна:
в ней интересно созерцать

туман, бразды отдавший сути,
когда становятся ясны
насквозь пророческие сны.
И сделать шаг на перепутье...

Кредо

Не осуждаю, не ведусь,
не спорю больше. Но не надо...
Вещать про ясновидящую Русь,
из-под бейсболки зрить державным взглядом...
Иерусалим – всегда, без скобок мой,
без демагогий, ответвлений и указов,
и в Киев свой я не вхожу с толпой –
там не был я чужим ещё ни разу...
За тридцать девять вёсен в США,
я для себя вполне определился,
здесь навсегда, давно – моя страна,
в её свободе научился и случился.
Мне пафосным, имперским языком,
не нужно псевдо-истины глаголить
и кто разочарован нынче в ком,
извольте класть к себе на антресоли...
Когда всё в мире станет на места,
когда он сам собой переболеет,
и снимут с самозванного креста,
в который раз... Всех мнимых фарисеев...
Давайте вот тогда – поговорим,
как прежде, вовсе без абсцентных реплик,
про Крым, про Киев, про Иерусалим,
про то, кто оптимист из нас, кто скептик.
О том, что вечно состраданья слог,
отнюдь не слабость, а напротив – сила,
что за порок – не может ратовать пророк,
как бы судьба его с дороги не сносила.
Но это после, жаль, что не теперь,
во всём уместней споров нынче – книги.

Так избежим нечеловеческих потерь
и снимем ненависти острые вериги.
До той поры я не вступаю в спор,
для всех придёт пора определиться.
Ведь испокон – чужое взявший – вор.
А ложь – легко читается по лицам...
Не обижаюсь. Не ведусь.
Не осуждаю. Но, не надо...

Гари Лайт родился в Киеве в 1967 году. С 1980 года живет в США. По профессии – адвокат. Окончил Нортвестернский университет в Чикаго (факультеты политологии и славистики), затем юридическую магистратуру.

Член Союза писателей Москвы и Украины. Состоит в ПЕН-клубе. Стихи публиковались в журналах «Время и место» (Нью-Йорк), «Новый Журнал» (Нью-Йорк), «Крещатик» (Германия), «LiteraRus» (Финляндия), «Эмигрантская Лира» (Бельгия), «Радуга», «Ренессанс» (Киев), «Кольцо А» (Москва) и других изданиях; в сетевых ресурсах. Участник антологий «Строфы Века-2», а также «Киев. Русская поэзия. XX век».

Выпустил 7 сборников стихов. В Америке и Украине недавно вышли в свет новые книги Лайта.

Леон МИХЛИН

ИНДИЙСКИЙ ГАМБИТ

Продолжение. Начало – в № 1 (5), 2018

Глава 6

Вэл ходил по офису с задумчивым, слегка загадочным видом, словно хранил в себе такое, чего не знал больше никто. Так оно, в сущности, и было, однако он не спешил открыть карты, хотя все, и в первую очередь Марк, ждали от него откровений. Вэл в такие минуты напоминал эквилибриста на тонкой проволоке, балансирующего со стаканом воды, стремясь не расплескать содержимого. Впрочем, невольно возникал еще один образ – иллюзиониста: вот сейчас достанет из рукава или из-за пазухи нечто неожиданное, невероятное, и сбитый с толку, ожидающий подвоха народ только и вылупит глаза и невольно вскрикнет в изумлении – как фокуснику удастся так легко дурить нам головы!..

Марк уже хорошо изучил русского партнера, особенности его мыслительного процесса. Шло вызревание идей, торопить, подгонять Вэла не имело смысла – сам откроется, когда придет время. Марк видел, как идеи Вэла живут и процветают. Деньги шли потоком. Поток этот напоминал горный камнепад, за одним камешком вслед устремлялись другие, превращаясь в лавину. Ее нарастающий шум заглушал живущую в Марке природную скупость. Он не узнавал себя, против его сущности в нем происходила метаморфоза: он начал тратить деньги на удовольствия, на то, что раньше обходил стороной. Собственно, скардность не покинула его, однако стала менее ощутимой, влияющей на образ жизни. Ужины в дорогих ресторанах теперь не вызвали прежней нервной реакции и сожаления – зачем выбросил пару-тройку сотен... Доступных девиц, коих в барах и стриптиз-клубах Манхэттена хватало, по-прежнему чу-

рался, это была не его стихия, но жене с радостью (сам удивлялся!) делал дорогие подарки. Сэкономленные, неистраченные доллары, прежде звучавшие дивной музыкой, отзывались теперь какофонией, и Марк быстро избавлялся от них. Он верил – с Вэлом заработает еще много денег.

...И вот, наконец, плод созрел и упал к ногам – Вэл попросил босса срочно предоставить ему аудиенцию. Сделал это в своей манере, неожиданной, неамериканской – предложил в середине дня *прогуляться*. Час ланча уже прошел, значит, состоится важный разговор, понял Марк, и внутри заняло радостным ожиданием. Пять пар глаз сотрудников проводили понимающими взглядами ромбовидную фигуру босса и худого, темноволосого, коротко стриженного русского.

По 32-й улице они двинулись в сторону Бродвея, влившись в броуновское движение спешащих по своим надобностям людей и фланирующих туристов.

Стоял октябрь, теплый и сухой, олицетворение долгой протяжной осени, лучшей поры в Нью-Йорке. Он казался продолжением августа: все по-прежнему зеленело – клены, дубы, вяза начнут краснеть и желтеть месяцем позже. Вэл обожал здешнюю осень, в отличие от Москвы не хлюпавшую грязью, не пасмурно-дождливую. Он обходился без платяной и сапожной щеток – не требовалось счищать грязь с манжет брюк и надраивать обувь. Солнце полыхало по-летнему, люди ходили в майках и рубашках с короткими рукавами. Зато в соседнем Нью-Джерси разливалась умопомрачительными красками классическая осень с шуршащей фольгой под ногами багряной листвой.

Вэл отказался зайти в бар и начать беседу под бокал вина или пива. Найдя укромное местечко в скверике, он пригласил босса сесть рядом на скамейку.

– Марк, в последний месяц я сделал массу звонков коллегам, менеджерам финансовых компаний, с некоторыми имею шапочное знакомство, с некоторыми более близкие отношения. Говорил с ними из дома по вечерам, после рабочего дня, когда они имели время меня выслушать. Разговор шел исключительно об аутсорсинге. Компании начинают развивать программное обеспечение вне своих

стен. Признаться, картина происходящего до сих пор в тумане, а я не люблю ситуацию, пахнущую неопределенностью. Тем не менее, главное я уловил. Львиная доля расходовемых на компьютерные программы денег будет идти через аутсорсинг. Это означает, что наш сегодняшний бизнес начнет пробуксовывать. Такова реальность, и к ней надо быть готовыми. Поэтому мы не имеем права игнорировать аутсорсинг. Это будет невероятная недалёковидность и просто глупость.

Пронзительные синие глаза Марка отражали плохо скрываемый интерес, а длинные гибкие, как у пианиста, пальцы нетерпеливо плясали на коленях, словно определяя темп разговора.

– Мне очевидно, – продолжал Вэл, – что аутсорсинг разделится на три направления. Одни компании пробуют заниматься этим только в Америке. Другие – приглядываются к Индии. Третьи – к другим странам, в том числе к России. Я попытался разобраться в затратах и в прибыли, сравнить, сопоставить. Возник вариант, при котором мы в значительной мере меняем профиль – рекрутинг станет побочным, а может, со временем мы вообще от него откажемся.

– А что взамен? – Марк с еще большим нетерпением плясал пальцами – *allegro* переходило в *presto*.

– Взамен – получение большого контракта, в котором мы сможем использовать своих программистов. То есть, превратимся в консалтинговую фирму. Схема простая: некая солидная компания, скажем, банк, заключает контракт с нами. Мы разрабатываем компьютерные программы в течение определенного времени за определенную сумму.

– Послушай, а какая выгода солидному банку отдавать работу на сторону? Он что, сам не справится? Наймет 15-20 программистов и вперед! Я не круглый идиот, а вот не понимаю, хоть тресни.

Марк впился буравчиками зрачков в Вэла.

– Не смотри на меня таким взглядом. Я не сказал ничего мудреного. Это не бином Ньютона, – вспомнил любимую фразу читавшего курс высшей математики университетского профессора. Марк скорчил гримасу, губы вытянулись ниточкой, плечи конвульсивно дернулись – про бином он, похоже, ни шиша не понял. – Ты умеешь считать деньги, этого у тебя не отнимешь, так? Давай войдем в положение крупной финансовой компании. Ей требуется

создать новое программное обеспечение для своих брокеров, нужно нанять, скажем, двадцать программистов на полгода. Компания обратилась к тебе, Марк, за помощью – найди грамотных консультантов и организуй их работу. Ты с охотой берешься за дело. Любое агентство, включая наше, согласится работать на самом низком проценте. Например, пятнадцать долларов в час с каждого консультанта, – Вэл пристально посмотрел на босса. Тот качнул головой в знак согласия.

– Грубо говоря, с каждого нанятого на полгода программиста мы будем снимать порядка двух с половиной тысяч в месяц или пятьдесят тысяч со всех. Помножь на шесть – это триста тысяч. Отлично, не правда ли?! А теперь..., – Вэл сделал заговорщическое лицо, – я разобью в пух и прах свою же собственную схему.

Марк от неожиданности привстал, пальцы прекратили выбивать чечетку и нервно вцепились в колени. Он плюхнулся на скамейку и приоткрыл в недоумении рот.

– Я тебе сейчас докажу, что за триста тысяч ни одно агентство не возьмется за такой проект. Смысла нет, ибо больше денег будет потеряно по дороге. Сначала мы должны снять помещение. Оно должно находиться в дорогом районе Манхэттена – в говенный уважающие себя программисты не пойдут работать. Такое помещение будет стоить больше тридцати тысяч в месяц. Агентство должно нанять руководителя, менеджера, идеолога проекта. Допустим, мы нашли классного парня, который будет исполнять эти обязанности. Но ему нужно платить не меньше двухсот тысяч в год. Кроме того, придется истратить деньги на компьютеры, их обеспечение и прочее. В итоге никакого профицита агентство не увидит, если компания предложит ему сумму, равную той, которую она истратила бы, если бы создала обеспечение внутри своих стен.

Марк внимательно слушал. Пытался следовать его мыслям. Ему казалось – он понимает то, что пытается высказать Вэл. Но в конце концов он признался себе, что не может четко сформулировать идею, которую хочет донести до него Вэл. Это раздражало, превращало в тупого школяра, не улавливающего мысль учителя.

– Нанимателю придется отстегнуть куда большие деньги, иначе мы пошлем его куда подальше. Работать задарма дураков нет. Вывод

напрашивается: делая проекты вне своих стен, тот же банк, во-первых, наносит себе финансовый урон, а во-вторых, рискует разгласить свою политику развития соперникам. Не по собственному желанию, разумеется. Ведь нанятая консалтинговая фирма – лишь своего рода посредник, создав продукт для одного банка, с огромным удовольствием продаст его другому. Это нормально. Это сущность посредников. Но это еще не все...

– Вэл, исходя из твоей логики, получается, что внутренний аутсорсинг невыгоден крупным компаниям. Так чего огород городить? На хрена нам менять профиль, заниматься незнакомым делом, коль прибыли нет?

– Хм, ты правильно понял, однако я установил, что примеры передачи работ на сторону множатся. Отчего бы это, как ты думаешь?

– Понятия не имею.

– Открою секрет. Из агентурных данных стало известно следующее: в Штаты зачастили индийские гости, сулят золотые горы, предлагают переводить части американского программного обеспечения к себе в Бангалор и другие места, иными словами, агитируют за аутсорсинг. «У нас в Индии все много дешевле...» – и это правда.

– И что наши крупные боссы, идут навстречу?

– Полагаю, кое-кому перепадают немалые суммы *под столом*. Попросту говоря, взятки. Кто-то наверняка клюет. А потом изредка происходит то, что со Шредингером из «Золотого банка» – наручники и суд, который может тянуться годами, как у нас принято. Но чтобы все было шито-крыто и никто ничего не заподозрил, индусы советуют параллельно с работой в Бангалоре вести внутренний аутсорсинг. Для отвода глаз.

– Так ведь нашим невыгодно! Ты же сам говоришь...

– Представь, что ты крутой начальник и получил втихаря от индусов миллионы. Свалились с неба, будем считать. Что ты делаешь дальше? Пудришь мозги инвесторам, рассказываешь, как важно, дабы не проиграть конкурентам, использовать все виды аутсорсинга, не только внешнего, но и – внутреннего. Разумеется, инвесторам об операции *прикрытия* – ни гу-гу. Некоторую часть денег передаешь консалтинговой фирме, та начинает разработку нового программного обеспечения. Не жадничаешь, оплачиваешь работу по

самым высоким тарифам. Часть суммы, скорее всего, возвращается в виде *отката* – и все довольны. В общем, жульничество.

– Как ты все раскопал?

– Связи надо иметь. Притом это больше мои предположения, железных фактов у меня нет, да и откуда им взяться... Такие вещи в строжайшем секрете держатся.

Глава 7

Этот откровенный разговор Марк осмысливал, оценивал с разных сторон, с удовольствием пережевывал, как вкусную пищу. Вэл приоткрыл завесу над манящим и рискованным, о чем хозяин агентства не догадывался. Стоит ли ввязываться в эти дела, решал он внутри себя, и чем больше прикидывал, тем настойчивее вызревало знобкое, отбрасывающее сомнения желание – да, стоит, иначе можно пройти мимо денег, чего Марк бы себе не простил.

Так продолжалось неделю. Готовый обсудить с Вэлом практическую сторону, он опоздал – тот сам неожиданно задал вопрос, недвусмысленно показывающий, что уже все решил за него. «Безусловно, наглость, нарушение субординации, я же еще не дал ему ответа», – думал Марк, впрочем, без обиды – в их паре, как в полете истребителей, он был ведомым, а Вэл – ведущим.

– Помнишь, ты рассказывал про некоего Стивена, друга твоего младшего сына Брайана? Жили в одной комнате университетского кампуса, вместе шлялись по барам, клеили девчонок, ну и прочее. Стивен, если память мне не изменяет и я верно передаю твой рассказ, засунул в задницу диплом юриста и увлекся совсем иным, очень быстро став модным ресторатором в Калифорнии. – Помню, и что? – Марк не врубался в смысл вопроса. – Ты желаешь заказать с другого побережья пару фирменных блюд? Говорят, природа отдыхает на детях, но тут другой случай – Стивен преуспевает в своем бизнесе, не пойдя по стопам отца, банковского босса. Правда, начальный капитал получил от него...

– Меня вполне устраивает ньюйоркская кухня. И удачливый ресторатор сам по себе меня не интересует. А вот его папаша... Он, кажется, работает в «Мерилл и Вито?» – Совершенно верно. В крупнейшем инвестиционном банке, своего рода финансовом конгломе-

рате. По-моему, стал CEO*. «Биг шат» – большая шишка. Ворочает миллиардами.

– Прекрасно. Ты можешь пригласить своего отпрыска к нам?

Марк удивленно посмотрел на Вэла. – Зачем тебе понадобился Брайан?

– Хочу поближе познакомиться и поговорить кое о чем.

– Не вполне понимаю, но начинаю догадываться. Он работает в десяти кварталах, можем пригласить его на ланч. Боюсь, из твоей затеи ничего не выйдет.

– Поживем – увидим.

На следующий день Брайан появился в отцовском агентстве. Вэл видел парня впервые и с удовольствием пожал ему руку. Ростом он походил на Марка, только без благоприобретенной родителем ромбовидности фигуры. В отличие от старшего брата, шатена, был блондинистым, светлоглазым. Его улыбка завораживала. «Наверное, от девок отбоя нет», – машинально отметил Вэл.

Через дорогу находилось едальное заведение, где готовились неплохие сэндвичи. Они взяли по сэндвичу, картошку френч-фрайз и пиво «Стелла Артуа».

Минут пять ушло на разговоры о том о сем, Марк спросил, не остыл ли Брайан к своей пассии-мулатке, тот заверил: «Папа, все о'кей, и не волнуйся, пожалуйста, я же не собираюсь на ней жениться...» Удовлетворенный ответом, Марк поинтересовался, как сыну работается в адвокатской конторе, Брайан ответил исчерпывающе кратко: «Все хорошо».

Все пять минут улыбка не сходила с его лица.

Вэл посчитал, что отпущенное на ни к чему не обязывающую беседу отца и сына время исчерпано, и приступил к делу.

– Брайан, нам с Марком нужно попасть на приём к отцу твоего друга Стивена.

Улыбка мигом погасла. Взамен – фирменный адвокатский прищур: зачем, для чего?

Марк взял бразды правления в свои руки и несколькими сло-

* CEO (Chief Executive Officer). Высшее должностное лицо компании, главный ее стратег.

вами объяснил: есть серьезное коммерческое предложение, сулящее твоему, Брайан, отцу большую выгоду, но без помощи СЕО пробить его невозможно.

– Не уверен, что Стивен поможет. Мы видимся редко, дружба, похоже, идет на убыль, откликнется ли на мою просьбу? Отец, попасть к такому человеку, как Дэн Кроули, непросто.

– Я знаю, потому и прошу тебя – другой возможности нет. К тому же мы с мистером Кроули шапочно знакомы – встретились, выпили и даже обнимались на твоём со Стивеном выпускном вечере.

– Это не имеет значения. Мало ли кто когда с кем обнимался... К тому же он еще не был СЕО.

Увидев посмурневшего отца, Брайан вновь разулыбался:

– О'кей, я попробую, но не обещаю результата.

Против ожидания, Стивен откликнулся на просьбу университетского друга. Однако добиться желанной встречи оказалось не так просто. Стивен звонил отцу, тот назначал дату и потом переносил ввиду неотложных дел. Сын снова звонил, отец снова назначал и вновь переносил. Наконец, день и час – 2.30 были определены – Марк имел в своем распоряжении пятнадцать милостиво отпущенных ему минут.

Он и Вэл разработали детальный план разговора.

Утром дня X они были в агентстве, как назло, появились неотложные дела, оба подолгу вынужденно сидели на телефонах. Заметно нервничали, и сотрудники это заметили.

Подъехали на такси к зданию банка за полчаса до встречи.

– Марк, говорить в основном будешь ты. Не думаю, что с моим акцентом вести разговор – правильная идея. У нас всего пятнадцать минут. Вполне возможно, он не знает этой проблемы и ему нужно будет кого-то пригласить.

– Я напомню Дэну, как на выпускном вечере мы поздравили друг друга с успехом наших деток, обнялись, а потом крепко выпили. – Нужно ли непременно обсуждать детей, когда так мало времени?

– Слушай, я – американец и знаю, как следует вести разговор.

– Это абсолютно не означает, что он бросится тебе помо-

гать в знак признательности за хорошо проведенный вечер. – Это у вас в России никто никому не благодарен. У нас по-другому... Уладив формальности с секьюрити, они поднялись на лифте на десятый этаж и вошли в приемную главного босса банка. Здесь вновь уточнили их фамилии и попросили подождать.

Перевалило за 2:30, но секретарь – молодящаяся брюнетка в сером костюме, голубой блузке с небольшим декольте и очках в модной тонкой круглой оправе – не выказывала желания пригласить их в кабинет. Вот уже и 2:45, а секретарша не обращает на них внимания. Марк и Вэл тревожно переглянулись, и в этот момент дверь кабинета распахнулась, вышло несколько человек с папками в руках, и через минуту секретарша пригласила войти внутрь мистеров... назвала Марка и Вэла по фамилиям.

Кабинет Дэна Кроули был не просто большим, а огромным. Справа от входа располагался массивный овальный стол для совещаний из стекла и металла с черными кожаными креслами. Хозяин кабинета сидел в глубине кабинета, Марк и Вэл шли к нему несколько секунд, минуя тридцать метров пространства, высланного темным дубовым паркетом.

Дэн поднялся и вышел из-за стола навстречу. Хороший знак, отметил по себя Вэл. Босс олицетворял тип крупного руководителя, каким его нередко показывают в кино, – своего рода образец, эталон успеха и преуспевания: гладкое, без морщин, бороздок и мешков под глазами холеное лицо, знакомое с кремами и наверняка с подтяжками кожи, стойкий загар, расчесанная на пробор сидящая шевелюра без единого прогала и намек на плешь, безупречно сидящий темный костюм в полоску. Был он пониже Марка, примерно одного с Вэлом роста, стройная, поджарая фигура являла пример регулярных занятий в тренажерном зале и следования диете. Все это по отдельности бросилось в глаза гостям и соткалось затем в единую картину.

– Рад видеть! – Дэн потряс руку Марка. – Рад познакомиться! – относилось уже к Вэлу.

Светлые глаза СЕО и неременная улыбка излучали радушие, похоже, не показное. Он в доли секунды прокрутил в памяти настоячивые звонки Стивена, просившего назначить встречу отцу его университетского друга, с которым Дэн однажды встретился на

выпускном вечере. Наверняка будет просить за сына по части трудоустройства. Почему бы не помочь толковому парню – адвокаты нужны всюду, и в его банке – тоже. Но вот присутствие второго человека – неожиданность...

– Марк, с удовольствием вспоминаю прекрасный вечер по окончании колледжа нашими мальчиками. Мы тогда здорово напились, не правда ли? – он рассмеялся, давая понять, что такого рода откровение нисколько не вредит его имиджу, скорее наоборот.

– Да, мы тогда крепко поддали: пиво, виски, джин... Я наутро еле глаза продрал. – Да и жены от нас не намного отстали... В общем, здорово было... Садитесь и рассказывайте, что привело к нам в «Мерилл и Вито».

Марк весь подобрался, сжался в комок, щеки его вспотели и покраснели от напряжения. Вэл прежде не видел его таким.

– Дорогой Дэн, большое спасибо, что при вашей занятости нашли возможным уделить нам время. Позвольте вначале представить своего коллегу. Вэл Рахлин, ведущий специалист по консалтингу. Я имею рекрутинговое агентство, устраиваю компьютерщиков-консультантов на временную и постоянную работу. Кроме того, мы выполняем небольшие контракты на разработку и поддержку программного обеспечения.

Вэл кивнул головой в поддержку того, о чем говорил Марк, и поймал испытующий взгляд хозяина кабинета.

– Мы работаем с «Золотым банком» и другими известными финансовыми институтами, – продолжал Марк. – И мы мечтаем завязать деловые отношения с «Мерилл и Вито». Некоторую долю работ по программному обеспечению вы смело можете доверить нам. Мы не подведем.

– Так называемый внутренний аутсорсинг. Нет нужды связываться с фирмами за границей, в той же Индии – мы рядом, все вопросы можно решать моментально. Квалификация наших людей высокая, повыше, чем у тех же индусов...

Вэл не узнал своего голоса, от волнения вибрировавшего.

– Вы, похоже, недавно в Америке? У вас сильный акцент. Если не секрет, откуда приехали? – неожиданно спросил Дэн.

– Из России, – и почему-то смутился.

– О, Россия! – СЕО поднял руку в знак одобрения неизвестно

чего: то ли страны, в которой сидящему напротив довелось родиться, то ли самого Вэла, русского специалиста, оказавшегося востребованным в новой для себя обстановке.

– Позвольте работать с вашим банком. Это будет огромная честь для нас, – закольцевал просьбу Марк.

Кроули встал и прошелся вдоль своего рабочего стола. Просьба явно его удивила, он медлил с ответом. Вернувшись на место, произнес с оттенком разочарования, глядя в упор на Марка:

– Признаться, я ожидал, что вы попросите за сына... Хм... Что же касается программного обеспечения....Честно говоря, толком не знаю, как это у нас работает.

Марк отреагировал мгновенно, словно выпадом на рапире:

– Моя компания должна стоять у вас на листе. Попасть на него исключительно сложно. «Мерилл и Вито», несомненно, планирует контракты с программистами, мы можем вам пригодиться...

Дэн потянулся к одному из телефонных аппаратов. – К сожалению, я далёк от этого. Начальник департамента развития сможет ответить на все вопросы.

Он поднял трубку и попросил секретаря: – Пригласите мистера Лопеса.

Через несколько минут в кабинет вошёл лысеющий, с наметившимся брюшком, средних лет латиноамериканец. Глаза его цвета спелой вишни услужливо и одновременно беспокойно смотрели на босса. Дэн указал ему на одно из свободных кресел.

– Джимми, эти господа хотят содействовать нам в развитии программного обеспечения. Пожалуйста, пригласи их к себе, побеседуй и постарайся помочь.

Он попрощался с гостями, с чувством пожал обоим руки, а Марка даже приобнял, что не утаилось от Лопеса.

Лопеса связывали с Кроули давние отношения. Познакомились и подружились они в колледже. Джимми не хватал звёзд с неба и прилип к Дэну, чувствуя его превосходство. А тот, все понимая, снисходительно одаривал сына скромного банковского клерка своим расположением. Так обычно бывает: из двух друзей один раб другого. Именно Дэн, поднявшись по служебной лестнице, притащил Лопеса в «Мерилл и Вито». Вверх шёл Дэн – за ним двумя сту-

пеньками ниже следовал Джимми. Сейчас он занимал важную позицию, руководил несколькими сотнями программистов. Его никто не мог подсидеть, ибо он был протее Дэна. По натуре трусливый и неуверенный в себе, он поднял голову, потом, возомнив себя незаменимым, расслабился и начались проблемы.

А произошло следующее. Он заболел игрой в казино. Вместе с бонусами зарабатывал до четырѐхсот тысяч долларов в год и ездил каждую субботу играть в Атлантик Сити. Выигрыши чередовались с проигрышами, неудач было больше. Порой спускал в блэк-джек и рулетку большие суммы. Каждый раз, проигравшись, давал себе слово, что это все. Что завязывает с гемблингом. Но проходила неделя-другая, и он снова оказывался в Атлантик Сити. Играл он, маскируясь, в темных очках, боялся встретить работников банка и всякий раз, завидев знакомое лицо, стремился скрыться. Это стоило огромной траты нервов, он покидал казино больным. И все равно играл, заказывая гостиницу в пятницу, и проводил за игорными столами два дня, вплоть до воскресного вечера. Казино предоставляло ему бесплатное жильѐ. Атлантик Сити боролся за этого одержимого.

Жена-мексиканка умоляла остановиться. «Невыплаченный дом, двое детей, что с нами будет, если ты все спустишь?» Позже начались скандалы. Скрыв однажды от жены, что едет в Лас-Вегас, Джимми проиграл большую сумму. На трех кредитках повис сумасшедший долг.

Нет ничего тайного, что не становится явным. Лопес имел серьезный разговор с Кроули. «Мы друзья, я помог тебе занять высокое положение, но я не могу мириться с твоим образом жизни. Ты подставляешь банк, кладешь пятно на нашу репутацию. О твоих постоянных поездках в Атлантик Сити распространяются крайне нежелательные для банка слухи. Одно из двух: либо ты начинаешь втайне от всех посещать психотерапевта и пытаешься избавиться от игромании, либо будешь уволен. Решай...»

Лопес не на шутку струхнул. Босс не шутил – он выговаривал Джонни подчеркнуто зло, не пытаясь смягчить обороты. И Джонни наконец-то взялся за ум. Сеансы психотерапии обходились в копеечку, однако приносили плоды. И поездки в игорную столицу штата Нью-Джерси постепенно прекратились.

К секретарю Лопеса ежедневно поступали звонки от консалтинговых фирм и агентств. Все просили о встрече. Джимми почти всем отказывал – он работал только с теми, кого хорошо знал. Но одна фирма проявляла завидную настойчивость. Она бомбардировала секретаря почти ежедневными звонками. Каким-то образом ее глава, представившийся Джейшем Пателом, узнал номер мобильного телефона Лопеса и вышел на него напрямую. Мягкий, певучий акцент выдавал в звонившем индуса.

Лопес знал, что индийские компании высоких технологий пытаются активно внедриться в американский рынок и поставляют грамотных программистов. Под его началом работали трое таких, родители-иммигранты привезли их детьми, они выучились в Штатах и вполне успешно конкурировали с американцами. Неожиданно Лопес уступил и пригласил Патела на встречу. Тот приехал с женщиной по имени Кея. Белокожая, светлоглазая, с русыми волосами, она напоминала славянку, однако точка выше бровей на лбу и золотые браслеты недвусмысленно говорили о ее происхождении. Лопес от кого-то слышал и запомнил: так выглядят молодые женщины высших каст с севера Индии. Одета Кея была не в традиционное сари, а носила короткую юбку, блузку и пиджак из тончайшей кожи. Она говорила на идеальном английском, в отличие от Патела.

Индусы предоставили многообещающее бизнес-предложение в письменном виде и преподнесли, как они сказали, «маленький подарок». Кожаный портфель. Дорогой, стоимостью не менее двух тысяч, определил Джимми. Признаться, он давно хотел иметь такой, но жалел деньги, в основном уходившие на казино. Теперь он не играл, однако ежемесячно выплачивал долги по кредиткам – какой уж там портфель...

Подарок он принял, хотя брать подобные дары считалось довольно рискованно. Тем не менее, не отказался. Проводив Патела и его сотрудницу и пообещав в короткий срок рассмотреть их предложение, взял в руки портфель, показавшийся тяжелым. Джимми открыл главное отделение. Там лежали деньги. Множество стодолларовых купюр в пачках. Он мигом закрыл изнутри дверь в кабинет. Выложил стопки денег и быстро пересчитал. В общей сложности двести тысяч долларов.

Джимми похолодел. На несколько секунд застыл над столом, до боли сжав пальцы, внутри шла отчаянная борьба: поставить в известность службу безопасности и Кроули, дать сигнал в ФБР, обнародовав взятку, или... Кровь прилила к голове, похоже, резко повысилось давление. Нет, такие вещи не решаются импульсивно, нужно выждать время, хотя бы несколько часов...

Джимми сложил деньги в подаренный портфель и засунул в больший, вместительный, тоже кожаный, служивший ему верой и правдой, потертый от долгого пользования. Дар индусов утонул в темном чреве. Джимми глубоко вздохнул и вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони...

После обеда он приступил к работе с бумагами мистера Патела. Все новые контракты идут, в первую очередь, к трём агентствам. Одним из них отныне стала компания Патела.

Дни влеклись бесконечной чередой. От индусов ничего не было слышно, они будто пропали. Он не хотел тешить себя иллюзией, что вот так запросто получил дорогой презент без всяких с его стороны обязательств. Джимми понимал, что его затягивают в трясины. Он ненавидел себя, но ничего не мог сделать.

Однажды утром он получил электронное письмо от Патела. Тот в завуалированной форме – комар носа не подточит – просил начать действовать. Означало это одно – самые лакомые контракты должны уходить индийскому консалтинговому агентству. Через неделю два контракта стоимостью несколько миллионов каждый были переданы Пателу и Кее.

Когда-то Джимми прочитал (уже не помнил где) про птиц-поморников. Существа эти отнимают добычу у других птиц, в основном у чаек и крачек. Поймают те рыбу, поморники немедля нападают, используя клюв, когти и крылья, пока те не бросают улов, даже если они уже наполовину его проглотили. Индусы выглядели в представлении Джимми именно такими поморниками – хищными и наглыми, отнимавшими добычу у других, и он, Лопес, помогал им в этом.

...Когда он получил негласное указание большого босса поставить агентство Марка «на лист», то не пришел в восторг, отнюдь. Мало ему индусов, так теперь придется иметь дело с этими совер-

шенно незнакомыми людьми, один из которых, кажется, русский. И не ждать никакого профита, за просто так, за красивые глаза. Интересно, где им удалось познакомиться с Дэном и расположить его к себе? К нему ведь так просто не подобраться...

Едва Марк и Вэл переступили порог его кабинета, у Лопеса созрело решение спуститься все на тормозах, поморочить голову, и если и давать заработать на консалтинге, то самую малость. Только чтобы прикрыться от Кроули, если тот спросит. Он предупредил: поиск контрактов займет время, он, Лопес, известит их при появлении вариантов, а пока... «пока приятно познакомиться. Я сделаю все что в моих силах...»

На этом рандеву в кабинете Джимми закончилось.

К этому времени Кея была зачислена в департамент Лопеса на должность менеджера. Послужной список, внешность и превосходный английский сыграли в ее пользу – проблем с трудоустройством не возникло. Джимми нервничал, но видимых причин для этого не было – все шло гладко. Единственно, в конфиденциальной беседе с Пателом в заштатном ресторанчике в Бронксе (конспирация!) Джимми поставил условие: Кея не должна злоупотреблять его вниманием и без особой надобности в кабинет не заходить. На том и порешили.

Марк и Вэл вернулись в агентство окрыленными. Марк держал речь перед сотрудниками, сообщил, что главный человек «Мерилл и Вито» встретился с ними, оказал теплый прием и скоро начнется большой бизнес, а следовательно, будет возможность заработать большие деньги.

Забегая вперед, они так никогда и не узнали, почему их связь с финансовым гигантом ни к чему не привела и была заранее обречена на провал.

«Мерилл и Вито» дал всего одну позицию. К тому же очень сложную. Ни о каком отдельном контракте по аутсорсингу речь пока не шла. Алан нашёл кандидата, которому обещали высокую зарплату. Программист, бывший москвич, стоил ее. Правда, он поначалу кочевряжился, хотел принять предложение другого банка, посулившего еще больше денег и хорошие бонусы. Марк потратил

немало усилий, чтобы убедить не делать этого. Для пущей убедительности напустил на него Вэла. Короче, москвич согласился на переход в «Мерилл и Вито». Агентство получило отличные комиссии. Увы, больше банк ничего не предоставил. Приходилось ждать, надеясь на помощь Лопеса. Но тот словно воды в рот набрал.

Марк пару раз звонил ему, тот связал с новым менеджером Кеей, ей, по словам Лопеса, была поручена связь с агентством. Мило звучащая по телефону дама уверила: мы ищем профи высокого класса, как только появятся вакансии, мы немедленно вас уведомим. Марк кожей почувствовал подвох, однако в чем он, понять не мог.

Глава 8

Приближался День Независимости. Праздник выпадал на понедельник – таким образом, получался длинный уик-энд. Марк решил собрать у себя дома гостей. Кроме коллег, были приглашены менеджеры компаний, с которыми агентство сотрудничало. Марк направил приглашение Кее, но та любезно отказалась, сославшись на заранее запланированную поездку в Кейп-Код.

Утром четвёртого июля Вэл ехал из Бруклина на Лонг-Айленд. В машине он был не один – рядом сидела Анна. Он искоса посматривал на пассажирку, не переставая дивиться, как по капризу природы и божьей прихоти рождаются в российской глубинке такие, в его представлении, совершенные красавицы. А пассажирка не догадывалась о мыслях ее воздыхателя и лишь отвечала милой улыбкой, ловя короткие, словно бы невзначай посланные, взгляды-сигналы Вэла.

Познакомились они недавно: в руки Вэла попало резюме Анны, потом она пришла на интервью к Джо, выловившему ее из массы откликнувшихся на рекламу в крупнейшей американской газете. Красота русской была Джо до лампочки, а вот внутри Вэла все перевернулось, и он, не раздумывая, пригласил Анну на ужин. Против ожидания, она не стала ломаться, сразу согласилась. Дальше – больше...

Жизнь Анну изрядно потрепала – она в течение первого месяца их отношений открылась новому бой-френду без утайки. Такая откровенность подкупала Вэла – значит, приняла за своего.

Появившись на свет в Пензе в семье учителя математики, она рано ощутила свою девичью привлекательность: в тринадцать лет грудки уже настойчиво рвались из кофточки, талия и бедра отчетливо вырисовывались, гармонировав в окатистой фигуре, русые, заплетенные в косички, волосы и большие, как озера синие, глаза сводили с ума мальчишек школы, да и многие взрослые, она замечала, оборачивались вслед. Часто в укромных уголках школьного двора на нее набрасывались мальчишки, жадно ощупывая выпуклости и пытаясь поцеловать, она отбивалась изо всех сил, но в душе почему-то не обижалась на наглецов и охальников, принимая их приставания как должное.

Но до *главного* не доходило, замуж она вышла в двадцать один девицей. Это была отдельная история.

В конце 80-х, на волне той самой пресловутой перестройки, многие девушки мечтали выйти замуж за иностранцев. Мода, поветрие, в основе которых – желание круто изменить жизнь, не сулящую особых радостей, особенно в провинции. Нехватка продуктов чувствовалась все острее, ценники на базарах ошеломляли... Анна по примеру подруг оставила свои данные в брачной конторе. Долго ждать не пришлось – женихи из разных стран наперебой стали засыпать письмами и предложениями о встрече. Анна придирчиво отбирала кандидатов, вглядываясь в фотографии и оценивая их рассказы о себе, и остановилась на американце из Техаса Нике. Высокий, мускулистый, судя по всему, не бедный – впечатлил снимок дома, и профессия современная – программист.

Ответила ему, Ник быстро оформил визу и появился в Пензе...

Далее воспоминания Анны прерывались и возобновлялись на жизни в Далласе, том самом, где произошла американская трагедия. Ник привез невесту к себе спустя полгода очного знакомства. Познакомил с родителями, семьями старшего брата и двух сестер, получил их благословение. Сыграли свадьбу. Ник не разочаровал, оказался веселым, не занудным и довольно щедрым на подарки. Судя по всему, был он специалистом экстра-класса, работал консультантом из дома, презируя просиживание штанов в офисах, и прилично зарабатывал. Анна учила английский, посещала занятия специальной группы эмигрантов, язык давался легко.

Гром грянул на третьем месяце супружества. Оформив отпуск

на фирме, с которой сотрудничал, Ник ушел в запой. Прежнего человека не стало – муж превратился в форменного зверюгу. Запой длился неделю, за это время Анна была трижды избита. Она не выходила из дома, стесняясь показывать синяки и ссадины.

Придя в себя, Ник на коленях просил прощения, купил кольцо с бриллиантом в знак примирения. Анна никому ничего не рассказывала, родители в Пензе пребывали в неведении. Прошло немного времени, и запой повторился. И вновь Ник, потерявший себя, носился с кулаками за Анной по дому... Будь она не бессловесной пензячкой, а знающей свои права американкой, видел бы ее муженек небо в крупную клетку... Но Анна по-прежнему молчала.

Ник пробовал лечиться, на время помогало, потом опять срыв. Анна понимала, что надо уходить. Но куда? Возвращаться на родину? Ни в коем случае – вести оттуда доходили нерадостные... В школе и в техническом вузе любимым ее предметом была математика – отцовские гены. В Далласе она поступила на курсы программистов. Ник в трезвом состоянии поддерживал ее стремление и помог освоить язык C++. По его протекции Анна получила первую работу в фармацевтической компании.

На третьем году замужества, после очередного запоя Ника, она втайне собрала вещи и уехала в Нью-Йорк к подруге-землячке, еврейке, эмигрировавшей в Америку с семьей. Перекантовалась у нее пару недель. Направляла резюме куда только можно, спрос на программистов был огромный, ее брали в разные фирмы, она не топилась, выискивая лучшее предложение. Скопив в Техасе определенную сумму, сняла студию в Бруклине на Шипсхедбэе. Судьба привела ее в агентство Марка, свела с Вэлом, тот вместе с Джо употребил все связи и нашел новой подруге приличную работу «на фултайм». Ей положили 60 тысяч в год. Анна была счастлива...

Хозяева радушно встретили Вэла и Анну. Марк краем уха слышал про новую пассию партнера, видел ее впервые и поедал глазами, как и положено мужчине, лицезреющим пикантную особу. Наверняка при этом летучим видением мелькнула другая подруга Вэла... менеджер... как ее звали... забыл, она только переступила порог агентства и все прекратили работать, уставясь на белокурую бестию. До чего же хороши эти русские! Не сравнишь с нашими, думал Марк, наши бабы –

гражданки, и этим все сказано. Новая избранница Вэла не хуже той... вспомнил – ее звали Лана. И где он находит таких красоток...

Жена Марка Джуди оглядела Анну пристальным *женским* взглядом, от которого ничто не могло укрыться, и, по-видимому, осталась удовлетворена, признав привлекательность этой русской синеглазки.

Жары, слава богу, не было, гулял легкий ветерок, по небосводу плыли перистые облака – тонкие белые нитя и клочья, и впрямь похожие на птичье оперение. Такие облака – предвестники меняющейся погоды: вечером обещали дождь, но пока все прекрасно. Гости переоделись и загорали у бассейна. Анна почему-то застеснялась, не надела купальник, а сидела в шезлонге в легком сарафоне, потягивала коктейль и болтала с хозяйкой. Столики с напитками и закусками примостились у воды.

Марк знакомил Вэла с гостями, почти все лица были новые, за исключением нескольких банковских менеджеров.

– Это Питер. Между прочим, большая шишка в «Банке города». С ним надо дружить – глядишь, нам с тобой, дорогой Вэл, кое-что от него перепадет.

Марк выглядел веселым и довольным жизнью, с охотой исполнял роль хозяина *парти*, шутил и, кажется, уже пребывал в легком подпитии. В последнее время он не чурался выпивки, замечал Вэл, наверное, потому, что прежде отказывал себе в этом.

Питер, представительный мужчина со стильной бородкой острым клинышком, ослабилась и панибратски хлопнул Марка по плечу.

– Это, дружище, впрямую зависит от того, каких парней ты мне будешь поставлять, – и обратился к Вэлу:

– Вы, как я понимаю, из России, Марк рассказывал, какой классный партнер у него появился. Рад познакомиться. У меня в банке есть несколько русских. Отличные ребята. Я ими доволен.

Он отвел его в сторону, налил виски себе и новому знакомцу, они сели неподалеку от Анны, та сделала рукой легкий посыл Вэлу, ему показалось, с укоризной: дескать, почему оставил меня одну со словоохотливой Джуди, вцепившейся в меня и заморочившей голову рассказами о семье, детях, скаредном муже, который, правда, стал гораздо щедрее – не влияние ли вашего близкого знакомого

сказывается... Вэл, казалось, прочел безмолвно высказанное Анной. Ему хотелось сесть с ней рядом, но Питер вовлек его в беседу, прервать ее выглядело бестактностью.

Питер интересовался политикой, выспрашивал про Ельцина («действительно сильно пьет?»), Березовского («в самом деле, очень влиятелен, серый кардинал?»), про новых богачей, про то, стоит ли развивать с русскими финансовые отношения, банковскую кооперацию, не рискованно ли? Вэл не мог сообщить ничего нового, он оторвался от страны, в которой родился и прожил тридцать с небольшим лет, тамошние события обтекали его, никак не затрагивая. Гораздо важнее, приманчивее Индия, аутсорсинг, возможности большого заработка. Но Питер по этому поводу отделялся общими, малозначащими фразами, или что-то скрывал:

– В нашем банке, насколько мне известно, тесных отношений с индусами нет, – взгляд его поскуцнел и ушел куда-то в сторону, вроде как сия материя его никак не интересовала. – Если же говорить о передаче компьютерных работ на сторону, то определенный опыт имеется. Кстати, я хочу поговорить с Марком – наклеивается мощный проект. Миллиона на два с лишним. Как вы думаете, ваше агентство потянет? Требуется создать систему, которая собирает с компьютеров пользователей информацию и передает в определенном виде в наш общий банк данных.

– Почему не потянет? Вполне справится, – Вэл не верил своим ушам. – Для этого придется отчасти перепрофилировать работу агентства, с этим, полагаю, проблем не возникнет...

... Американские партии похожи одно на другое, как однояйцевые близнецы: делаются всевозможные салаты, на гриле жарятся стейки, сосиски, кукуруза и начинается пиршество, сопровождаемое обильным возлиянием – правда, редко кто упивается – домой ведь надо возвращаться на машинах; мужчины, как правило, передают руль женщинам.

Так происходило и у Марка, с той лишь разницей, что предварительно гости купались в бассейне и загорали. Анна переоделась в голубой открытый купальник и вызывала восхищенные взгляды мужской части общества и завистливые – женской.

Вэл рассказал хозяину партии о разговоре с Питером, Марк обрадовался, как ребенок, и одновременно удивился:

– Странно, почему он скрывал от меня и поделился с тобой. Вероятно, ты внушаешь больше доверия, нежели я.

Произнесено было в виде шутки, но Вэл почувствовал некую обиду.

Питер оказался человеком слова. Через некоторое время «Банк города» подписал контракт с агентством Марка, которое превращалось в консалтинговое. Бюджет вполне устраивал – банк не поспешил и выделил приличную сумму, которую обязался выплачивать в три приема.

Начались будни.

Марк снял помещение, небольшое, но вполне достаточное для их проекта. Далее – покупка компьютеров и программного обеспечения. Ведущего специалиста нашли быстро, хотя это было самое сложное. На сей раз отличился Стюарт – обладал он особым нюхом на таких профи. Новичка звали Герберт, от роду ему было лет сорок. Классический альбинос, очень светлая кожа, бесцветные волосы, брови, ресницы и радужная оболочка глаз. На фотографиях, по его словам, часто выходил с красными глазами из-за вспышки фотоаппарата. Текли в нем немецкие крови, он подходил на сто процентов, олицетворяя сильные стороны своей нации: педантичность, четкость, аккуратность, но сверх того – не зашоренность, а широту взгляда, умение видеть перспективу. Он расписал детальный план работ и настоял на поиске шести программистов – больше, по его мнению, не требовалось.

Раскусила его Хелен. Поначалу удивила нулевая реакция на ее привлекательность. Любой женщине, даже американке, это обидно, тем более такой, как Хелен. Случайно в одном из баров, куда вечером зашла выпить вина и послушать джаз, увидела Герберта в обнимку с молодым, похожим на шнурок, жгучим латиносом, и все стало ясно.

Коллег Хелен ее сообщение не удивило. Гей так гей, кого это волнует. Из числа работавших в агентстве – никого. Лишь бы не болел СПИДом. Единственно, бурчал Джо: «Этого нам еще не хватало...», но, зная особенности его характера, на реакцию Джо не обращали внимания.

Сотрудники предоставили Герберту стопку резюме. Он выбрал

десяток кандидатов. Вот-вот должны были начаться интервью для отбора шестерки. И тут Герберта осенило. Изучив структуру и логистику проекта «Банка города», он понял, что семьдесят процентов работы можно выполнить на только что появившемся языке программирования Java. Он убедил в этом сначала Вэла, а потом Марка.

– Проект на этом языке будет сделан в два раза быстрее! Владеющие им программисты будут стоить нам дороже. Это факт. Они себе цену знают. Однако мы сэкономим деньги на другом, что связано с сокращением сроков исполнения контракта. Банк будет доволен, а мы заработаем дополнительные тысячи долларов.

Марк согласился, пришлось моментально изменить подход к набору консультантов. Теперь непременным условием ставилось знание нового языка, вошедшего в обиход с мая 1995-го. Герберт самолично проверял уровень кандидатов. Он знал этот новый язык – оставалось еще раз поблагодарить Стюарта, откопавшего это сокровище...

Альбинос, оказывается, работал в компании Sun Microsystems, создательницы Java, и рассказал много чего интересного. Поначалу новый язык назывался Oak (Дуб) – под окном офиса Джеймса Голлинга, члена Совета директоров и компьютерного мага, рос дуб, который ему очень нравился и в честь которого он и решил назвать новый язык. А как же родилось новое название? Версий несколько. Герберт считал основной такую: программисты пили много кофе, пока создавался новый язык, были выпиты тысячи галлонов, и поэтому решили назвать язык в честь сорта кофе Java.

Закончился первый месяц с момента подписания контракта. Все было готово к началу работы над новыми программами. Банк перечислил первый платеж – 700 тысяч. Марк светился от радости. Он поручил Вэлу держать постоянную связь с Гербертом и его командой. Вэл бывал в новом офисе трижды в неделю, благо располагался он в трех кварталах от агентства.

Голову Вэла впервые занимала не только работа – в его квартиру переселилась Анна и начался совершенно новый отсчет времени. Прежде любовницы приходили и уходили, редко оставались до утра, не докучали ему постоянным присутствием, и это его вполне устраивало. Он любил анекдот: «Что такое бесконечность? Это про-

межуток времени между тем, как ты кончил и она ушла...» Грубо, цинично, однако вполне жизненно.

С Анной все было иначе – он хотел видеть ее постоянно, его влекло к ней сильнее и сильнее, ему нравилось, как она бесшумно ходит по квартире, хлопочет на кухне, разговаривает мягко и спокойно, казалось, вообще не способна раздражаться; она ненавязчиво снимала напряжение, от нее исходили особые токи, гасившие все негативное.

...В этот день было множество звонков. Марк не успевал отвечать. Менеджеры банков и финансовых компаний словно с цепи сорвались – вдруг одновременно всем понадобились программисты на полный рабочий день и «на парт-тайм». «Так часто бывает: одна удача в бизнесе тянет за собой другую, включает в движение третью, словно в часах одно колесико цепляется за другое и вертит его», – удовлетворенно говорил Марк сам с собою.

Ах, как ветрена и непостоянна госпожа удача, как опасно расслабляться, забывая о капризах фортуны. И как больно бьет, внезапно отказывая в милостях... *Увы, от мерзости и мрази, несущей грязь исподтишка, ни у природы нету мази, ни у науки порошка...*

...Громкий голос босса заставил сотрудников оторваться от мониторов. Все застыли, не понимая, что случилось. Марк вскочил с места и едва не перешел на крик:

– Нет, нет, не может быть! Это какая-то ошибка! Недоразумение! Пожалуйста, проверьте еще раз...

Он выслушал ответ и мгновенно побелел. Плюхнувшись в кресло, обхватил голову руками. Вэл и остальные бросились к боссу. Марк не выходил из ступора несколько секунд. Потом поднялся во весь рост и заговорил нутряно, горько-скорбно, так, как впервые объявляют о потере близкого человека:

– Контракт ушёл в Индию. Мы больше не нужны «Банку города».

В офисе установилась зловещая тишина. Потом разом все загомонили, подступили к боссу с расспросами. Марк, набычившись, молчал, жестко сведенные губы и непроизвольно сжимавшиеся кулаки показывали раздиравшую его ярость. Таким коллеги босса еще не видели.

– Поехали в чертов банк. Звонить Питеру не буду, надо лицом к лицу.

Он и Вэл взяли такси и через полчаса вошли в знакомый вестибюль. Короткий разговор с охранниками, те куда-то позвонили и получили разрешение пропустить незваных визитеров.

Кабинет Питера располагался на предпоследнем, 21-м этаже. «Очко», – подумал Вэл. – «У нас перебор или недобор карт, в любом случае, мы в проигрыше».

Питер встретил их в приемной и жестом пригласил проследовать за ним в кабинет, дав указанием секретарю никого к нему не пускать и ни с кем не соединять по телефону.

– Питер, как это могло случиться? – без предисловий начал Марк. – Мы знаем друг друга немало лет, вроде бы друзья, и ты преподносишь такой сюрприз... Ебаные индусы... Да я положил на них с прибором! Ты сам предложил мне контракт, а теперь увливаешь! Что происходит, Питер? Кому в этом долбаном мире можно верить?

– Марк, послушай..., – Питер нервно теребил бородку, вид у него был не ахти. – Я здесь не самый большой начальник. Похоже, многое управляется из Индии. Я не знал этого, поверь. СЕО поставил меня перед фактом. Он же не осведомлен о наших с тобой отношениях. В общем, приношу глубокие извинения... Мне самому очень неприятно, чувствуя, будто извалялся в куче дерьма.

Он протянул лист бумаги.

– Это официальное письмо, час назад поступило *сверху*.

Марк пробежал глазами и передал Вэлу. *«Контракт номер... Передаётся в Индию. Новая компания «Серебряная линия» обязана выполнить его за год и два месяца. Стоимость контракта – три миллиона долларов. Вступает в силу немедленно»...*

– Мы бы сделали за два с небольшим миллиона. Притом гораздо быстрее. Все деньги остались бы в Америке. Были бы заплачены налоги. Три миллиона уплывут из страны. Явный подрыв экономики. Может, твой банк уже перекуплен Индией?

Клокотавший в Марке гнев отливался в короткие весомые фразы, он произносил их, точно заколачивал гвозди по самую шляпку.

Питер качал головой, опустив глаза долу.

– Марк, я работаю в этом банке больше двадцати лет. Такого я ещё не видел и не предполагал увидеть.

– Интересно, сколько твои боссы положили в карман индийских денег, а? – Марк не стеснялся в выражениях. Ответа он, естественно, не дождался...

Они вернулись в агентство. Марк был мрачнее тучи, ничего не объяснил сотрудникам, отложив разговор на завтра, и уехал домой. Вэл последовал его примеру.

Наутро Марк показал Вэлу кипу конвертов с вложенными листками. Красные глаза босса свидетельствовали, что он провел бессонную ночь.

– Ровно двадцать пять писем. Все написаны от руки. Везде моя подпись. Адресованы конгрессменам, сенаторам, генпрокурору, директору ФБР и отдельное письмо президенту. Иду на почту отправлять. Все письма должны быть сертифицированы, с уведомлением о вручении. Понимаю, что воюю с ветряными мельницами, но иного выхода не вижу.

Окончание – в следующем номере

Леон Михлин – москвич. Закончил МГУ, по специальности геофизик. Не успел защитить кандидатскую диссертацию в связи с эмиграцией в США. В Нью-Йорке сменил род занятий: занялся компьютерным бизнесом, затем строительством, стал девелопером. Леон Михлин в юности писал стихи. В последнее время вновь взялся за перо, перейдя на прозу. Рассказ «Дом на канале» («Времена» №2/2017) – его литературный дебют.

Напомним, что Леон Михлин – издатель журнала «Времена».

Борис САНДЛЕР

МАЛЕНЬКИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Рассказ

Впервые о маленьких человечках я услышал от бабушки. Ребенком, пока родители были на работе, меня оставляли с бабушкой. Как-то раз я сидел в комнате на полу и играл в кубики. Что я только из них не строил: от машин до высоченных домов. Башенки тянулись вверх, к потолку – кубик, еще кубик. И вдруг, конструкция покачнулась, и все рухнуло. Деревянные кубики разлетелись во все стороны. Из кухни донесся бабушкин голос:

– Опять тарелку разбили! Житья нет от этих маленьких человечков!

«Маленькие человечки»? – я наострил уши и направился на кухню.

– Бабушка, а кто они, эти маленькие человечки?

Бабушка удивленно взглянула на меня, как будто не понимала, о чем это я.

– А-а! Маленькие человечки? Ну да... Они меня допекают, – и бабушка принялась подсчитывать понесенный урон: – Позавчера смотрю, пропала у меня чайная ложечка; коробочка с пуговицами и булавками перевернута, и почти все, что там было, исчезло, все утащили эти маленькие воришки... Даже мои очки... Я сегодня потратила несколько часов, пока нашла их, и думаешь где? В своем фартуке! Это все их проделки!...

– Может ты сама их туда положила и забыла! – попытался я успокоить бабушку. И все же спросил: – Почему же я никогда их не видел? Как они выглядят?

– Что? Мои очки никогда не видел? – удивилась бабушка.

– Не очки, а маленьких человечков...

– А... – пропела бабушка и задумалась на мгновение, – да они

обыкновенные... Как ты и я, только очень-очень маленькие, – и она нагнулась, едва не коснувшись кончиками пальцев пола. – Маленькие, как мышки.

Мышей я боялся, хотя только один раз видел живую мышку... Точнее, полуживую, потому что наша кошка эту мышку держала во рту, зажав зубами так, что виден был только мышиный хвост, подрагивавший, как будто на нем висела мышинная душа. Кошка лежала возле печи довольная. На мгновение она разжала свои острые зубы. Мышка, почувствовав свободу, хотела убежать, но кошка быстро протянула свою тяжелую лапу с выпущенными когтями и снова подтянула бедняжку к пасти.

– А ну, кота! – закричала бабушка, и кошка, вновь схватив добычу зубами, убежала.

Мне было жалко мышку, но в то же время во мне дрожал страх: все же это мышь, и хорошо, что у нас есть кошка!

– А где живут маленькие человечки? – пристал я к бабушке, захваченный услышанным.

Бабушка молчала, только ее руки принялись что-то искать в воздухе, как будто она хотела что-то ухватить, или нащупать, только это ей никак не удавалось. Наконец, она сказала:

– Где могут жить такие негодники? Где-нибудь в безобразнике попрятались...

«Безобразник?!» – как правило, так называла бабушка меня, когда я ломал что-то в доме или не слушался ее и делал глупости. И вот – нате вам! Получается, что у нас в доме есть такое место, которое называется «безобразник».

– Так почему же я их никогда не видел?

– Я их тоже не видела, потому что они выходят только по ночам, когда все спят.

Бабушке, по-видимому, больше некогда было вести со мной «пустые разговоры». Она схватила мусорное ведро, накрыла его крышкой и вышла во двор. Я остался в доме один.

Наш дом, где мы тогда жили, – родители, бабушка и я – был достаточно просторным, чтобы у каждого в нем была своя «каморка», как бабушка называла три маленькие комнаты. В то послевоенное время, после скитаний и бедствий, после давки и тесноты гетто, радовались и таким «каморкам».

Взбудораженный странной историей про маленьких человечков, я отправился по дому искать «безобразник», место, где могли жить маленькие человечки. Я знал, что мыши попадали к нам в дом через дыру между полом и стеной; поэтому я решил, что и у маленьких человечков должна быть такая дыра, но закрытая дверцей; они же все-таки люди, а не мыши.

В тот день я прочесал все четыре стены нашего дома. Я всматривался и шарил по углам, под кроватями, под шкафами и шкафчиками, под столом на кухне, я попытался даже отодвинуть от стены тяжелый буфет в спальне родителей, но чуть не надорвался. Тут и там я натыкался на пуговицы и булавки из бабушкиной коробочки; мне попалась прищепка из связки прищепок на бечевке, которыми бабушка цепляла белье во дворе на веревку; я даже нашел пятикопеечную монету. Как раз неделю назад бабушка жаловалась, что у нее из кошелька пропали 5 копеек, при этом она хмуρο косилась на меня, как будто я мог иметь к этому отношение...

Неожиданные находки я истолковал как добрый знак – как следы, оставленные маленькими человечками; и если я сначала и подозревал, что бабушка выдумала всю эту историю, чтобы оправдать свою собственную рассеянность и нерасторопность, то теперь я имел явные доказательства существования этих невидимок.

Более того, я представил себе, что у маленьких человечков наверняка где-то под полом есть целый склад, и не один, набитый всякими вещами и вещицами, и, может быть, дорогими бриллиантами, золотом и серебром – настоящими сокровищами... И тут я вспомнил о Сёмке. Он жил со своей мамой на той же Хотинской улице, что и я, но был меня старше на несколько лет. Вспомнил я и приключившуюся с ним историю, которую я слышал от мамы. Вообще, он был тихий и странный, – рассказывала мама. – С другими детьми не играл. Бродил целыми днями среди развалин, которые остались лежать с первых дней войны, когда весь наш квартал-магала, вместе с его прежними жителями в считанные часы сгорел от немецкой бомбежки. Там, среди мусора и бурьяна он все искал что-то.

– Что ты ищешь, Сёмка? – дразнили его мальчишки, – сокровища графа Потоцкого?

Сёмка молчал и разгребал палкой толщу вчерашних дней. И вдруг прогремел взрыв, потрясший весь квартал. В некоторых до-

мах повывлетали стекла. Приехали все пожарные команды и три машины скорой помощи, имевшиеся в городе; городское начальство, которое до этого показывалось на трибуне только во время праздничных демонстраций, слетелось как стая птиц – все в черных костюмах, с галстуками... А собрал их всех тихий Сёмка. Оказалось, что он нашел не сокровища, а свою смерть.

Моя мама, рассказывая эту историю, каждый раз заканчивала ее одними и теми же словами, как будто вспоминала о несчастье исключительно, чтобы их произнести:

– Это ж надо! Пережил голод и тиф в гетто, все страхи и ужасы, остался в живых, и вот, нате вам – уже после всего его настигла немецкая бомба...

Я вспомнил про Сёмку и про бомбу, и мне пришла в голову страшная мысль: кто знает, а вдруг злые «маленькие человечки» тоже где-нибудь стащили бомбу и прячут ее на своем складе, под нашим домом... Меня аж холодный пот прошиб, но только я встряхнулся и взял себя в руки: «Откуда у них возьмется бомбе? Они же не дураки, держать у себя такую опасную вещь!»

Как бы там ни было, я решил, что ночью не буду спать, а буду стоять на посту, прислушиваясь к каждому шороху, к каждому скрипу в подвале. Я даже прихватил с собой в кровать карманный фонарик, который висел возле входа в дом на случай, если у кого-нибудь из взрослых схватит, упаси боже, живот, и придется бежать на дальний край двора, где стоит деревянная будка с прорезанным на дверях сердечком, тут без карманного фонарика не обойтись. Мне-то хорошо, мне бежать не нужно, у меня для этого есть ночной горшок.

Я спрятал фонарик под одеяло и стал ждать. Я лежал с открытыми глазами и вслушивался в темноту. Через единственное окошко, прикрытое четырехстворчатыми ставнями, в комнату узкими серебряными полосками просачивался свет луны. Полоски падали на мою кровать и рассыпались по белой простыне. Я протянул руки и подставил ладони под льющееся серебро. Вдруг я увидел, как мне на руки приземлились два малюсеньких парашютиста. У обоих на голове были колпачки – у одного зеленый, у другого – голубой. Не успел я моргнуть, как человечек в зеленом колпачке подал голос:

– Не бойся. Мы знаем, что ты с нетерпением ждешь нас, поэтому мы и прилетели к тебе.

– Да, но почему на парашютах? – немного пришел я в себя, – вы же живете под полом?

– Мы не мыши, упаси боже, или тараканы какие-нибудь! – отозвался человечек в голубом колпачке, – Мы живем в сиянии лунного света.

– А бабушка говорила, что вы живете в «безобразнике», потому что вы злые и вредные.

– Люди, когда они чего-то не понимают или не могут объяснить, выдумывают всякие небылицы и забивают ими голову своим детям.

Они переглянулись и в один голос сказали:

– Айда! Полетели с нами! Увидишь, как прекрасна ночь...

– Как я могу лететь? У меня даже крылышек нет.

– Тоже бабушкины сказки! Каждый человек рождается с крыльями, только не все об этом знают, или боятся оторваться от земли...

С этими словами они принялись махать руками и ловить серебряные снежинки, непрерывно кружившиеся в полоске лунного света. Вдруг человечки бросили в мою сторону что-то вроде снежка. Я почувствовал холодное, сырое прикосновение, похожее на прикосновение маминых губ к моему разгоряченному температурой лбу в дни простуды.

Тут я увидел, что стою рядом с маленькими человечками, сам такой же малюсенький как они. Не успел я понять, что со мной произошло, как человечки подхватили меня под руки с двух сторон, и я почувствовал, что несусь вместе с ними навстречу лунному свету:

– Смотри! Ты летишь!

Я зажмурил глаза от яркого сияния и от страха. Я подумал: я лечу, пока они несут меня... Что будет, когда они меня отпустят?

– Открой глаза! – услышал я с двух сторон. – Не бойся! Только так, с открытыми глазами, можно преодолеть страх...

И я заставил себя открыть глаза. В комнату сквозь щели ставней прорывался резкий свет дня. Я услышал, как на кухне ворчит бабушка, и представил, как она снова вернулась с веником, чтобы собрать осколки разбитой тарелки...

Однако на этом история с маленькими человечками не закончилась. Более того, она развивалась на моих глазах и обернулась неожиданной для меня стороной. Никакой это был не сон и не «бабушкины сказки». В городе прошел слух, что они, маленькие человечки, теперь пробрались наверх, в высшие круги общества и глядят оттуда зоркими глазами, и не дай Бог, им попасться в руки.

Я был тогда в третьем классе, и в школе нас не учили, что означают слова «судебный процесс» или «судебная коллегия», не говоря уже о таких исчадиях ада, как «расхитители социалистической собственности». Тем не менее, эти слова, как большие черные вороны витали над нашим городом, как будто хотели вырваться из клетки, в которой оказались запертыми после смерти Сталина. Истосковавшиеся и изголодавшиеся по добыче, старые, опытные вороны уже наточили свои стальные клювы и были готовы снова пустить их в дело.

Как раз в это беспокойное время я случайно подслушал короткий разговор родителей. Дети, очевидно, имеют особую способность слышать сквозь стены и запертые двери, о чем шепчутся взрослые. Они были немногословны, все больше вздыхали или выдерживали долгую многозначительную паузу, но мне резануло слух знакомое словосочетание, которое я уже почти, было, забыл. Но на этот раз оно звучало как «маленькие людишки».

Из того, что я тогда запомнил, выходило, что в нашем не ахти каком большом городе все-таки функционировало несколько важных промышленных предприятий «всесоюзного значения», как о них писали на первой полосе местной газеты «Коммунист» и передавали по радио.

Судебные процессы над «расхитителями социалистической собственности», которые прошли почти в одно время, прямо касались чести трех самых больших предприятий в городе: арестовали дирекцию спиртового завода, меховой фабрики и масложир комбината. Все «процессы» были открытыми и проводились в клубах этих трех предприятий. Судить виновных приехала из Москвы специальная судебная коллегия. Таких высокопоставленных гостей наш провинциальный город еще не видел.

Как выразился мой отец, «когда наверху сидят маленькие людишки, страдает народ». Что означает «наверху» и почему «страда-

ет народ» я, конечно, тогда не понимал. Меня больше удивило, что папа тоже что-то знает про «маленьких человечков», и как выходило с его слов, они вовсе не были благодетелями. Отец называл их незнакомым именем «сойне-исроэл» – враги народа Израиля. Возможно, подумал я, папины «маленькие людишки» из другого племени, чем те человечки, которых я видел во сне.

Вместе со мной в классе учился Абраша Феркер. Он жил на соседней улице, так что мы виделись не только в классе, к тому же мы часто играли в футбол в одной команде. Иногда Абраша приглашал меня к себе домой смотреть телевизор. У нас тогда еще телевизора не было.

Был я знаком и с Абрашиной мамой. Однажды вечером, когда я уже собирался лечь спать, я услышал в верхней комнате как плачет женщина. Голос ее звучал резко, потому что она задыхалась от слез:

– Я прошу вас, не отказывайте мне... Они все конфисковали... Все вынесли из дома... Спрячьте это у себя, иначе я с детьми останусь без ничего... брошенной на произвол судьбы...

Мама, очевидно, затылком почувствовала, что я стою за спиной. Она резко повернула голову, и я услышал:

– Что ты здесь делаешь? Ты уже давно должен спать!

Я улегся в постель, но не уснул. Я знал, что среди арестованных был отец Абраши, он был главным бухгалтером спиртового завода. Через несколько минут в мою комнату тихо вошла мама. Я притворился спящим. Она наклонилась и прошептала мне в ухо:

– Все, что ты видел и слышал – забудь!

Прошло несколько недель. Словно гром, разразился над городом приговор Московской судебной коллегии. И словно эхо, отозвался ужас в сердце каждого жителя – пять смертных приговоров. Не бандитам, не убийцам, не насильникам – хозяйственникам! И огромные, практически пожизненные сроки в лагерях строгого режима остальным обвиняемым. Четверо из приговоренных к смертной казни были евреями, и среди них – отец Абраши.

И снова мама вздыхала и причитала:

– Бедняги, пролить кровь на войне, вернуться в сожженные дома, восстановить семью и – нате вам...

Абраша в школе не появился. Обычно, если ученик отсутствовал в классе, учительница спрашивала, знает ли кто-нибудь, почему

она или он не пришел. В этот раз учительница обвела класс суровым взглядом, задержала его на мгновение на пустом месте, где обычно сидел Абраша, и начала вести урок.

Дома мама меня спросила: «Абраша сегодня был в школе?». После моего «нет» мама присела возле меня на корточки, взяла меня за руки и, глядя мне в глаза, тихо сказала: «Я думаю, тебе надо зайти к нему»...

Уже когда я был у двери, мама протянула мне кулек с домашним печеньем: «в гости не ходят с пустыми руками».

Абраша и его младшая сестра Мина сидели на полу и играли в лото. Он обрадовался мне и предложил:

– Садись играть с нами.

Я огляделся. Дом был опустошен, только на стене остались висеть несколько вышитых цветными нитками картин в рамочках. Из всей мебели посреди комнаты сиротливо стоял старый стол. Без стульев вокруг него он выглядел как старик: забытый и одинокий. Над столом висел оранжевый абажур с шелковыми кистями. У нас дома в верхней комнате висел точно такой же, только зеленый.

– И телевизор маленькие людишки забрали? – спросил я.

Абраша молчал. Ответила Мина:

– Маленькие людишки? Нет, это были большие чужие людишки...

– Мина! – перебил Абраша свою словоохотливую сестренку, – тебе что мама сказала: не болтай языком!

Но Мина уже не могла остановиться, и хвастливо сообщила:

– А мы уезжаем к бабушке в ... Тернополь...

– Сама ты «попа», болтушка! – сердито сказал Абраша и, обращаясь только ко мне, пояснил: – Дом тоже конфисковали, мы едем жить к бабушке в Тернополь, на Украину...

Втроем мы тихо уселись на пол опустевшего дома, поеживаясь, будто пугающее слово «конфискация» могло, боже упаси, в любой момент выпрыгнуть из «безобразника», чтобы наброситься на нас.

– Совсем забыл, – спохватился я, – мама же для вас пакетик с печеньем передала...

Перевод с идиша Юлии Рец

Борис Сандлер, известный еврейский прозаик, родился в 1950 году в молдавском городе Бельцы. Был профессиональным музыкантом, а после окончания Высших литературных курсов при Литинституте им. Горького (Москва, 1981-1983), работал на молдавском телевидении, где вел программу на идише «На еврейской улице».

В 1992 году Б.Сандлер репатрируется с семьей в Израиль. Работает в Еврейском Университете (Иерусалим); возглавляет издательство «Лейвик-фарлаг» и издает единственный в мире детский журнал «Кинд-ун-кейт».

С 1998 г. по 2016 главный редактор старейшей еврейской (идиш) газеты «Форвертс».

Издав 15 книг прозы и стихов. Книги и отдельные произведения писателя переведены на русский, английский, немецкий, французский, иврит и другие языки. Лауреат ряда престижных премий в Израиле, Канаде и США.

Живет в Нью-Йорке.

Моисей БОРОДА

ШОКОЛАДНЫЙ МУЗЕЙ

А началось всё с невинного вопроса...

– Как вам понравился наш музей шоколада?

– М-м-м... признаться, я в нём ещё не был.

– Как, вы ни разу не были в нашем шоколадном музее?

– Да вот, знаете, как-то... да, действительно не был.

– Нет, вы это серьёзно?

– Ну, то есть... да, серьёзно.

– Но... как же так?

– Ну, как-то так, всё не получалось: то одно, то другое, то третье... И потом – у меня обычно в центре дела, а этот музей, наверное, далеко от центра...

– Да что вы, какое там далеко! Пара шагов, максимум десять минут пешком от вокзала.

– Ну, это, конечно, близко.

– Вы ведь часто бываете в нашем городе.

– Да, во всяком случае, раз в месяц, а то и чаще. Я уж и не знаю, в который раз я здесь.

– И вот за всё это время вы так и ни разу не были в...

– Ну да, не был. И, если правду сказать, даже и не знал о нём...

– Не знали?!

– Ну то есть, не совсем не знал: пару раз встречал плакаты с таким названием, но особого внимания на них не обращал. Вы сами адвокат, знаете ведь, как это бывает: день забит встречами, работой, ну а к вечеру не хочется ничего, кроме как сесть в поезд и...

– Нет, это совершенно невероятно! Да знаете ли вы, что наш шоколадный музей – единственный в мире... ну, или, во всяком случае, самый знаменитый.

– И там всё, конечно, из шоколада, или...

– Ну, вот что: я беру с вас слово, что в следующий ваш приезд

– сейчас-то уже поздно, музей через час закрывается – вы непременно – слышите, непременно! – побываете в шоколадном музее. То есть я просто даже разговаривать с вами перестану, если вы этого не сделаете!

– Ну, если вы уж так ставите вопрос... А кстати: по воскресеньям музей не закрыт? А то ведь в будние дни, сами понимаете, мне не до этого – работать надо.

– По воскресеньям? Нет, конечно, нет...

И вот в ближайшее воскресенье я поехал в К. с твёрдым намерением попасть в этот самый единственный в мире – ну, или, во всяком случае, самый лучший, чёрт бы его побрал! – шоколадный музей. И хотя угроза моего милого знакомого и, время от времени, партнёра по делам, исподтишка действовала мне на нервы, превращая всё в какое-то полуподневольное предприятие, любопытство было сильнее: Что-то же особенное в этом самом «единственном в мире или, во всяком случае, самом лучшем» должно быть, если уж за непосещение грозят перестать с тобой разговаривать.

...Был чудесный, яркий, солнечный зимний день – точнее, переходящее в день позднее утро. Воздух был наполнен солнцем и запахом выпавшего накануне снега, громко и как-то даже весело хрустевшего под ногами. Солнечные блики виднелись всюду – на снегу, на лицах прохожих, на окнах опустевших зимой и словно бы вжавшихся от холода в воду маленьких пароходных ресторанчиков; даже медленно катящиеся воды Рейна, освещённые солнцем, казались менее тяжёлыми.

Откуда-то издали доносились звуки бодрой маршевой музыки. Вообще, во всём царила приподнятая, праздничная атмосфера – впрочем, не исключено, что этот день и в самом деле был наполнен каким-то из бесчисленных праздников, составляющих костяк года и скрашивающих для многих их серую, будничную жизнь.

Идти было действительно недалеко, и почти всё это время я шёл, окруженный множеством куда-то с очевидным удовольствием спешащих людей, идущих в том же направлении, что и я. Я уже потихоньку затосковал, предвкушая длинную очередь, которую мне предстоит выстаивать на, как там ни крути, а всё же морозном воздухе.

Но мои опасения оказались напрасными: целью моего окружения оказался не музей, а находящийся на подходе к нему в высоченной башне пивной ресторан. Так что, когда я подошёл к мосту, за которым уже виднелись контуры музея и даже, кажется, ощущался лёгкий запах шоколада, рядом со мной оказалась лишь влюблённая молодая пара. Но и они пошли не в музей, а, завернув налево, стали быстро и весело подниматься по круто уходившей куда-то вверх лестнице.

Лестница эта сразу меня привлекла, и я подумал, что как только я выполню обязательную программу – то есть наберусь в достаточном количестве шоколадных впечатлений, чтобы было о чём отчитаться перед моим милым знакомым – я обязательно по этой лестнице поднимусь, просто чтобы посмотреть, что же там такое наверху есть.

Первое, что я увидел, войдя в музей, было стоявшее за стойкой продажи билетов очаровательное юное существо цвета горячего шоколада, увенчанное пышной, короной сидевшей на голове, причёской. Существо обмахнуло меня слева направо, а затем в обратном направлении, ослепительной улыбкой, перед которой остался бы равнодушным разве что сосредоточенный на рекламе мужского пуловера манекен в магазинной витрине.

Ободрённый приёмом, я уже настроился обратиться к очаровательному существу с каким-нибудь невинным музейным вопросом, как вдруг заметил, что объект моего интереса уже абонирован молодым человеком приятной наружности, и что этот молодой человек и его визави цвета горячего шоколада о чём-то в интимно-приглушённых тонах беседуют.

Я уже собрался дать волю своему разочарованию и, недолго думая, развернуться и уйти – пусть мой милый знакомый выполняет свою угрозу, посмотрим, как это у него получится, когда нас свяжет очередное дело! – как вдруг за стойкой появилось второе юное существо того же пола, пусть и не затмившее красотой свою товарку, но во всяком случае, сразу обращающее на себя внимание яркостью красок, матово светящейся белизной кожи, серыми глазами на фоне пышных каштановых волос и открытой улыбкой.

Существо не было пока абонировано никем, и я решил перехватить инициативу и, сколько это позволят обстоятельства, заты-

нуть подготовительный этап к покупке билета. К большему я не стремился: чувство, что я здесь не совсем по своей воле, сосавшее где-то под ложечкой с того момента, когда я сел в поезд и он покатил меня к моему шоколадному счастью – это чувство по-прежнему сидело внутри и показывало – «Ага, попался!» – язык.

Моя визави охотно и в деталях рассказала об истории музея, о том, что и как стоит смотреть; при этом она всё время вынимала из ящичка стойки, перед которой стояла, какие-то проспекты, рекламки и прочую печатную продукцию, на которую я из вежливости и опасения прервать её рассказ бросал мимолётный взгляд, с неудовольствием отрывая его от лица рассказчицы. Действительно, почти всё время, пока она говорила, справляясь время от времени со своим конспектом, я, почти не отрываясь, смотрел на её лицо – ну, и на всё прочее, что не скрывалось разделяющей нас стойкой. Впрочем, это её нисколько не смущало.

Наконец, её длинный, несколько усыпляющий монолог стал иссякать, и я, боясь, что сейчас последует вопрос о покупке билета, а значит, и конец столь неожиданно улыбнувшейся мне встречи, спросил:

– А что, в вашем музее всё из шоколада?

– Ну, почти всё, – с загадочной улыбкой произнесла она. – Шоколаду можно придать какой угодно цвет. Даже и телесный, – она застенчиво улыбнулась... – Некоторые покупатели предпочитают... заказывают у нас... женские фигурки из шоколада телесного цвета... ну и... («ну да, понятно. Чтобы, купив очаровательную голую куколку из такого шоколада, полюбоваться на неё, а потом медленно и со вкусом съесть!»).

– А эта... – я чуть скосил глаза в сторону её товарки цвета горячего шоколада, – она, что – тоже?

– Ах, что вы! – её голос понизился до шёпота. Это коллега из Мозамбика. Её прислали к нам из Швейцарии, от самого Линдта. Многие приходят сюда только для того, чтобы на неё посмотреть. А некоторые – да! да! так же, как вы сейчас! – думают, что она из шоколада. И были такие случаи, когда посетители пытались её ущипнуть – ну, или... Из-за этого были ужасные скандалы; виновные платили большой штраф...

Впрочем, доставалось всё это не ей, а музею, – добавила она с

торжеством: видимо, внимание к чуду из Мозамбика не оставляло её равнодушной.

Она ещё что-то говорила, но я уже перестал её слушать, сосредоточившись на мысли, как сделать, чтобы наше общение хотя бы ещё немного продолжалось, не оборвавшись на вопросе о билете. Ей-богу, это было очаровательное, не затронутое никакими интеллектуальными или иными терзаниями существо, с удовольствием исполнявшее свою очаровательность – как, наверное, хороший музыкант с удовольствием играет сочинённую им музыку. Чуть портил всё это очарование до неестественности чрезмерный блеск в её глазах, но... нет, нет, это было действительно очаровательное существо.

В голове моей медленно перекатывались варианты продолжения разговора, но в голову ничего путного не приходило – может быть, из-за одуряюще сладкого запаха шоколада и настоянного на кофейном пару многоголосного шума из расположенного в зале кафе. Я уже был готов, мысленно дав себе коленкой под зад, закончить наше общение вопросом о билете, как вдруг заметил, что желание продолжить наш разговор – впрочем, ограничившийся с моей стороны лишь короткими вставками в её шоколадный монолог – возникло и у неё.

Это было заметно и по её тону, и по тому, как она несколько раз, спрятав в ящичек очередной проспект, из которого только что приводила какие-то цифры, доставала его же и, смутившись, клала обратно, по тому, как она, без всякой на то необходимости, перебирала лежащие на стойке буклетики, поднимая на меня время от времени требовательный взгляд, ожидающий очередного вопроса, на который она могла бы – сколько это возможно, пространно – ответить.

Бог знает, что при этом двигало ею – скука ли от постоянного и в это время дня, кажется, невостребованного стояния за стойкой, желание ли хоть кому-то выложить свои знания – или вменённая сотрудникам её ранга обязанность «привязать» к музею случайно заблудшую в мир шоколада душу. Но так или иначе – рассказ её уже явно иссякал, как вдруг я дал толчок новой волне её красноречия.

– Как давно вы здесь работаете? – Год и три месяца... Неполных, – добавила она, может быть, застенчившись своей неточности.

– И каждый день вот так у стойки?

– О нет, нет, это было бы слишком... слишком... ужасно, этого

бы она не выдержала. Нет, у стойки она только по воскресеньям, а в остальные дни она водит группы по музею. Её коллеги тоже это делают, но у неё получается лучше всех, у неё всегда такие хорошие отзывы... А два раза в месяц она занимается с детьми, ведёт в музей секцию «Делаем шоколад сами», это конечно интереснее, чем рассказывать несколько раз в день одно и то же, но всё же и это немного ску... однообразно.

...Нет, нет, она не собирается всю жизнь быть на этой работе, но сейчас так трудно найти что-нибудь подходящее, особенно если уходишь по собственному желанию, никто тебе не верит, что ты ушёл сам, и... но всё равно, она тут не останется, с будущего года она собирается поступать на курсы, готовящие секретарш, это, правда, не то, что она бы хотела, но всё же потом можно найти приличную работу... конечно, если бы ей помогали родители, она бы смогла учиться в университете... на... на экономическом, пусть это и не так интересно, но это был бы... верный путь к хорошему рабочему месту – так ей говорили. ...Юридический? О нет, нет, это так... так... однообразно! Она это знает по своей подруге, та училась на юридическом целых три семестра, её родители настояли на том, чтобы она пошла на юридический, она этого не хотела, но родители настояли, и вот – она выдержала три семестра, но больше не смогла и бросила университет вообще. Нет, юридический – упаси бог! – это она бы не потянула, да и вообще университет... нет, нет, ведь параллельно надо работать, зарабатывать деньги... конечно, родители могли бы помочь, но... она с ними немного не в ладах, так уж получилось, они живут в маленьком городке, там чудесный воздух, кругом лес, есть даже озеро, где можно летом кататься на лодке, и... она бы там могла хорошо жить, у родителей – гостиница, и почти круглый год там постояльцы, гостиница не пустует ни один день, и родители, конечно, очень довольны, они смогли купить второй дом, жильцы тоже приносят доход, правда, с ними приходится возиться, то одно, то другое, но отец всё делает сам, он мастер на все руки, так что расходы не очень большие и... да, она, могла бы жить в родительском доме, ей не нужно было бы так дорого платить за жильё, как здесь, родители ей много раз говорили, что... зачем им нанимать кого-то со стороны, когда она могла бы включиться, они в своё время немало на неё потратили, и теперь, когда она стала взрослой... Она их,

конечно, понимает, но... бр-р-р – стоять целыми днями за стойкой бара, наливая посетителям пиво, не забывать при этом улыбаться... и потом, не чувствуя ни рук, ни ног, за полночь валиться в постель, а утром начинать всё сначала... нет, нет, это она не выдержала бы, и потом... жить в маленьком городке, где с шести вечера всё замирает, где кроме их гостиницы да нескольких крохотных баров, ничего нет, и потом... её родители, особенно отец, такие... старомодные и... если бы она жила в их доме, у неё не было бы даже собственного телевизора, телевизор у них только в гостиной, и она не могла бы смотреть её любимые сериалы – только то, что смотрят родители, а у них... другие представления... вот ей, например, страшно нравится этот сериал про доктора, – ну, вы же знаете, его по средам передают, в двадцать тридцать... там есть доктор, очень, очень милый человек, и его сестра с мужем, тоже очень милые люди, только у сестры с мужем постоянно конфликты, и потом он уходит от неё, но доктор убеждает его вернуться, и он возвращается, и у них становится всё хорошо... неужели вы не смотрели, это такой замечательный сериал, конечно, лучше смотреть с самого начала, но и потом тоже можно включиться... обязательно посмотрите, это каждую среду в двадцать тридцать по второй программе, вам непременно понравится, там все такие милые... ну, не совсем все, там есть одна очень нехорошая женщина, она соблазнила мужа сестры доктора, и хотела, чтобы он к ней ушёл, но доктор...

Она говорила, и тон её становился от фразы к фразе всё более доверительным, почти интимным. Я слушал её, не перебивая – впрочем, перебить этот поток было бы невозможно – и постепенно какая-то муть оседала во мне, муть, в которой смешались и чувство неловкости от неожиданного и нежеланного проникновения в чужую жизнь, и злость на себя.

Какого чёрта я поплёлся в этот музей, пожертвовав своим так долго жданным свободным воскресеньем (когда ещё выдастся следующе!), ну а уж если пришёл, за каким дьяволом я дал толчок этому монологу, не оставляющему в душе ничего, кроме горечи, жалости к моей визави и раздражения – на себя и на неё!

...Впрочем, почему же на неё? Чем виновата эта бедная девчушка, что она так банальна? Природа одарила её милой внешностью – разве это так уж мало? Она ожидает каждую среду свой сериал

про доктора и его сестру с мужем – уже загодя радуясь этой встрече, волнуясь, что на этот раз что-то случится и передачу заменят другой или – нет! нет! только не это! – объявят, что эта серия – последняя?

Но в чём же её вина? – ведь это её сердечное общение, мир, в котором её никто не обидит, не скажет ей грубого слова, не посмеётся над ней, не унизит её своим превосходством, мир, из которого её никогда не изгонят, где всё так мило, так – в конце концов – хорошо, где живут её настоящие близкие, её – да! да! да! – подлинная семья. Это – её мир и, в каком-то смысле – её собственность.

И пусть эти люди ничего не знают о ней, не знают даже, что она есть, но ведь она знает о них всё, живёт их жизнью, окрыляется их планами, их мечтами, негодует на «плохих», радуется за «хороших», горюет по поводу их невзгод и злоключений. И такая ли уж непреодолимая стена отделяет её с её стремлением погрузиться в сериально-сюрреальный мир чужой жизни, от снобов, взирающих на этот мир свысока? Разве не стремится каждый из нас пробить скорлупу, в которую его замкнула жизнь, и найти дорогу к миру других? И что же такое тогда искусство – «высокое» ли, «низкое» ли – если не «над вымыслом слезами обольюсь»?

...А она всё говорила и говорила, время от времени поднимая на меня взгляд, и каждый раз меня неприятно поражал неестественно яркий блеск её глаз, напоминающий мне о каком-то случае из моей практики.

Внезапно я вспомнил: точно такой же блеск глаз был у одной моей подзащитной, рассказавшей случайному попутчику в поезде со всеми подробностями о себе, а затем изнасилованной и ограбленной им – слава Богу, что не убитой.

И вот, сидя в моём бюро, ответив на мои вопросы – я, честно говоря, уже собирался с ней попрощаться и пригласить следующего посетителя – она без какого-либо вступления вдруг начала рассказывать со всеми подробностями о своей жизни, время от времени подымая на меня взгляд своих неестественно сверкающих глаз, постепенно наращивая темп, задыхаясь от фразы к фразе, и потом, прерванная мной и спрошенная о какой-то детали своего приключения в поезде, которую я хотел уточнить, без всякого перехода и совершенно спокойным тоном ответила на мой вопрос.

Я тогда поразился этим внезапным переходам гораздо больше, чем интимному тону, с которым она о себе рассказывала, приписав его особой доверительности, нередко возникающей у клиента к его адвокату – нечто вроде доверительного отношения больного к его врачу.

Кто знает, может быть, и здесь было что-то вроде этого, и милая девчушка, перебирающая под аккомпанемент своего безостановочного разговора лежащие на стойке буклетки, увидела во мне готовое её выслушать ухо. Но так это было или не так: история начинала меня всё более тяготить.

Раздражение моё не проходило и было уже, кажется, готово обнаружить себя, как вдруг из открывшейся в задней стенке двери выпорхнуло привлекательного вида юное создание.

Милое существо подошло к моей собеседнице и начало ей в приглушённых тонах что-то рассказывать – что-то, что, видимо, волновало обеих, так как моя визави сразу отключилась от меня и, выслушав товарку, принялась в свою очередь что-то ей взволнованным шёпотом говорить. Продолжалось это недолго; милое существо, выговорив своё, исчезло за той же дверью, из которой появилось.

Моя собеседница вновь обратила ко мне лицо. Что-то в моём выражении ей, видимо, не понравилось. Приклеенная улыбка сползла с её лица, и она произнесла подчёркнуто холодным тоном: Так вы будете брать билет? За вашей спиной уже выстроилась очередь!

Я обернулся. Действительно, несколько стоявших за мной человек – бог знает, когда они успели незаметно для меня появиться – нетерпеливо топтались, ожидая, когда же, наконец, затянувшийся у стойки разговор закончится и они вступят в свои права обладателей билетов. Я повернул голову в сторону моей собеседницы; меня встретил отсутствующий, смотрящий сквозь меня взгляд.

Но мне уже не хотелось ни брать билет, ни, дождавшись, пока очередь позволит себя обилетить, возобновить разговор с моей визави. Опустив глаза, я медленно прошёл мимо очереди к выходной двери и вышел из музея.

Погода, как нередко бывает после первого снегопада, изменилась: солнце исчезло, скрывшись за мутно-серыми тучами, из которых начал уже с возрастающей густотой сыпаться крупными хлопьями снег.

Я пошёл к мосту. По пути я мельком посмотрел на лестницу, по которой собирался подняться после похода в музей. Сверху, по всей видимости, должен был открываться красивый панорамный вид на Рейн, на стоящие на обоих берегах дома, на проплывающие внизу баржи. Но мне уже не хотелось ни подниматься по лестнице, ни что-то осматривать, а хотелось только поскорее дойти до вокзала, сесть в поезд и поехать домой. Что я и сделал.

С тех пор каждый раз, когда я бываю в К., я, покончив с делами, иду к шоколадному музею. Я прохожу мост, смотрю на ведущую вверх, к панораме на Рейн, лестницу, медленно поднимаюсь по ступенькам к дверям музея, и стою перед ними, давая время от времени проход появляющимся посетителям и разглядывая сквозь стекло холл со стойками для продажи билетов.

Моей собеседницы давно уже нет за стойкой – может быть, она не работает в те дни, когда я прихожу, или водит по музею группы, или она вообще уволилась и сейчас учится, готовясь к своей будущей секретарской карьере.

Нет и мозамбикского чуда цвета горячего шоколада. Уехала ли она, накопив деньги, в свой Мозамбик и теперь, построив там себе сказочную для рядовых мозамбиканцев жизнь, рассказывает своим близким и знакомым, которым меньше повезло, о чудесном городе, в котором она жила, о музее, где она деятельствовала и где на неё приходили любоваться как на чудо. Или, может быть, она вернулась к Линдту в Швейцарию и живёт теперь там, пленяя строгих швейцарцев неувядающей чужеземной красотой. Ну, а может быть, она просто вышла замуж за своего тогдашнего визави, родила детей и посвятила себя семье и домашним заботам, в часы редкого отдыха вспоминая одуряюще-сладковатый запах шоколада и восхищённые взгляды посетителей.

Я долго стою перед дверьми музея, в конце концов вызывая любопытство окружающих и их разные по степени такта вопросы. Потом я медленно спускаюсь к мосту и так же медленно иду к вокзалу.

Каждый раз я говорю себе, что вот на этот раз я непременно должен зайти, купить билет и наконец-то посмотреть, что же в этом музее выставлено, тем более, что то один, то другой из моих знакомых – старых ли, новых – заговаривают со мной на эту тему. И каждый раз какая-то сила отталкивает меня от дверей, и я иду обратно.

Страх ли это встретить мою собеседницу, стыд ли это за свою глупую неловкость, простительную для неопытного юнца и забавную для взрослого, повидавшего виды человека – не знаю. Но факт остаётся фактом – я до сих пор не побывал в шоколадном музее и – чёрт возьми! – до сих пор не знаю, правду ли говорила моя милая визави о телесного цвета шоколаде и прочих интересных вещах.

Моисей Борода (1947) – доктор музыкологии, писатель, композитор. Стипендия фонда Александра фон Гумбольдта (1989) за исследования взаимосвязи музыкального и естественного языка. С 1989 г. – в Германии. Автор более 60 научных работ по проблемам взаимосвязи музыкального и естественного языка.

Литературное творчество: рассказы, стихи, публицистика на русском языке. 5 книг (проза, стихи). Рассказы на немецком и грузинском; стихи на немецком и английском, литературные переводы с итальянского и грузинского. Публикации в Германии, США, Израиле, Грузии, Украине, Азербайджане, России.

Музыка: Камерная музыка для ф-но, скрипки, кларнета, виолончели (в частности, еврейская музыка); вокальная музыка на стихи еврейских, немецких, грузинских и русских поэтов. Радиопередачи (Германия, Швейцария, Испания), исполнения в Германии и за рубежом.

Член Союза Композиторов / Союза Писателей Грузии, Международной Гильдии Писателей (МГП) и немецкоязычной литературной группы «*Vochimer Literaten*». Представитель СП и СК Грузии в Германии и МГП в Грузии. Председатель регионального отделения Союза Немецких Музыкантов (DTKV)

Марк ВЕЙЦМАН

НЕКРОПОЛЬ

Похвала Державину

Гаврила Романович, антисемит,
Вы были хорошим поэтом.
Досель ваше слово, как бронза, звенит
И светит естественным светом.

Меня, потребителя ваших трудов,
Вам тягостно было бы видеть,
Зане моих предков, российских жидов,
Изволили вы ненавидеть.

А что б вам изгоев судьбу облегчить! –
И к вашей немеркнущей славе
Деянье благое сие приобщить
Историки были бы вправе.

Вошло б ваше имя в почётный регистр
В Сохноте, а также в «Бней-брите»,
И ваши стихи б зазвучали, министр,
На грозном библейском иврите.

Я радуюсь с вами и с вами скорблю,
Сомненья свои сопрягаю.
А вот на портрет ваш глядеть не люблю,
Вернее сказать, – избегаю.

Клейменово

И в ночь идёт, и плачет, уходя...

А.Фет

На меня, слегка кося,
Пялятся с портрета
Иудейские глаза
Русского поэта,

Словно этот господин
Силится сказать мне:
– Что забыл ты, жидовин,
У меня в усадьбе?

– Ваш читатель, сын вдовы,
Выросший в подвале,
Поглядеть пришёл, как Вы
Жили-поживали,

Ухитряясь по ночам
С верхотуры стога
Над собою различать
Ангелов и Б-га.

И смиренно поспросить,
Правда ль, что за гробом
Продолжают повышать
Статус юдофобам.

И не брешут ли вралю,
Будто вы едва ли,
От кого произошли,
Не подозревали...

Но пиита нем, как мим,
Что понять несложно,
И отсутствием своим
Защищён надёжно.

Давид и Голиаф

Памяти Давида Гофштейна

На этот раз Давидову пращу
 Не выбили из рук – конфисковали.
 Вовек я Голиафа не прощу,
 Который застрелил его в подвале,
 А после, оказавшись не у дел,
 Поведал собутыльнику по пьянке,
 Как на него спокойно поглядел
 Давид перед расстрелом на Лубянке.
 Скривился собутыльник-инвалид.
 «Ты, – молвил он, – творил чего не ведал.
 Быть может, был Давид космополит,
 Но всё-таки отечества не предал.
 Он перевёл шевченковский «Кобзарь»,
 А ты его поставил к стенке, гнида!
 Ты о своей «победе» не базарь.
 Куда тебе до нашего Давида!»
 И Голиафа, толстого, как шкаф,
 Ударил кулачишком измождённым.
 «Как ни крути, – подумал Голиаф, –
 А всё равно уходишь побеждённым».

Игрок

*Вскоре сделался он игроком настоящим. А это
 Многократно усиленный образ поэта...*

А. Межиров

Александр Петрович Межиров
 Не датировал стихи,
 Тасовал-перетасовывал
 Имена и времена.
 Сколько в жизни понамешано,
 Понимают игроки,

То есть те, чья суть кромешная –
Их беда, а не вина.

Александр Петрович Межиров
(с этой темы не свернём)
Постигал игры изменчивость
На коне и под конём,
Получал пинки и премии,
Не сгибался под огнём.
Говорить в прошедшем времени
Мне мучительно о нём.

Коль к судьбе твоей по-доброму
Отнеслись и книжный том
Стал души твоей подобием,
Так спасибо и на том.
А любовь и боль треклятую,
Не сравнимую ни с чем,
Календарной метить датую –
Не с руки,
Да и зачем?

Памяти Леонида Тёмина

Рассветы рождаются ночью
Леонид Тёмин

Мальчишку Лёньку Тёмиса
Не знал я, не любил,
А вот поэта Тёмина
Признал и полюбил.
 А между тем впоследствии
 Возьми да окажись,
 Что жили по соседству мы
 Без малого всю жизнь.
И нам обоим памятны
Старинный дом и двор

И в голубое впаянный
Владимирский собор...
 Окурок в пальцах комкая,
 Читал он в тишине...
 О ком это? О ком это?!
 Да это ж обо мне!
Он знает все подробности.
Но там, где я немел,
Он всё сказал без робости,
Как думал и умел...
 Под звуки труб рыдающих
 Ушёл он далеко
 От музы, проживающей
 По улице Франко,
Где липы довоенные
И сорная трава
Внушают сокровенные
Нестёртые слова,
 Кресты пылают золотом,
 Но жизнь уже не та.
 И веет лютым холодом
 От чистого листа...

Марк Вейцман, поэт, прозаик, эссеист, родился и вырос в Киеве. Образование – физико-математический факультет пединститута и Литинститут им. Горького.

Отсчёт своих литературных занятий ведёт с 1966 года, когда его стихи, подвёрстанные к «Бабьему яру» Анатолия Кузнецова, были опубликованы в «Юности».

Автор полутора десятков книг для взрослых и подростков, увидевших свет в Москве, Киеве, Иерусалиме и многочисленных журнальных публикаций. Лауреат нескольких литературных премий.

Некогда состоял в СП СССР. Ныне – член Федерации писателей Израиля и Международного ПЕН-центра.

Яков ФРЕЙДИН

МОЛОТОК ХАММЕР

Лет 35-40 назад позвонить из США в СССР было трудно – на всю огромную страну позволялось очень малое число телефонных звонков, всего несколько десятков в день. Служба прослушивания в структуре КГБ с большим количеством разговоров не справлялась и перегрузок не терпела. Оттого и ограничение. Чтобы заказать телефонный разговор с Советским Союзом, нужно было не более чем за минуту до полуночи звонить международному оператору на телефонную станцию и заказывать разговор на завтра. Если повезёт, тебя ставили на очередь, и тогда на следующий день можно было услышать в трубке голоса родственников или друзей.

Осенью 1979 года я смог дозвониться, и моя мать сообщила о семейной беде. У моей сестры, врача-терапевта, неожиданно возникло сильное кровотечение в обоих глазах (у неё был диабет первого типа) и её увезли в клинику при московском институте им. Гельмгольца. Там ей ничем помочь не смогли, но сказали, что есть надежда на американскую глазную хирургию – за полгода до того в тот самый «Гельмголец» приезжало светило из университета Джонса-Гопкинса, которое читало лекции как раз о таких медицинских ситуациях.

Я сразу же нашёл этого глазного хирурга в Балтиморе, позвонил ему и рассказал, что произошло. Он был очень любезен, сказал, что да, в некоторых случаях удаётся помочь и спасти зрение пациента, а потом добавил: «Но я ничего не могу сказать конкретного, пока не увижу вашу сестру. Сначала мне нужно обследовать пациента. Привезите её в Америку, сразу позвоните мне, и я сделаю, что смогу».

Легко сказать, «привезите в Америку» в начале 1980 года! После ввода советских войск в Афганистан наступили суровые заморозки холодной войны. Шансы на то, что моя сестра сможет приехать в Америку, были близки к абсолютному нулю, так как в то время

эмиграция из СССР почти прекратилась, а в гости вообще никого не выпускали. Тем не менее, я развил большую активность, звонил и писал сенаторам и конгрессменам с просьбой как-то повлиять и оказать давление на советских. Но всё было без толку.

Однажды я об этом рассказал моему приятелю Флойду. Это был пожилой человек, от дел он отошёл, но у него сохранилось немало энергии и желания делать добро. Более 30 лет до того он руководил президентской избирательной кампанией Томаса Дьюи. Когда в 1948 году Дьюи проиграл Трумэну, Флойд ушёл из политики, но с тех пор у него осталось несколько знакомых в верхах американского бизнеса. Он мне сказал: «Я сегодня же напишу письмо моему другу Дональду Кендаллу. Это президент компании Пепси-Кола, он хорошо знаком с господином Брежневым. Я попрошу Дона позвонить Брежневу и уверен, что дело быстро уладится».

Флойд пришёл ко мне домой через неделю и принёс ответное письмо от Кендалла. Это было воплощение ошеломляющей наивности. Кендалл писал: «Дорогой Флойд, не понимаю, зачем я должен беспокоить господина Брежнева по такому пустяковому поводу. Ведь есть куда более простое решение – пускай твой русский друг сам позвонит в Вашингтон советскому послу Добрынину и попросит отпустить его сестру в США на лечение. Я знаю господина Добрынина, это хороший человек, он не откажет». Ну что тут скажешь? Подумать, что советский посол будет разговаривать с отщепенцем-иммигрантом, было даже не наивностью, а верхом глупости. С тех пор, кстати, я никогда не пью Пепси-Кола, хотя Кендалла там давно уже нет.

Примерно после полугода безуспешных попыток чего-то добиться я совсем потерял надежду, а драгоценное время уходило. Однажды вечером я включил телевизор. Там передавали интервью с Арманом Хаммером. Это был разговорчивый и подвижный, как хорёк, господин лет около восьмидесяти, который хвастливо говорил: «Я был хорошо знаком со всеми советскими руководителями – с Лениным, Сталиным, Хрущёвым. Вот и сейчас, когда между СССР и США практически нет никаких контактов, я единственный человек в Америке, который может снять трубку и позвонить Брежневу в любое время дня и ночи, и он будет рад со мной говорить». Я подумал – ух ты! Да ведь это именно тот человек,

который мне нужен! А что если попросить его помочь? Но как? Я решил написать ему письмо.

Чтобы его сразу не спугнуть, я начал с фразы, что это письмо не о финансовой помощи или каких-то пожертвованиях, а обращаюсь я к нему как к врачу (я знал, что Хаммер по образованию врач и страшно этим гордится), и хочу попросить его о содействии в одном медицинском вопросе. Где-то недели через две мне позвонила его секретарша и сказала, что мистер Хаммер примет меня в своём офисе на следующей неделе. Я полетел в Лос-Анджелес.

Нефтяная компания «Оксидентал Петролеум», где Хаммер был председателем совета директоров и владел контрольным пакетом акций, помещалась на Бульваре Вилшайр в высотном здании, отделанном белым мрамором и полосами нержавеющей стали. Внизу в вестибюле над головой охранника висел большой портрет самого Хаммера – похоже, старик был влюблён в себя. Я назвал своё имя, показал удостоверение, охранник сверился со списком ожидаемых визитеров и позвонил кому-то по телефону. Потом дал мне нагрудную табличку с надписью «Посетитель», показал, где лифт и сказал, на какой этаж надо подняться.

В просторной приёмной секретарша велела мне подождать, а затем сказала, что у господина Хаммера для меня есть только десять минут и я должен быть краток. Вскоре она открыла высокую дверь из красного дерева и меня впустила. Сравнительно небольшой кабинет, как и дверь, был отделан тёмным красным деревом, в левом углу стоял застеклённый книжный шкаф, на стенах в массивных рамах висело несколько картин старых фламандских мастеров, сейчас не помню каких. В центре был письменный стол, а за ним комод с множеством фотографий в рамках. Среди них мне сразу бросились в глаза портреты Ленина и Брежнева, стоявшие там на самом видном месте. Оба снимка были с дарственными надписями.

Я был так поражён увидеть эти портреты не в кабинете какого-нибудь советского партийного бонзы, а у одного из акул капитализма, что даже не сразу заметил самого Арманда Хаммера, молча сидевшего за столом. Он сказал:

– Ну что вы там стоите, садитесь сюда, – указал мне на кресло у стола, – и говорите, что у вас ко мне за медицинское дело?

Я кратко рассказал о ситуации с моей сестрой, и подхалимски

добавил, что решил обратиться к нему и как к врачу, и как единственному американцу, с которым считаются и которого уважают в Кремле. Он слушал меня, не перебивая, только головой кивал, а потом неожиданно спросил по-русски:

– Ну а сами вы почему эмигрировали из Советского Союза? Что вам там не нравилось? Думаете, здесь будет лучше?

Арманд Хаммер в своём кабинете в Лос-Анджелесе

Я посмотрел на портрет Брежнева за его спиной и понял, что будет глупо и даже опасно для моего дела ругать советскую власть, а потому объяснил красному капиталисту, что решил переехать в США чисто по профессиональным причинам: мол, моя специальность здесь развита на очень высоком уровне, я надеюсь многому научиться, и если в будущем будет такая возможность, обязательно вернусь. Он никак на это не среагировал, но сказал, что в следующем месяце собирается посетить Москву, там как раз будет проходить Олимпиада, а когда вернётся, даст мне знать, если сможет чем-то помочь моей сестре. Мне стало ясно, что аудиенция закончена, я поблагодарил его, попрощался и направился к двери. Он из-за стола не поднялся и руки мне не подал, лишь молча кивнул. На следующий день я улетел домой в Коннектикут.

...Привратник открыл дверь в гостиную, где доктор отдыхал после далёкой поездки. Он сидел в кресле у камина и читал вечернюю газету.

– Там ваш сын пришёл, – сказал привратник и добавил шёпотом, – он очень взволнован...

Джулиус сложил газету и встал с кресла. В комнату вбежал Арманд:

– Папа, беда! Не знаю, что делать. Господи, что же делать! На прошлой неделе, когда ты был в отъезде, я работал здесь, в твоём офисе, разбирал бумаги, как вдруг пришла твоя пациентка миссис Мария Оганесова...

– Да, я её наблюдаю с прошлого года. Она хоть и молода, у неё целый букет всяких болезней. Её муж – бывший царский дипломат. Ну так что произошло? Что она хотела? Рассказывай

– Она спросила тебя, но когда я сказал, что ты вернёшься только через неделю, стала настаивать, чтобы я сделал ей аборт, у неё был уже четвёртый месяц. Я ведь учусь на гинеколога и должен это уметь делать. Сказала, что это совершенно конфиденциально, и настаивала, чтобы я сделал здесь же в офисе, немедленно. Очень боялась, чтобы никто не узнал, особенно муж... Господи, зачем я согласился! Я сделал, что мог, после процедуры она сразу уехала на своём авто. Но... Только что мне телефонировали из госпиталя, что у неё, оказывается, возник сепсис и час назад она умерла. Что делать, папа? Меня арестуют? Я не хотел делать, но она настаивала...

Молодой человек упал в кресло и закрыл лицо руками. Доктор Хаммер ничего не ответил, молча стал ходить по комнате, а потом сказал:

– Значит, так. Слушай, Арми, и не перебивай. Это был твой первый и последний пациент. Твоя медицинская карьера на этом окончилась навсегда. Врачом ты не будешь. Об этом забудь. Как закончишь колледж, будешь работать в моей компании, делать лекарства. Что касается аборта и смерти миссис Оганесовой, я сам с этим разберусь...

Джулиус отправился в полицию, пытался замести следы, но его быстро разоблачили и тогда он взял всю вину на себя. Сказал, что это он сам сделал пациентке незаконный аборт (после 1880

года аборты для белых женщин в США были запрещены). Был суд, доктора Джулиуса Хаммера приговорили к трём с половиной годам тюрьмы. Арманд привлёк целую адвокатскую команду для обжалования приговора, но это не помогло, Джулиус остался за решёткой. Впрочем, полный срок он не отсидел, и в январе 1923 года был выпущен досрочно «за хорошее поведение».

Джулиус родился в Одессе, в семья Якова и Виктории Хаммер, и когда он был ещё младенцем, родители привезли его в Америку. Он вырос в Нью-Йорке, получил хорошее образование и стал врачом. Однако в душе был он бизнесменом, основал фармацевтическую фирму и довольно быстро разбогател. Ещё до посадки в тюрьму, свято веруя во всеобщее равенство, братство и победу коммунизма во всём мире, Джулиус Хаммер всю жизнь занимался борьбой за освобождение американского рабочего класса от гнёта капитализма, хотя рабочий класс его об этом не просил. С парой-тройкой единомышленников в 1919 году он основал американскую компартию и стал обладателем партийного билета номер 1.

Впрочем, этот рассказ не о Джулиусе. Вернёмся к его сыну Арманду, имя для которого папочка-коммунист взял не с потолка. «Арм-анд-Хаммер» (Arm and Hammer) по-английски значит «рука и молот». Думал, наверное, сначала назвать «серп и молот», но по-английски это звучит не очень благозвучно, чуть смахивает на «больной с молотком».

После того как отец оказался за решёткой, Арманд, ещё будучи студентом медицинского факультета в Колумбийском Университете, взял в свои руки руководство его фармацевтической компанией “Allied Drug and Chemical Corporation”, где всю проявил его большой талант к бизнесу.

В аккурат после своего 21-го дня рождения, он получил медицинский диплом с отличием, но, как и требовал отец, не стал врачом, а целиком занялся бизнесом. Вскоре, в 1920 году, подоспел «Сухой Закон» – Америка решила отныне быть трезвой. На этом не слишком-то умном законе сразу же расцвела мафия и появилось множество жуликов. Они делали дикие деньги на незаконном импорте и подпольной продаже выпивки. Кстати, одним из самых успешных в этом теневом бизнесе был Джо Кеннеди, отец будущего

президента. Молодой и сообразительный Арманд не хотел оставаться в стороне от такой золотой жилы и стал думать – как же обойти «Сухой Закон»? Именно обойти, а не нарушать – к папе в тюрьму Синг-Синг его совершенно не тянуло. Потому он придумал делать и продавать не водку или виски, а имбирную «лекарственную настойку» на спирту. Всё было шито-крыто и в рамках закона. Вроде ты не бухаешь, а лечишься. На этом «лекарстве» он сделал свой первый миллион.

Весной 1921 года, когда Арманд навещал отца в тюрьме, Джулиус сказал:

– Арми, в 1907 году я был в Штутгарте, это в Германии. Там я участвовал в социалистической конференции, где познакомился с одним примечательным джентльменом. Это был удивительно харизматический человек с потрясающим талантом убеждать в своей правоте. Он и меня убедил на всю оставшуюся жизнь. Его тогда звали Ульянов, а сейчас это Ленин, глава российского правительства. У них в России идёт гражданская война и совершенно нет медикаментов. Ещё два года назад я им поставлял хлороформ, но большевики денег мне не заплатили, да я и не настаивал. Мы, коммунисты, должны помогать друг другу. Вот что я хочу сделать. Здесь, в США, после окончания войны скопилось огромное количество неликвидных медикаментов, а в России нет ни лекарств, ни хирургических инструментов, вообще ничего. Я хочу сделать Ленину подарок. Закупи на мои деньги большую партию этого товара, цены на него сейчас бросовые, и повези в Москву. Я дам тебе письмо к Ленину, уверен, что он меня помнит, мы с ним провели вместе немало времени. Только имей в виду – ехать в Россию надо без огласки. Наше правительство к коммунистам относится подозрительно и могут быть неприятности, если наше имя там всплывёт. Я ведь тебе говорил, что ФБР давно за мной следит. Поэтому вези товар тайком через другие европейские страны, а Россию нигде даже не упоминай.

Арманду идея понравилась, он закупил несколько контейнеров, забил их медикаментами на сумму \$60.000 (примерно 1 миллион в нынешних деньгах), в Нью-Йорке погрузил это богатство на пароход «Аквитания», и не озаботившись получением лицензии на вывоз товара, отбыл в английский порт Саутгемптон, а оттуда направился в Берлин для получения советской визы. Там вышла задержка

– Советская Россия уже плотно прикрыла двери, и люди ждали визы месяцами. Тогда Арманд написал письмо в Москву и упомянул несколько важных имён, включая своего отца. Ответ пришёл незамедлительно от самого Максима Литвинова, заместителя наркома по иностранным делам РСФСР. Виза была получена, и Арманд отправился в Ригу, а затем поездом в Россию.

Во всех промежуточных пунктах ему удавалось избегать досмотра контейнеров с помощью его излюбленного метода – взяток, в даче которых он стал виртуозом. Наконец, 20 октября 1921 года Арманд со своим грузом прибыл в Москву. Он поселился в гостинице «Савой», грязной и холодной. Еды не было никакой, страна голодала. Первые дни Арманд питался консервами, что привёз с собой, потом на доллары покупал еду у спекулянтов, и наконец, когда он передал свой подарок, то есть контейнеры с медикаментами, наркому Семашко, ему выдали талоны на еду.

Вскоре к нему приставили ни много, ни мало – самого Людвига Мартенса, члена президиума ВСНХ, и они вдвоём (и с охраной) поехали на Урал, сначала в Екатеринбург, затем в Касли, Алапаевск, и наконец на асбестовые шахты у посёлка Куделька. Тут у Хаммера в голове что-то щёлкнуло и на него снизошло озарение – запросить у советских концессию на продажу в Америку асбеста – ценного сырья для быстро развивающейся в те годы электрической индустрии, полудрагоценных камней, леса, мехов и прочих материалов. За это он запросил 5% комиссионных, причём с обеих сторон, то есть от советской стороны и от американских покупателей. Мартенс послал телеграмму Ленину и немедленно получил согласие. В ответной телеграмме Ленин добавил, что хочет встретиться с Хаммером, когда тот вернётся в Москву. Увидев телеграмму, Арманд выучил важнейший урок бизнеса – любую сделку надо обговаривать вначале на самом верху, тогда успех обеспечен. Этому принципу он следовал всю свою долгую жизнь.

Сразу же после возвращения в Москву Арманд поехал в Кремль. Ленин принял его очень тепло, расспрашивал про Джулиуса, говорил, что хорошо его помнит. Добавил, что во многих странах есть компартии, однако на их руководителей у него нет никакой надежды, кроме Джулиуса, который есть настоящий американский большевик. Тут хитрый Арманд соврал, сказав, что медикаменты и

хирургические инструменты – это его, Арманда, личный подарок России, а папа по сфабрикованному обвинению сидит в тюрьме как основатель американской компартии. Ленин был растроган и очарован молодым доктором из Нью-Йорка, сказал, что России сейчас нужны не столько медикаменты, сколько хлеб, и не может ли Хаммер организовать поставку миллиона пудов американского зерна? Вот тут Арманд почувствовал себя вершителем истории – он может спасти Россию от голода! Не бесплатно, разумеется, Ленин сказал, что валюты у них нет, но они готовы платить асбестом, мехами, чёрной икрой – товарами, которые Хаммер сможет сбывать с немалой для себя выгодой.

В советской республике только-только разворачивалась «новая экономическая политика» – НЭП, в которой Ленин видел спасательный круг для своей власти. Однако НЭП без торговли с Западом была невозможна. Ленин проявил огромный интерес к концессии с Хаммером скорее всего потому, что видел в этом наживку – заинтересовать американских бизнесменов в сделках с Советской Россией и, кто знает, даже к установлению дипломатических отношений. Он предложил молодому человеку заняться бизнесом в России и обещал всяческую помощь. Арманд был польщён, что с ним, 23-летним парнем, на равных разговаривает глава государства и предлагает сотрудничество. Обладая совершенно безграничным тщеславием в сочетании с талантом бизнесмена и нещепетильностью в выборе методов, он идеально подходил к тому, что ему предложил Ленин. Если большевики считали, что морально всё, что служит их целям, так же считал и молодой Хаммер – морально всё, что служит лично ему.

В заключение встречи Ленин подарил Арманду свою фотографию и добавил, что ему будет дана полная свобода выбора, как и чем заняться. Сказал, что Хаммер может обращаться лично к нему, когда только пожелает.

Забавный эпизод. Недавно мне попались на глаза воспоминания московского спортивного журналиста Владимира Гескина, где он писал о своём разговоре с Хаммером на Олимпиаде в Москве летом 1980 года, вскоре после того, как я побывал у него в кабинете. Гескин писал, как Хаммер ему сказал: «...В этой стране, Владимир, для

меня... все двери открыты!» После чего рассказывает абсолютно фантастическую историю. О том, как однажды он поздним вечером прилетел в Москву и первым делом попросил привезти его на Красную площадь. Где попытался пройти в Мавзолей, который, понятно, уже был закрыт. Появился начальник охраны, стал объяснять: мол, вы, господин Хаммер, конечно, большой друг (далее по списку), но сейчас в Мавзолей никак нельзя, а вот завтра с утра – конечно, будете первым.

– И тогда я показал ему это, – смеётся Хаммер, предвкушая мою реакцию. Бережно достает из бумажника пожелтевший листок бумаги и демонстрирует мне. На листке написано: «Пропускать ко мне товарища Хаммера в любое время дня и ночи». Подпись: «Ленин».

– Ну и как – пустили вас в Мавзолей? – спрашиваю я.

– Сразу же! Приказа ведь никто не отменял!»

После встречи с Лениным и подписания контракта Хаммера переселили в роскошный особняк бывшего «сахарного короля», бежавшего после революции за границу, приставили к нему обслугу, осыпали всяческими почестями. Впрочем, Арманду было не до роскоши, работы было выше головы. Он ещё плохо говорил по-русски, ничего не понимал в добыче асбеста, надо было искать специалистов на Западе, отбирать российское сырьё для отправки в Америку, организовывать закупку и отправку зерна в Россию, что было сложно в той политической атмосфере. Госдепартамент США предупреждал корабельные компании об опасности захода в российские порты – боялись, что команда может быть арестована, а корабли захвачены. Эти опасения были весьма обоснованы – Советская Россия игнорировала международные законы, национализировала банковские счета и частную собственность. Вскоре на короткий срок он вернулся в Нью-Йорк – надо было организовать продажу российских товаров, договориться с рядом американских компаний о новых концессиях для Советской России, а также поменять название отцовской фирмы, которая стала, правда на короткое время, называться «Урало-Американская Горно-Торговая Компания». Он привёз отцу, который всё ещё сидел в Синг-Синге, письмо от Ленина.

На обратном пути по дороге из Нью-Йорка в Москву Ар-

манд на несколько дней остановился в Лондоне, где в одной антикварной лавке увидел небольшую бронзовую скульптуру мартышки, рассматривающей человеческий череп. Скульптура была иллюстрацией к книге Дарвина «Происхождение видов». Он скульптуру купил и при очередной встрече подарил Ленину. Тот пришёл в полный восторг и поставил её у себя на письменном столе, а Хаммер выучил следующий урок – большим начальникам надо дарить подарки по их вкусу, это приносит большие дивиденды.

В 1922 Ленин написал записку Сталину: «Архиважно для дела НЭПа использовать канал молодого товарища Арманда Хаммера. Это сейчас у нас единственная связь с Американскими Соединёнными Штатами и её необходимо развивать и поощрять всеми возможными способами. Оказывайте товарищу Хаммеру всяческую помощь и поддержку».

Вскоре по инициативе Сталина компания Хаммера, которая теперь называлась Allied American Corporation, была назначена эксклюзивным советским торговым представителем в США. Следующей большой сделкой, которую провернул Хаммер, был контракт с Фордом на поставку в Россию автомобилей и тракторов. То, что Форд был одновременно ярый антикоммунист и зоологический антисемит, ни Хаммера, ни Форда не смущало – бизнес есть бизнес и деньги не пахнут.

На питерском заводе «Красный Путиловец» пытались было копировать фордовские тракторы и автомобили, но ничего путного у путиловцев не получалось. К осени 1923 года благодаря НЭПу российская деревня уже кормила страну, а потому поставки зерна из США прекратились. Главный товар, получаемый теперь Хаммером, были меха на сумму \$6 миллионов (\$100 миллионов в нынешних деньгах), из которых Арманд забирал себе уже 10% комиссионных.

В 1924 году для продажи советских товаров в США Арманд и его отец на основе своей фирмы Allied American Corporation создали акционерную компанию Амторг, которая на многие годы стала единственным советским торговым представительством в Америке. Кроме того, Амторг выполнял некоторые функции посольства (дипломатических отношений с СССР тогда не было) и вдобавок стал центром разветвлённой советской шпионской сети в западном полушарии.

Сначала Хаммер планировал приехать в Советскую Россию лишь на короткое время, но пробыл там более девяти лет, хотя и с периодическими поездками домой в Нью-Йорк. Несмотря на поддержку властей, каждый день его в СССР был полон проблем – приходилось постоянно бороться с бюрократией, неорганизованностью, плохим транспортом, ксенофобией, завистью и «всеобщей электрификацией», когда всем всё до лампочки. Он как-то с этим справлялся, давая взятки налево и направо и пугая карами из Кремля. Особенно сложно стало после смерти его патрона Ленина. Сталин постепенно забирает власть в свои руки, и для иностранцев вести бизнес в Советской России становилось всё сложнее, НЭП сворачивалась. Многие иностранцы рвали контракты и уезжали, но Хаммеру такая идея даже не приходила в голову – он всё ещё делал там большие деньги.

Он жил в Москве как король, в роскоши и славе, а когда отец вышел из тюрьмы, в Москву перебрались из Нью-Йорка родители и брат Виктор. У Арманда был личный автомобиль с шофёром (единственное частное авто в Москве), роскошная многокомнатная квартира в особняке, прислуга, тугой бумажник с валютой. Он свободно выезжал из страны, был красив, обаятелен, а главное – холост, так что отбоя от женщин не было. Однажды будучи на отдыхе в Ялте, он познакомился с исполнительницей цыганских песен Ольгой фон Рут, дочерью бывшего царского генерала, обрусевшего немца. Завязался роман, и 14 марта 1927 года они поженились. Это была первая из трёх жён Арманда. Ольга родила ему сына Джулиана. Вероятно, в сыне был какой-то ген криминала (уж не от отца ли?), так как однажды в США он попал под суд за убийство и закончил свою жизнь в психиатрической лечебнице. Других детей у Арманда не было, вернее, была ещё незаконнорожденная дочь от одной из любовниц.

Однажды он обнаружил, что нигде не может купить карандаш – к его изумлению в СССР это был большой дефицит. Карандаши импортировали из Германии, их было мало и стоили они больших денег. Хаммер предложил построить карандашную фабрику в Москве, хотя абсолютно ничего не понимал в таком производстве, получил разрешение и вложил в этот новый бизнес свои деньги. Завёз из Германии оборудование, спецов, и к Первомайским праздникам

1926 года фабрика вступила в строй. За первый год она выпустила карандашей и ручек на сумму более \$2.5 миллионов. Советское правительство было в восторге и дало Арманду карандашную монополию, полностью прекратив импорт, и даже начав экспорт карандашей в Китай. Так Хаммер стал карандашным королём. Только за первый год он положил в карман миллион долларов чистой прибыли. Эта фабрика оказалась ключевой в борьбе с неграмотностью – вся страна училась писать карандашами, на каждом из которых было слово «A. Hammer».

Как и следовало ожидать, вскоре это стало раздражать советских, и на Хаммера стали сыпаться обвинения как на «капиталистического эксплуататора и кровососа», который вывозит из страны огромные деньги. Этот буржуй был в СССР белой вороной, а главное – живым свидетельством того, что вопреки пропаганде капитализм эффективно работает. Тем не менее, его терпели – после окончания НЭП Хаммер стал особенно нужен как единственный экономический мостик с Америкой.

После большевистского переворота и ограбления «бывших» в стране осталось огромное количество ценных произведений искусства. В 20-е годы почти за бесценок можно было купить старинные иконы, картины европейских и русских мастеров, изделия из бронзы, северского фарфора и другие ценности. Арманд не слишком разбирался в искусстве, но понял, что на этом можно хорошо заработать. Он поручил закупку ценностей своему брату Виктору, который имел художественное образование. Они скупали всё без разбора и переправляли в Америку. Братья могли зайти в Москве или Ленинграде на обед в дорогой валютный ресторан и выйти оттуда, нагруженные царской посудой. Советские на это смотрели сквозь пальцы, требуя лишь, чтобы Хаммеры платили вывозную пошлину от 15 до 35% от оценочной стоимости. Впрочем, за взятки «эксперты» давали братьям низкие цены. В 1928 году в Нью-Йорке открылась художественная «Галерея Хаммера», где продавались как подлинники, так и фальшивки – Арманд не гнушался ничем.

В апреле 1929 года его пригласил на встречу временный директор Эрмитажа В.И. Забрежнев. Этого чекиста специально назначили руководить главным музеем страны, чтобы ускорить продажу произведений искусства за границу. Когда он партийное

задание выполнил, его арестовали и ликвидировали – слишком много знал. В те годы Сталину позарез нужна была валюта для подготовки «мировой революции», и он рассматривал музейные ценности как разменную монету. Арманд приехал в Питер с братом Виктором. Сначала два искусствоведа сделали для них небольшую экскурсию по Эрмитажу, а потом, когда директор остался наедине с гостями, он сказал:

– Господа, я знаю, вы интересуетесь предметами искусства. У нас в Эрмитаже, как вы заметили, совершенно нет места для новых экспозиций. В этой связи я получил указание правительства продать излишки из запасников. Мне рекомендовали ничего не продавать до того, как вы посмотрите и решите, если вас что-то интересует. Вам даётся право первого выбора.

Братья сказали, что да, их это интересует, но всё будет зависеть от того, что именно идёт на продажу и по какой цене. Им представили список и затем провели по залам, где были рядами выставлены сотни полотен и досок – итальянский ренессанс, голландская и фламандская живопись, картины импрессионистов, в ящиках лежали старинные монеты и эмалевые византийские вазы. Братья отобрали лучшее на их вкус, в том числе работы Тициана, Рембрандта, Рубенса, Ван Гога, Писсаро, Тулуз-Лотрека. Всё, что они не взяли, было продано другим иностранным коллекционерам напрямую и через аукционы в Берлине и Лондоне.

В 1930 году фабрику пишущих принадлежностей национализировали и переименовали её в «Карандашную фабрику им. Сакко и Ванцетти» в честь американских анархистов, казнённых на электрическом стуле за убийство. Арманд понял, что его пребывание в Советской России подошло к концу и пора паковать чемоданы. За день до отъезда в его особняке раздался телефонный звонок:

– Товарищ Хаммер? Подождите у телефона, с вами будет говорить товарищ Сталин.

Вождь пожелал Арманду счастливого пути и сказал, что потерю карандашной фабрики ему компенсируют. Он напомнил, что они всегда выполняли наказ Ленина поддерживать Хаммера и выразил надежду, что он и в Америке останется другом СССР и сделает всё возможное, чтобы между двумя странами установились дипломатические и торговые отношения. Хаммер обещал.

На следующий день он уехал из СССР со своей огромной коллекцией и семьёй. Пройдёт более тридцати лет, прежде чем в 1961 году он опять приедет в Москву для встречи с Хрущёвым. А пока он отправился на несколько месяцев погулять в Париж, а затем, оставив жену и ребёнка во Франции, вернулся домой в Нью-Йорк. Там он сразу же открыл ещё одну галерею под многозначительным названием «Эрмитаж» и стал продавать «сокровища семьи Романовых из Зимнего Дворца и Царского Села». В галерее была выставлена его коллекция из 15 пасхальных яиц Фаберже. Он хвастливо говорил, что это больше, чем у английского короля, у которого только десять. Арманд даже начал секретное производство фальшивых яиц, благо он вывез из России подлинное фирменное клеймо Фаберже. «Эрмитаж» имел несколько филиалов, в одном из них, во Флориде, Хаммер для убедительности нанял титулованного продавца – князя Гундарёва, который уверял покупателей, что все эти предметы ему лично знакомы по Петербургу. В этом галерейном бизнесе у Хаммера всё было, мягко говоря, не слишком чисто. Одна группа иммигрантов из русской аристократии подала на него в суд, заявив, что предметы, которыми он торгует, по праву принадлежат им. Другие говорили, что это всё туфта – многие вещи вообще никогда не принадлежали царской семье, а были реквизированы большевиками из отелей, ресторанов, частных особняков и музеев. Но Арманда это не смущало, даже радовало – всё это только подогревало интерес к его галереям. Он говорил: «Нет плохого бизнеса. Есть плохие бизнесмены».

А потом наступил 1932 год – в США приближались президентские выборы. Хаммер занял сторону Рузвельта, внёс деньги в его избирательную кампанию и написал ему письмо, где уверял, что установление дипломатических отношений с СССР принесёт Америке большую пользу. Рузвельту предложение понравилось, и он включил его в свою предвыборную программу, где было ещё несколько новых идей, в том числе отмена «Сухого Закона». Хитрый Арманд смекнул, что деньги можно делать и на принятии «Сухого Закона», и на его отмене. Он знал, что если этот закон отменят, то начнётся массовое производство пива и понадобится много дубовых бочек, а где их взять? Бочки в Америке не производили уже много лет – не было спроса. Он выяснил, что в его любимой

Советской России есть огромные запасы дубовых досок и договорился с советскими о поставке их в Америку по ценам на 40% ниже мировых. Затем построил в Пенсильвании и Нью-Джерси два завода по производству бочек из белого дуба, а когда в 1933 году «Сухой Закон» наконец был отменён, пивоваренные компании кинулись искать бочки, а Хаммер – тут как тут! Ну не молодец ли! Да и Рузвельт не подвёл, в 1933 году он установил с СССР дипломатические отношения. Так что товарищ Хаммер оправдал надежды товарища Сталина.

Впрочем, бочки – это была мелочь, Америка стала пить взахлёб, и Хаммер не мог упустить такой возможности. Он основал фирму по производству дешёвого виски, построил несколько заводов и опять стал грести деньги лопатой. Однако, когда началась Вторая Мировая война, цены на ячмень поднялись, так как теперь приходилось снабжать армию и по лэнд-лизу посылать зерно в Англию и СССР. Тут Арманду снова повезло, его знакомый химик Айзенберг предложил гнать спирт из картошки, которой было вдоволь, да и цены низкие. Хаммер стал жульнически разбавлять бурбон дешёвым картофельным спиртом в пропорции 1:4.

Его постоянно тянуло к сильным мира сего. Он делал невероятные усилия, чтобы встретиться с Президентом Рузвельтом, жертвовал на его избирательную кампанию, дарил подарке его жене Элеоноре, писал ему письма, и наконец своего добился. Президент его принял. А после войны он через своего приятеля сенатора Гора (отца будущего вице-президента) добился встречи и с президентом Трумэном, подарил ему портфель из телячьей кожи, когда-то принадлежавший Николаю II, и предложил поставлять зерно в голодающую Европу из излишков своего цветущего алкогольного бизнеса. Несколько лет спустя сенатор Гор познакомил его и с Кеннеди.

А вот в личной жизни у него не всё ладилось. Характер у него был тяжёлый и ужиться с ним было непросто. Ещё во время войны его первая жена Ольга сбежала в Голливуд, чтобы там петь цыганские романсы, его вторая жена Анжела в 1954 г. возбудила дело о разводе на основании его постоянных измен и махинаций с семейным бизнесом её родителей. Сразу после развода в 1956 году он женился в третий раз, его женой стала Френсис Толман, богатая вдова и одна

из его бывших любовниц. Отношения с братьями Гэрри и Виктором всегда были довольно напряжёнными. Его племянник «Армиша» (тоже Арманд, названный в честь дяди) остался жить в СССР. Все усилия его родителей Виктора и Ирины вытащить Армишу оттуда ни к чему не приводили, так как дядюшка не желал в этом помочь, хотя мог бы этого добиться без особого труда. В 1959 году, когда Хрущёв был в Америке и гостил у Элеоноры Рузвельт, среди прочих гостей был Виктор Хаммер. Он спросил Никиту, слышал ли тот о карандашной фабрике Хаммера? Хрущёв воскликнул: «Да кто же этого не знает? Мы все писали этими карандашами!». После этой встречи Армишу выпустили на два месяца в гости к родителям.

В 1961 году Арманд с женой прилетел в Москву. Сначала его принял Микоян, который был с ним знаком ещё в 20-е годы, а затем Хаммер провел несколько часов с Хрущёвым и даже посетил фабрику им. Сакко и Ванцетти. Никита просил Хаммера повлиять на президента Кеннеди и найти способ получить для СССР статус наибольшего благоприятства в торговле. В ответ Хаммер предложил сначала улучшить в США впечатление об СССР, и первым шагом мог быть показ в Америке коллекции из советских музеев, а также начать выплаты долга по ленд-лизу. Вернувшись в США, он о разговоре с Хрущёвым доложил сенатору Гору и послу Томпсону. Однако Кеннеди и его администрация отнеслись весьма скептически к предложениям Хаммера – его никто не уполномочивал вести переговоры от имени правительства. Вообще все попытки Хаммера стать советником Президента по СССР провалились потому, что директор ФБР Гувер, следивший за его активностью ещё с 20-х годов, предупредил Кеннеди, что скорее всего Хаммер работает на советских и заботится только об их интересах, иными словами, он советский агент влияния. Было даже подозрение, что советские через него отмывают деньги, секретно посылаемые для компартии США.

После третьей свадьбы Арманд переехал к жене в Лос-Анджелес, полагая, что пора уйти на покой и начать жить в своё удовольствие в солнечной Калифорнии. Но покой был не в его характере, и без дела он жить не хотел. Занимался Хаммер массой вещей, например,

купил за бесценок радиовещательную станцию и вывел её из банкротства. Однажды он обратил внимание на маленькую нефтяную компанию Оксидентал Петролеум, с активами всего в \$79 тысяч. Он и Френсис одолжили этой компании \$50 тысяч, а затем скупили большинство её акций, хотя ни он, ни она ничего не понимали в нефтяном бизнесе. Тем не менее, Арmand понял, что три продукта могут принести успех: нефть, натуральный газ и химические удобрения. Через десять лет под его руководством эта компания уже имела активов на \$100 миллионов. Хаммер вплотную занялся нефтяным бизнесом не только в Америке, но и на Ближнем Востоке. Он сошёлся с королём Саудовской Аравии Фейсалом и королём Ливии Идрисом, несмотря на их открытый антисемитизм – как всегда для Хаммера бизнес был превыше всего. Когда в Ливии открыли большие залежи нефти, такие гиганты как Эксон, Шелл и другие предложили королю Идрису выгодные концессии, но всех обошла маленькая Оксидентал Петролеум. Взяточный виртуоз Хаммер выяснил, что в ливийской деревушке, родине короля, нет воды, тогда он на свои деньги в виде «гуманитарной помощи» провёл туда водопровод. Король Идрис бы растроган, Оксидентал Петролеум получила концессию и вскоре стала одной из крупнейших компаний в США.

В 1973 году он решил договориться с советскими о поставках в США химических удобрений через Оксидентал Петролеум. Это должна была быть огромная сделка на несколько миллиардов долларов, а потому на неё необходимо было получить добро от обоих правительств. Помня уроки молодости о том, что договариваться надо на самом верху и «смазывать» больших людей, хитрец Хаммер пообещал четверть миллиона долларов на избирательную кампанию Никсона, а затем на своём самолёте Боинг 727, единственном частном самолёте, разрешённом для полётов в советском воздушном пространстве, полетел в Москву на встречу с Брежневым. Принимали его по-царски – в аэропорту Шереметьево он не проходил паспортный и таможенный контроль, к терминалу для него подали «Чайку» и повезли в город. Зная страсть советского генсека к западным автомобилям, он заранее морем отправил ему подарок – специально изготовленный спортивный Corvette с последними игрушками. Брежнев был в восторге и сделал Хаммеру

ответный подарок – роскошную квартиру с полной обстановкой, недалеко от Кремля. С тех пор Хаммер, как и полвека назад, имел в советской столице своё жильё. Ну и, разумеется, Брежнев одобрил сделку на химические удобрения.

Однако в США всё оказалось несколько сложнее. Хотя Хаммер с присущей ему жадностью перевёл на счёт избирательной компании Никсона всего 20% от обещанной четверти миллиона, этот взнос оказался незаконным, и его привлекли к суду. В здание суда его привезли из больницы в инвалидной коляске, у него тряслись руки и голова, на лице была кислородная маска, суетились врачи и медсёстры. Судья сжалился над старым больным человеком и присудил его к небольшому сроку условно и штрафу в \$3 тысячи. Уже через три дня «умирающий» Хаммер работал в своём офисе и бегал по этажам как новенький. Большой артист!

Так что же это был за человек, Арманд Хаммер? Я был знаком с ним всего десять минут и, разумеется, этого совершенно недостаточно для личного впечатления. Но я прочёл о нём много статей и книг, воспоминаний людей, близко знавших его, и мне кажется, смог понять, каким он был. Конечно, прежде всего он был бизнесменом – изобретательным, удачливым, расчётливым, беспринципным и безжалостным. Для него морально было всё, что приносило прибыль. У него была масса знакомых, партнёров и клиентов, его имя было у всех на слуху – и в Америке, и в СССР. Кто-то его уважал, многие его презирали, некоторые ненавидели, ещё больше людей ему завидовало. Равнодушным не был никто. Он был знаменит более чем любая кинозвезда. Его фотографии не сходили со страниц газет и журналов. Он имел почти всё, о чём может мечтать человек: здоровье, ум, привлекательную внешность, богатство, славу. Казалось, было всё, но не было любящей семьи – характер и него был трудный и жить с ним под одной крышей было непросто. И друзей у него не было – знакомые и приятели были, но не друзья. Это был одинокий волк, которого никто по-настоящему не любил, даже его жёны, а он всю жизнь любил лишь одного человека – самого себя. Он хорошо понимал, что в этой любви у него не будет соперников и потому вся его могучая энергия, интеллект

и безграничное тщеславие были нацелены на создание для себя прижизненной и посмертной славы.

Он умел виртуозно делать деньги, но богатство интересовало его лишь как инструмент для творения о себе мифов. Он нанимал писателей, чтобы они писали о нём книги, журналистов, чтобы публиковали о нём статьи, он основал киностудию, чтобы делать фильмы о себе, он скупал живопись и основал культурный центр своего имени, где среди полотен великих мастеров поместил свой двухметровый портрет, а на фасаде здания – своё имя огромными буквами. Даже купленную им рукопись Леонардо да Винчи он переименовал в «Кодекс Хаммера». Он позировал для фотографий с королями, президентами и генсеками, открыл центр своего имени по исследованию рака, жертвовал деньги на благотворительность, но двигали им не сострадание и доброта, а лишь желание оставить в Истории своё имя как щедрого филантропа. Он добивался Нобелевской премии и рыцарского титула, но не получил ни того, ни другого.

Состарившись, он понимал, что жизнь подходит к концу, и хотел обессмертить если не своё тело, то хотя бы своё имя. Однако судьба, которая благоволила ему при жизни, после смерти быстро от него отвернулась. Он умер в возрасте 92 лет в 1990 году, но прошло лишь несколько лет, и мало кто вспоминает его в Америке, а в России его имя вообще знают лишь старики. *Sic transit gloria mundi...*

Месяца через три после моей первой и единственной встречи с красным капиталистом я получил из Оксидентал Петролеум конверт, в котором было напечатанное на машинке письмо на официальном бланке компании. В нём была всего одна строчка: «Ввиду напряжённых политических отношений между США и СССР, я ничем не могу помочь вашей сестре» и ниже подпись «А. Хаммер». Думаю, старый эгоист не видел никакой личной выгоды, чтобы затевать с тов. Брежневым разговор на эту тему.

Лишь шесть лет спустя моим родителям и сестре с семьёй удалось выехать из СССР по израильскому вызову. Когда они приехали в Америку, я сразу же повёз её на обследование в глазную клинику, но хирург сказал, что прошло слишком много времени и

шансы вернуть ей зрение совершенно ничтожны. Он всё же провёл диагностическую операцию, вскрыл один глаз, проверил его, потом вышел ко мне из операционной и сказал – ничего сделать невозможно. Она осталась незрячей до конца своих дней.

Яков Фрейдин до эмиграции жил в Свердловске. Он – кандидат технических наук, работал в НИИ и одновременно кинокорреспондентом на ТВ.

В США с 1977 года. Был исследователем в CWRU (университет в Кливленде) и ряде американских фирм, основал 4 компании и преподавал в Калифорнийском Университете. Автор более 90 научных статей, 60 изобретений и популярного учебника по датчикам. Автор книги (по-английски) «Приключения изобретателя – Adventures of an Inventor».

Публикует рассказы в русскоязычных изданиях и на интернет-порталах в Америке, Европе и России. В 2017 году в издательстве Hurricane Books выпустил на русском языке книгу “Степени приближения” (Невыдуманные истории). В том же году журнал “Чайка”, выходящий в США в электронном варианте, назвал Якова Фрейдина лауреатом как самого читаемого автора.

Живёт в Южной Калифорнии.

Андрей ФРОЛОВ

ГЕНЕРАЛ СМЕРШ

В Новой Зеландии хранится рукопись книги, которая нешла издателя в России, хотя представляет несомненный интерес как для тех, кто интересуется советской историей, так и для исследователей психологии советского человека. Это воспоминания генерала госбезопасности Андрея Петровича Фролова (1908–2004).

В детстве он видел Николая Второго, а с 95-летием его поздравлял Владимир Путин. Карьеру в органах Фролов сделал в сталинские годы, участвовал в репрессиях – в 37-м сам чудом избежал расстрела, бежав из-под следствия (в конечном итоге спас его Судоплатов, в будущем знаменитый разведчик-террорист, свояк – оба были женаты на родных сестрах-еврейках). В 1939-м Фролов чистил от «антисоветских элементов» Львов, закончил войну полковником СМЕРШ, а в 1945-м в звании генерал-майора отправился в побежденную Японию и участвовал вместе с маршалами Малиновским и Василевским в разработке планов нападения на США через Чукотку. Он руководит разведработой в Японии после ее капитуляции, вербует агентов и едва не погибает от руки бравой самурайки, преданной своему императору.

Сразу после смерти Сталина генерал Фролов был выдвинут Берией в руководство МГБ (зам. начальника 3-го главного управления). Вскоре его непосредственных начальников арестовывают и затем расстреливают как «агентов мирового империализма», а Фролова увольняют из органов с волчьим билетом.

В последней главе рукописи 90-летний Андрей Петрович Фролов рассказывает, что был коммунистом, а стал демократом – слушателем «Эха Москвы» и Радио Свобода, поклонником Валерии Новодворской и Андрея Пионтковского.

«Путина терпеть не могу – наша кагэбэшная косточка, а я на-

шего брата знаю – держиморды. Я с гражданской войны понимал, что глуп наш народ, но думал, образование поможет. Не поможет, уже не поможет – смотрю на Путина, Медведева и Фрадкова с идиотским выражением лица на литургии в церкви – и вижу, не поможет им образование. Одна только потеря времени. Мой неграмотный дед и тот умнее был. Так где ж прогресс? Только не у нас».

Особая ценность рукописи в том, что она убедительно и правдиво, без какого-либо желания «облагородить» личность автора, показывает подноготную службы в органах, раскрывает потрясающие детали «кухни» массового террора, организованного Сталиным и его окружением. Перед нами предстает облик чекиста, в котором жило два совершенно разных человека: один – проклинающий вождя, другой – восхищающийся им. Да, таким было то время...

Четверо детей, девять внуков и пятнадцать правнуков, и ни единого потомка ему не пришлось пережить за свою почти столетнюю жизнь. Недаром Андрей Петрович под конец называл себя одним из самых удачливых людей планеты.

Его младший сын Андрей уже в XXI веке собрал записки отца, воспроизвел его устные рассказы и подготовил книгу воспоминаний к печати. Андрей Фролов-младший с 1996 года живет в Новой Зеландии, занимается бизнесом. Он любезно предоставил редакции журнала «Времена» мемуары отца.

Побег

Уже второй час сижу в кабинете моего бывшего коллеги Скрыловецкого на допросе. С меня ещё даже не сняли форму и, несмотря на всю серьезность ситуации, я не могу без внутренней усмешки смотреть на эмблему со щитом и мечом на моём рукаве. Скрыловецкий явно не на месте, следовательно из него никакой.

Он неуверен, ёрзает, нервничает, боится показаться слишком мягким, выслуживается. Маленький очкастый еврей и, как ни странно, тупой и безынициативный. Я ничего не имею против евреев – безумно люблю свою еврейку-жену, которая только что подарила мне мою милую дочурку, да и всю её развеселую родню и знакомых. Юморные, деловые, умные, весёлые, дружные, интеллигентные люди. Есть чему нашему брату поучиться. Скрыловецкий

мало похож на еврея, он мог бы запросто играть в кино старых петербургских чиновников – типичный человек в фуляре. К тому же с противным, скрежещущим голосом.

Два Андрея – отец и сын

Весь тридцать седьмой я как-то уворачивался, прикидывался шлангом, лишь бы не участвовать в пытках. И всё потому, что не могу и не хочу бить арестованных. Ну и пусть враг, пусть шпион-расшпион, а всё равно бить нельзя и противозаконно, если враг – судить и расстрелять, только доказать сначала, как положено, а не выбивать признание, иначе из любого шпиона можно сделать, сегодня ты, завтра из тебя. Всё это свалилось на нас сверху и пошло гулять. Это они там в ЦК решили так с врагами бороться, вот и давят на нас. Пусть тогда узаконивают пытки, так нет – они не хотят позориться перед мировым пролетариатом, поэтому втихушку, устными указаниями да секретными решениями прессуют нас их применять, а потом тебя же первого и обвинят.

Всё это лихорадочно вертелось у меня в голове, пока я давал показания и обдумывал план побега. А как не попытаться, риска-то нет – так и так пуля в затылок.

А пока я монотонно отвечал на дурацкие Лёвкины вопросы:

– Кем и где вы были завербованы?

– Дитрихом Клейстом, агентом гестапо, в Берлине в марте 1933 года.

– Как вы оказались в Германии?

– Перешёл сначала польскую границу под Житомиром, а затем немецкую на лодке через Одер.

– Кто помогал вам в переходе через границу?

– Сергей Камаринский и Антон Шмутько по кличке Наруби Дров.

– Их адреса?

– Камаринский из Житомира, улица Пионерская 2, а Шмутько не знаю.

Врать я умел, не задумываясь, что гораздо естественней. А что, по-вашему, я должен был ему доказывать, что не шпион? Разозлил бы только, а это ни в мои, ни в его планы не входило.

Тут, как назло, дверь открылась, и зашёл этот крепкий, широкоскулый, русоволосый приятель Скрыловецкого Крюков, тоже следователь, взглянул на меня с усмешкой и говорит: «Да чё ты, Скрыловецкий, на него смотришь, бей в морду! Он, урод, наше звание и честь опорочил, а ты с ним цацкаешься. Он же ещё неделю будет запирается, а у нас план по шпионам не выполнен. На днях ведь долбили, почему это в Сумах уже 60 шпионов раскрыли, а у нас всего шесть, и это при недороде зерна и падеже скота. Скоро так самих в пособники запишут. Я сегодня за день двоих расколол, а тоже запирались, сволочи, корчили из себя. «Мы будем жаловаться, мы будем жаловаться...» А я посадил их рядом, да бух башками друг о дружку, – жалобы есть, спрашиваю, да ещё раз, да ещё, так через десять минут признаваться стали жалобщики, всё подписали. До чего ж подлые твари эти вредители. Особенно из тех, кто в партию пробрался типа этого Фролова, так он ещё, контра гунявая, и в органы пролез. Не церемонься, Лёв, дай ему в морду, как нас товарищ Ежов учит».

Видно было, что моего чистоплюя такое предложение не особенно окрылило, не имел он силы, накачанных бицепсов, но не мог же показать себя слабаком. Скрыловецкий встал, зашёл ко мне нерешительно слева и с размаху сунул своим сухеньким и каким-то дряблым кулачком в ухо, отчего, я, не будь дурак, брыкнулся, как сноп, на пол, охнул и закрыл лицо руками. Не зря я прозанимался пару лет в драмкружке, удар-то был детско-юношеский. «А ничего,

у тебя, брат, битка, никогда бы не подумал...» – удивился Крюков и с энтузиазмом продолжил: «А дай-ка я тебе покажу, как по-настоящему морду бить надо. Ну-ка, вставай, Фролов, вставай, морда фашистская!» Такая перспектива меня как-то не очень обрадовала – Крюков был на редкость силён. Но, к счастью, задетый за живое Скрыловецкий, которому столь удачный нокаут придал уверенность в силах, ответил на удивление резко:

– Жену свою учи щи варить, Крюков. Своим врежай сколько влезет, а этот у меня и сам запоёт, не правда ли, Фролов?

Как я мог его не поддержать в эту секунду и, лёжа ничком, умудрился даже кивнуть, с усилием повернув голову набок. «Да чё ты, Скрыловецкий, ерепенишься, я помочь хотел по-товарищески, а то один за вас тут отдуваюсь, за всё отделение план покрываю, а вы на меня ещё и обижаетесь. Я уже все челюсти своим посворачивал, меня даже начальник ругал, мол, не увлекайся, а я думаю, лишним не будет, всё равно под расстрел», – сказал Петька, и таки сильно пнул меня, гад, под рёбра, матюгнулся и вышел.

Мне нетрудно было изобразить состояние сломленности, я с трудом поднялся, сел на кончик стула и опять понёс всякую околесицу, вымученно оговаривая себя и всяких вымышленных лиц, придумывая даты встреч, адреса, содержание разговоров и т.д., и всё это убитым тоном пойманного и разоблачённого киношного шпиона. Скрыловецкий вёл допрос уверенно, торжествовал и где-то даже, спасибо Крюкову, стал мне сочувствовать. Глаза его птичьи, выпуклые, неестественно синие, смотрели на меня, сверкая уверенностью и победой. «Ну что, Андрюша, давай, не запирайся, и я постараюсь тебе помочь». Он впервые назвал меня ласково-иронически Андрюшею, как это всегда делала его мама. Даже не верилось, что этот дурацкий Нат Пинкертон являлся сыном такой симпатичной, интеллигентной дамы, как Дора Соломоновна, с её весёлыми, умными глазами и дореволюционным светским обаянием. Она была женой харьковского фельдшера, всерьёз увлекшегося марксизмом и лечившего раненых и находящихся на нелегальном положении революционеров, о которых она всегда отзывалась с неподдельным восхищением. Муж умер от инфаркта, и они с холостяком Лёвкой жили вдвоём. А как великолепно играла она на фортепьяно и пела...

И как у неё такой чурбан вырос? Натуральный чурбан – ни ар-

тистизма, ни слуха, ни голоса. Словно и евреем не был – одна видимость. Несмотря на это, Дора Соломоновна обожала своего бездарного Лёвушку. Она ведь сберегла его во время погромов, голода и тифа гражданской войны. Они жили вместе, и Дора Соломоновна ухаживала за ним как за маленьким. Ещё недавно она угощала меня куриным холодцом и фаршированной рыбой и призывала Лёвку брать с меня пример в плане аппетита и постоянных физических упражнений, на что тот только презрительно улыбался и пожимал плечами.

Ко мне он относился прохладно, считая поверхностным и немным, терпеть не мог моих песенок, которые я постоянно напевал. Он считал их блатными и дурацкими, позорящими наше столь серьёзное и нужное стране чекистское дело.

Меня арестовали вчера, схватили сразу, как только я открыл ключом дверь в собственный кабинет, где трое моих сослуживцев устроили на меня засаду как на медведя. Я деловито шагнул вглубь к своему столу, как тут же мои руки оказались вывернуты прятавшимися за дверью Крюковым и Кудриным, в то время как этот дурак Скрыловецкий, выпрыгнув из-за шкафа, с разбегу всоbachил мне в губы пистолет и зашипел: «Без фокусов, Фролов, вы арестованы!», будто бы я и сам об этом не догадывался.

Хорошо зная своих коллег по работе, я сразу стал во всём сознаваться и помогать Лёвке меня изобличать, чтобы не передали Крюкову, и теперь Скрыловецкий самодовольно записывал мои ответы. Глядя на него взглядом окончательно сломленного врага, я про себя напевал известный эмигрантский романс «Не смотри, мой мальчик, синими глазами, и в темноте напрасно маму не зови...» и ожидал именно сегодняшнего вечера и смены охраны. Ведь завтра выходной, значит, скоро придут новые охранники, которые ещё не знают о моём аресте. Я охотно открывал Скрыловецкому, как мы планировали взрывы железнодорожных мостов, затопление шахт и убийства партийных деятелей. И всё это по указке из Берлина.

Вам приходилось когда-нибудь арестовывать своих друзей? Ничего хорошего, скажу вам. Идешь к Вовке ночью с конвоирами, а самому неудобно, аж корёжит, ведь недавно собирались у них дома, и куклу его дочурке подарили. Да и какой он враг? Точно недораз-

умение, чушь какая-то, выяснят и отпустят. А арестовывать всё равно надо. Подходишь – вокруг темень, ни души, спят все, только звёзды сверкают. Собака у него во дворе начинает лаять. Поворачиваешь дверное кольцо, тянешь дверь на себя и за неё становишься. Поднимаешься по ступенькам, стучишь в дверь. Молчат. Стучишь ещё громче. Женский голос: «Кто?».

– Открой, Дуся, это я.

– Андрей, ты чего так поздно? – спрашивает, чуть приоткрыв дверь, жена моего приятеля-агронома.

– У меня ордер на арест Володи, буди.

– Ой, за что?! – вскрикивает Дуся.

– Я уверен – недоразумение, всё выяснится, – как-то надо её и себя успокоить.

Вовка уже оделся, прощается с женой, целует спящего ребёнка. А я поверить не могу в реальность этой картины. Хорошо, если бы сон кошмарный, так нет, идём с ним и конвоирами по улице. Спрашиваю, всё-таки, пока конвоиры отстали:

– Вовка, по-честному, ты вредитель?

– Да ты что, Андрей, ведь ты ж меня знаешь!

– Ну и хорошо, конечно я тебе верю, наверняка тебя оклеветали.

Тут Дуся нас догоняет и хватает меня за руку:

– Андрей, ты его одного не бросай, ты уж помоги нам, он ни в чём не виноват, а только телёма, он ведь и слов-то не найдёт каких сказать, а ты в этих делах разбираешься, на тебя вся надежда, обещаешь?

Я только руками развожу.

И это в июне 1937-го. А дальше? Что дальше – сию допрашиваю арестованного – член троцкистской организации, привёз к нам в Тростянец печатный станок печатать антисталинские листовки. Попался с поличным – станок есть, листовки найдены и приобщены к делу, арестованный даёт показания, я с ним на вы, дело несложное и понятное, лет на пять тянет, не больше. Стук в дверь – заходит начальник сумского отделения НКВД Кудрин:

– У тебя бензин есть?

– Есть. Сейчас посидите, я закончу допрос и залью вам из моей канистры.

Он сел, слушает как я допрашиваю, достал записную книжку, что-то написал, оторвал и передаёт мне так, чтобы не видел арестованный. Я посмотрел в записку и обомлел: «Почему не бьёшь морду?»

Я опешил. Как это бить морду арестованному? По какому праву? За что? Я вежливо закончил допрос, и арестованного увели.

– Это что вы мне тут написали? – сухо спросил я Кудрина, – как это понимать?

– А так и понимать. Я только из Москвы. Николай Иванович собрал нас и водил по кабинетам Лубянки, показывал как допрашивать – лично хлестал арестованных по щекам и велел по всем подразделениям внедрить физические методы воздействия при допросах, так как враг ожесточается и мы больше не можем смотреть на это сквозь пальцы. Ну, давай бензин...

Через три дня Дуся встретила меня после работы:

– Здравствуй, Андрей!

– Здравствуй, Дуся!

– У вас что, бьют?

– С чего взяла такое?

– Я принесла Вове смену белья, мне выдали старое, а оно в крови.

– Да быть не может – смутился я и вспомнил записку Кудрина.

Вспомнил я Володин арест и подумал: а может, я и в самом деле враг? Зря ведь у нас не арестовывают. Я в органы пошёл, чтобы с голоду не умереть, откуда ж знал, что такой гадостью заниматься заставят, ни в фильмах, ни в книжках, ни в газете «Правда» – нигде такого не описывали. Наоборот, ЧК и ГПУ всюду преподносились как рыцарские по духу организации, гуманно, в отличие от буржуазных контрразведок, относящиеся к людям и, в частности, арестованным врагам.

Расстрелы до тридцать седьмого были все-таки исключением. А в тридцать седьмом пошли кошмары... Главное, почему в таких количествах? Почему планы по поимке сверху спускают? Откуда они знают, сколько где по районам и населённым пунктам шпионов? А теперь и меня подмели.

Моя родная тётка была анархисткой и в терроре участвовала в Екатеринославе, так разве её хоть раз в жандармерии пальцем

тронули? А террор-то был не просто террор, *безмотивники* безо всяких причин людей убивали, чтобы подорвать доверие к власти. Делали бомбы, ходили по городу, увидят городского – в городового, нет, дальше ходят. Иногда дойдут до полицейского участка, а он закрыт, не тащиться же с бомбами обратно. А вот кафе, где буржуазия толчётся, пирожные какао запивает, в то время когда рабочий народ по подвалам мается. Достают свои бомбы и в окно. Одного ихнего на суде спросили, за что он невинных людей в кафе убил и покалечил? Так он ответил, что почувствовал к ним чувство неприимимой классовой ненависти, когда увидел, как «они какао своими слюнявыми буржуазными пастями лакают в то время как трудящиеся голодную корку жуют». Так даже им, безмотивникам, не то что рёбра на допросах не ломали, а ещё книги и газеты выдавали из библиотеки по требованию. Вешать вешали, но без всяких там пыток и издевательств.

Тётка, правда, к безмотивникам не принадлежала, она была больше по части агитации и пропаганды о вреде всякой власти и снабжала, в том числе, и гуляйпольскую ячейку анархической литературой и пособиями по изготовлению бомб. Судили её вместе с одним из её многочисленных учеников – мальчишкой ещё Нестором Махно в Александровске.

Тётка разочаровалась в революции и большевиках, ушла из политики и вышла замуж за одного из самых больших людей нашего города, дядю Гришу Трусова, главного инженера завода Гандке, человека учёного, интеллигентного и тихого. Её первую любовь, бывшего сожителя и боевого друга, казаки повесили прямо на воротах их квартиры ещё в революцию 1905-го, он отстреливался до последнего, дав тетке возможность уйти от неизбежной расправы. Теперь же она, бывшая анархистка-политкаторжанка, жила типа дворянки с дядей Гришей в шикарном особняке с фонтаном, гипсовыми статуями и прислугой. Дядя Гриша так и остался главным инженером на том же заводе, теперь, правда, уже Карла Либкнехта.

Замужество тётки и смена фамилии помогли мне скрыть её как родственницу при поступлении в *органы*.

...Пока я нёс всякую чепуху по поводу нашего фашистского заговора, часы пробили двадцать ноль-ноль. Смена караула. Опять припёрся Крюков. «Ну что, запирается, сволочь?»

– Даёт показания, всё нормально.

– Я ж те говорил – дай в морду, не сюсюкай, и запоёт без гитары. А-ар-р-тист! Ты на рыбалку с нами едешь?

«Нет, я с этим ещё поработаю, надо закончить. В понедельник сдам его *тройке* в Харьков».

Уже часа два я вяло и измученно, как бы из последних сил, себя оговаривал, признаваясь в работе на германскую разведку, организацию диверсий и прочей мути. Сквозь решётчатое окно показались звёзды. Лёвке всё эта мататень уже поднадоела, и он мне придвинул на подпись листы протокола допроса. Я робко привстал с кончика стула, взял ручку, поднёс к листу, но дрожащая рука зацепилась за край стола и ручка покатила под стол со стороны Скрыловецкого. Я виновато и растерянно ойкнул, тот машинально нагнулся за ручкой, а когда разогнулся, то оказался уже в моих тёплых объятиях.

Левую руку я моментально просунул ему под подбородком, сдавил горло, облокотил Скрыловецкого на себя, а правой стал давить на Левкин затылок что есть силы, при этом ухватившись левой рукой за запястье правой, как нас и учили на уроках борьбы – банальный двойной Нельсон. Мышцы мои напряглись, и затылок его стал подаваться вперёд. Лёвка дрыгался, трепыхался, пытался вывернуться, кричать, биться затылком, царапать мне глаза, но тщетно – я надёжно спрятал лицо у него за затылком. Мой бывший коллега и приятель хрипел, бился и начал пускать пузыри, я его успокаивал, пытаюсь хоть как-то скрасить негативное впечатление, которое мог произвести на него мой неожиданный поступок: «Лёвчик, не хулигань, потерпи маленько, скоро всё будет хорошо, потерпи, дурачок, не долго уже, вишь, пузыри идут...» Он действительно успокоился, перестал царапаться, обмяк и повис на мне, разом отяжелев.

Я подавил его ещё немного для очистки совести и осторожно, чтобы не стучал костями об пол, опустил. Он плюхнулся, расслабился и затих. Хороший признак! Я тут же выхватил у него пистолет из кобуры и проверил патроны – все на месте. Так, застрелиться уже можно, только это не то, с чем бы я стал спешить – умирать по-прежнему не хотелось. Передёрнув затвор, с пистолетом в руке я подскочил к столу и открыл верхний ящик. Там был ключ, я его схватил и, кинувшись к двери, закрыл её изнутри на два оборота.

В столе я ещё увидел штык-нож, это Лёвушка, молодчина, вид-

но, для пущей страховки держал, ежели арестованный на него кинется. Я выдернул у Лёвки из брюк его ремень и подпоясался, теперь чихать я хотел на срезанные после ареста пуговицы на брюках, штаны сидят как прилепленные, расстёгнутую ширинку всё равно из-под гимнастёрки не видно. Хорошо, что у меня живота нет и Лёвкин ремень подошёл, а то больно уж этот Лёвушка худосочный. Надо как-то прорываться, на смену неуверенности пришёл кураж. На полу у Скрыловецкого какой-то драный ковёр. А не закатать ли в него Лёвку и не поставить ли в угол – вот будет сюрприз моим коллегам, когда найдут в понедельник.

Тут мне в голову пришёл вариант куда попрacticalней. Я по наитию, без колебаний подошёл к двери, открыл её и крикнул конвойному: «Слушай, зайди, давай-ка вынесем эту падаль!» Конвойный зашёл, это уже был не тот крепыш, что привёл меня, а сменщик, какой-то рыжий толстомордый олух, и, безо всякого удивления, деловито помог мне поднять Лёвушку и вытащить его в коридор. «Давай, тащи в десятую», – скомандовал я, и мы поволокли Лёвку, находившемуся в отключке, под мышки по противному тёмно-зелёному депрессивному коридору. В десятой сидел известный мне профессор из «Союза русского народа», следствие по которому подходило к концу. Тут Лёвушке и место, решил я и приказал конвойному открыть камеру. «Что с ним?» – спросил вскочивший с нижних нар профессор, узнав своего гонителя и мелькая своим полуразбитым пенсне. «Мы его разоблачили, он сам польский шпион, поэтому и пытался из вас выбить признания, чтобы уйти от ответственности...», – подсказал я профессору логику дальнейшего поведения на следствии.

– А что со мною будет?

– Главное, ничего не скрывайте – как он над вами издевался, чтоб выбить признания, завербовать для работы на польскую разведку, и у вас есть шансы, – решил вдохновить я профессора, но тот только хлопал глазами.

От Лёвушки, между тем, не пахло трупом, и это было приятно – жив, курилка. На живого-то кто внимание обратит? А на труп сразу, как только запахнет – сразу шухер начнётся, да ещё по такой жаре. А живого ори – заорись – только найдут и запинаят. Особенно, если начнёт вопить, что не виновен и враги народа его вместо себя в ка-

меру посадили. Кто его, идиота, послушает – у нас враги народа не сажают в камеры, у нас они сидят в них.

– Напал на вас, сволочь? – сочувственно удивился конвойный, увидев мою немного разбитую об Лёвкин затылок губу.

– Пытался, шпион, они там в разведшколах приёмам, сволочи, обучаются! – ухмыльнулся в ответ я.

– Вот гнида, а с виду и не подумаешь, – удивился конвойный.

– Таких вот и подбирают, чтоб не подумали. Сам-то, из каких будешь? – спросил я и колюче посмотрел на рыжего.

Пока тот испуганно что-то мямлил, я повернулся и пошёл обратно в кабинет лёгкою пружинистой походкой. Там закрылся, взял со стола своё ещё, благо, совсем нетолстое и неподписанное мною дело, засунул под ремень в брюки, накрыл гимнастёркой, затем солидно, не торопясь, спутился на первый этаж и, проходя мимо охранника, спросил, не найдётся ли у того закурить. Невзрачный парнишка достал папироску, я поблагодарил, неспешно подошёл к двери, пожелал парню спокойного дежурства и был таков. Курить я не курил, а папироску взял, чтоб только усыпить бдительность охранника. Заскрипела пружина, распахнулась на волю знакомая дверь, и принимай, матушка-свобода, своего чуть было не загремевшего по расстрельной статье родимого сына.

Продолжение – в следующем номере

Эллайда ТРУБЕЦКАЯ

ВЕНОК СОНЕТОВ

Софии

Сонет № 1

Останови меня на перекрестке.
Не отпусти туда, где жизни нет.
Дай мне пощечину рукою хлесткой,
конкретно разъяснив – где мрак, где свет.

Солги, спасая – проверять не стану:
скажи, что будет все наоборот,
уверь, что Бог и мне насыплет манну
и что тебя никто не отберет.

Сильнее смерти – лишь перо поэта,
круженье слов, что создают стихи
и трепет дружбы на исходе лета,
когда удары сердца так глухи.

Смотри, чтоб я беды не сотворила
и чей-то шаг дурной не повторила.

Сонет № 2

Не отпусти туда, где жизни нет.
Борись одна. Я помогать не стану.
Как сладко погружение в нирвану,
как душу греет в никуда билет!

Ты крепко держишь, не даешь уйти.
Толкуешь мне о долге, чести, праве...
Глаза, в такой изысканной оправе,
печально смотрят – их не обойти.

Пытаюсь дружбы преступить закон,
гармонию нарушить мироздания,
и слабость жалкую при всех признать.

Нет, не поставлю жизнь твою на кон.
Ведь ты не заслужила наказания.
Ах! Лучше было б этого не знать.

Сонет № 3

Дай мне пощечину рукою хлесткой.
Хоть знаю, что претит тебе насилье.
Но это платье из фальшивых блёсток
кричит не о величье – о бессилье.

Дай мне понять всю глубину прозренья.
Чужда изысканности показуха.
Но не у всех, как у тебя везенье.
Нет у меня ни голоса, ни слуха.

А впрочем, есть иль нету, все едино,
когда землетрясенья и потопы
и ждет несчастный род людской беда.

Мои глаза – नेताющие льдины.
Твои искрятся, словно с медом соты...
И обе на распутье – в никуда.

Сонет № 4

Конкретно разъяснив, где мрак, где свет,
безжалостно меня ты отрезвляешь.

Хоть умная, а все ж не понимаешь,
как хорошо там, где страданий нет.

Обрушиваешь доказательств шквал,
играешь утонченными словами,
и, в будний день, воздушными шарами,
вмиг превращаешь в бальный зал подвал.

Я принимаю все твои дары,
как должное, как ты меня просила,
молчу и не пытаюсь возражать.

Хоть знаю, лучше выйти из игры,
в которой лишь сажала – не косила.
И ты меня не сможешь задержать.

Сонет № 5

Солги, спасая – проверять не стану.
Приму за аксиому – ты права.
Отрадно слушать мне твои слова
о том, что я в безвестности не кану.

Волшебной краской напиши картину:
читает школьник вслух мои стихи,
все прощены ошибки и грехи,
и с книг смахнули пыль и паутину.

Я, возносясь над пропастью крутою,
поверю – мысль изящна, точен слог,
что не иссякнет вдохновенья рог,
лишь захочу – и мир переустрою...

А прежде твердо я сказать могла,
что нет у круга острого угла.

Сонет № 6

Скажи, что будет все наоборот:
сквозь непроглядность туч пробьется лучик,
дверь отыщу и золотой к ней ключик,
в дому своем свершу переворот.

И я тогда морщинки зачеркну.
Куплю себе короткую юбчонку,
и шалой, легкомысленной девчонкой
всю ночь объятия не разомкну.

Накрашу яркою помадой рот.
Пусть самый близкий друг мне не напомнит,
что пуританкой я слыла всегда.

Мед соберу со всех окрестных сот.
Мой пуст бокал? Так кто-нибудь наполнит...
Но как прожить без чести и стыда?

Сонет № 7

Уверь, что Бог и мне насыплет манну:
здоровье даст, а дар не отберет,
что будет легок в вечность перелет
и от своей я стаи не отстану.

Пусть мне не все сегодня по карману:
дает мне ближний реже, чем берет.
Но есть душа, что слезы мне утрет,
утишит боль и перевяжет рану.

Я правде чаще верю, чем обману –
меня не так уж просто провести.
Прекрасно зная – хочешь ты спасти,
все ж поддаюсь желанных слов дурману.

А может, ты окажешься права?
И Бог услышит все твои слова.

Сонет № 8

И что тебя никто не отберет,
и за кусок не буду унижаться,
отступит зло – ему ль с добром сражаться,
и лучший враг когда-нибудь умрет.

Волк съест банан – овцу не задерет,
микробы перестанут размножаться,
жир станет таять, талия сужаться...
Любимый друг мне вдохновенно врет.

Согласно я киваю головой.
Мне так приятно слушать сказки эти
и горечь жизни медом запивать.

Опоена навек дурман-травой,
плыву я рыбкой золотою в сети...
Как жаль, что некому меня поймать.

Сонет № 9

Сильнее смерти лишь перо поэта.
В конце концов – все обратится в прах:
замрут слова на каменных устах,
и заржавеет дуло пистолета.

Но трепет слов когда-то будет понят.
Не сможет он исчезнуть в никуда.
Уйдут в песок сады и города,
того, кто бомбу создал, и не вспомнят.

Пока наш свет зовется белым светом
и ходит по планете род людской –

признание, награды и покой
не суждены мятущимся поэтам.

Но что им смерть и непризнанья рок
пред волшебством живущих вечно строк?

Сонет № 10

Кружение слов, что создает стихи,
мне будоражит сердце до рассвета.
Так тихо! Быть грозе – гласит примета.
Взрывают небо молнии штрихи.

Болото наступает. Душат мхи.
Спала как будто. Сон не дал ответа,
как мне в причудливом скольжении света
понять несхожесть ели и ольхи.

Низы страшны – не лучше и верхи.
Искривленным строением мирозданья
полнится ум. Бессилье душу рвет.

Все – праведны. Откуда же грехи?
Кто лживые дает здесь показанья?
И кто родится завтра? Кто умрет?

Сонет № 11

И трепет дружбы на исходе лета.
Желание спасти тебя от боли.
Играем мы навязанные роли,
а песня-жизнь до середины спета.

Мы встретились с тобой случайно где-то:
я помню стол без хлеба и без соли,
кружились маски. Гость в костюме моли
шептал мне: «Вашей шубки песня спета».

Была ты в черном – ласточкой одета.
Так яростно меня ты защищала...
Обидчик растворился, словно сон.

Я о таком подарке не мечтала,
чтобы вопрос не требовал ответа...
И души бились точно, в унисон.

Сонет № 12

Когда удары сердца так глухи
и кажется, что завтра не настанет,
вдруг чей-то голос ласково поманит
к костру, к кастрюльке с запахом ухи.

Мгновенно кровь начнет стучать в висках,
жизнь возвратится, чтобы продолжаться,
бесстрашно стану за нее сражаться,
и наплюю на полуночный страх.

Пикник устрою. Созову гостей.
В такую осень грех сидеть в квартире.
Наш узок круг? Так сделаем пошире –
концерт устроим, выпуск новостей...

Да, хорошо бы. Только наяву
когда мне плохо – близких не зову.

Сонет № 13

Смотри, чтоб я беды не сотворила.
Не оставляй меня совсем одну.
Мне кажется, что я иду ко дну
или по дну... А раньше все парила.

Нет сил, что убережь меня сумеют.
Мой лучший конь давно устал скакать.

Не пишется... Тогда зачем дышать?
И жить зачем, когда слова немеют?

Такое не придумано лекарство,
дающее желание летать,
смеяться, плакать и стихи писать,
короновать любимого на царство.

Лишь знание, что не сможешь ты одна,
уводит от петли и от окна.

Сонет № 14

И чей-то шаг дурной не повторила.
А так легко с других примеры брать:
поставить точку, больше не страдать,
и доказать, что слабость – тоже сила.

На тысячу замков себя закрыла –
никто их не пытается взломать.
Не научилась брать и отнимать,
за жизнь ни капли злобы не скопила.

И так-ли нужно продолжать все это:
о чем-то знать, в ночи кого-то звать,
беречь остатки слабого огня?..

Ушедшие согласны подождать -
еще не все мной на Земле воспето...
Кто сможет это сделать за меня?

Сонет № 15

Кто сможет это сделать за меня?
А я смогу ли без тебя? Не знаю.
Я на судьбу давно не уповаю –
живу, натянутой струной звеня.

Как слаб мой дух и некрепка броня!
Что происходит? Я не понимаю.
Быть может, чье-то место занимаю
и греюсь не у своего огня.

И все же не хочу упасть с коня.
Молю тебя стать сильной, резкой, жесткой,
чтобы опору я найти смогла.

Пусть жизнь не праздник, а сплошная мгла
и дружба – все равно, что западня...
Останови меня на перекрестке.

Эллайда Трубецкая – русская поэтесса, живущая в Америке с 1993 года, действительный член Международного сообщества поэтов. Писать стихи для нее – значит жить. Раздумья о жизни, любви, вечности – все это выражено в ее стихах как будто просто, но зашифрована в каждой строке некая тайна... И читатели, очарованные и побежденные силой поэзии, возвращаются снова и снова к ее стихам, возносясь и становясь мудрее и чище.

Стихи Эллайды Трубецкой напечатаны в 18 книгах в России и США, а также в многочисленных газетах, журналах и интернет-изданиях.

Михаил РУМЕР-ЗАРАЕВ

ТРАМВАЙНЫЙ ДЬЯВОЛ И БОГ С УЛИЦЫ ЗЛОТОЙ

Январь 2018.

Клокочущая память

Мы живем во времена битв на полях исторической памяти. Едва ли не каждый год перед нами разворачивается череда малых и больших конфликтов, раздирающих общественное сознание разных стран. Порой дело доходит до драк представителей того или иного видения различных явлений прошлого.

В конце января 2018 года спор двух публицистов-историков Николая Сванидзе и Максима Шевченко по поводу сталинизма в прямом эфире радио «Комсомольская правда» закончился потасовкой. «Отца народов» нет в этом мире уже 65 лет, но «дело его живет», острота восприятия этого дела не убывает. И каков же был накал страстей в той полемике, если она закончилась пощечиной с одной стороны и ударом кулака – с другой.

Но таково проявление поляризации общественного сознания в рамках одной страны. А в те же самые дни на почве исторической памяти произошел дипломатический конфликт между Польшей и Израилем. Дело в том, что польский сейм принял поправки к закону «Об институте национальной памяти», согласно которым уголовному преследованию подлежат лица, которые публично говорят о «польских лагерях смерти» для определения нацистских лагерей, созданных немцами на территории оккупированной Польши, или приписывают полякам участие в Холокосте.

Возражений по поводу наименования лагерей смерти ни у кого не было, они, конечно же, нацистские, а не польские, но отрицание участия поляков в Холокосте вызвало бурную реакцию Израиля. Посол этого государства в Польше Анна Азари сообщила польскому агентству ПАП, что, по мнению Израиля, эта статья закона мо-

жет привести к тому, что выжившие жертвы Холокоста могут быть подвергнуты судебному преследованию за их показания в том случае, если это касается участия поляков в такого рода преступлениях. А премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху воспринял поправки как попытку переписать историю.

Страсти вокруг этих поправок разгорелись нешуточные и в самой Польше, где сто видных интеллектуалов выступили против них, и в Украине (в законе говорится о преступности идеологии «бандеризма»), и в Израиле.

Не буду описывать все аспекты этой проблемы, всплывающей на поверхность общественного сознания разных стран не в первый раз, скажу только, что отрицать участие поляков в уничтожении евреев невозможно. Достаточно вспомнить трагедию Едвабне, польской деревни, где в июле 1941 года произошло массовое убийство поляками евреев; уже послевоенные погромы в Кельцах, Люблинском воеводстве, в Кракове, когда в 1944-46 годах были убиты сотни евреев, уцелевших в нацистских концлагерях. И это при том, что среди Праведников народов мира, звании, учрежденном израильским институтом Яд-Вашем для тех, кто спасал евреев в годы нацистской оккупации Европы, больше всего поляков – 6706 человек. Можно объяснить этот показатель масштабами Холокоста, до войны в Польше насчитывалось три с половиной миллиона евреев и, стало быть, число спасителей их было больше, чем в странах с меньшей численностью еврейского населения.

Тема польско-еврейских отношений необъятна. Я столкнулся с ней во время работы над книжкой о жизни и гибели варшавского гетто. С тех давних пор она не отпускает меня, заставляя следить за ее оттенками и трансформацией в современном общественном сознании. И возможно, что приводимые ниже заметки дадут некоторое представление о многосложности и противоречивости этого явления новейшей истории...

Сентябрь 1967. **След человека**

Бабье лето стоит над Россией. Бабьим летом дышат Москва, Минск, Брест. «Во всей европейской части страны сухо, тепло, солнечно» – сообщают метеосводки. На подмосковных дачах жесткая пыльная трава сечет ноги. Стеклянно колеблется воздух на сосновых участках.

С Белорусского вокзала уходят поезда. Москва – Варшава – Берлин – Париж. Дважды в сутки отправляются эти щегольские экспрессы. Ранним вечером, в сизых сумерках кипящей людьми площади, и ночью – от пустых похолодевших перронов.

Варшава встречает промытостью улиц, тем же стеклянным блеском бабьего лета. Я попадаю в центр тесного польско-русского кружка, в котором полякам – хозяевам домов – еще памятли Моховая и Пироговка, а у русских хозяек – классическая ностальгия, не умеряемая ежегодными поездками в Москву.

Их квартиры со встроенной мебелью, с комплектом «Нового мира» за стеклом книжного шкафа, их застолья с вишнежкой и протертым супом, с водкой и крохотными бутербродами, с бесконечными московскими разговорами о Вознесенском и Окуджаве, о театре на Таганке. Долгие провожания всей компанией по ночным варшавским улицам, когда пятна фонарей желтеют в листве Саксонского парка, гулко громыхает последний трамвай, смутно белеет в темноте громада Дворца культуры и науки и высится за оградой у Центрального вокзала «чертово колесо» приехавшего из Праги Луна-парка. Весь день оно медленно вращается над городом, весь день за оградой – визг, хохот, очереди, а сейчас – застыло и стоит темной машиной, упершись в звездное небо.

Утро начинается с цоканья каблучков за приоткрытым окном. Улицы снова умыты и чисты. Замша курток и нейлон рубашек, трости и зонты, свежая косметика на женских лицах. К девяти спадает рабочая толчея, и улицы отдыхают до трех в солнечной истоме ранней осени.

По этим улицам хочется слоняться бездумно, осязая и обоняя город, впитывая в себя его звуки, запахи и краски. Он звучит ме-

лодией чужой речи с ее ровными вежливыми оборотами и невозможными для русского уха сочетаниями согласных. Он дышит бензином, одеколоном, винным духом желтеющей листвы. Он цветет голубовато-коричневыми стенами Стара Мяста и мужественными серыми красками бетонных предместий. Он пестрит витринами, кричит рекламными и газетными заголовками, звенит трамвайными звонками.

Однажды в эту полифонию звуков, запахов и красок входит забытая щемящая нота. Где-то на перекрестке среди рекламных щитов и торговых вывесок, среди никелированного блеска экспресс-баров и мерцания свечей, днем горящих за окном модного кафе, ты остаешься у мемориальной доски. «В сентябре 1944 года здесь были расстреляны двадцать участников сопротивления».

Обычная городская подворотня с гулкой сводчатой аркой. Стена новая, облицованная серым камнем, на тротуаре – решетка, на ней букет осенних цветов.

Как их вели к этой стене? Толкали, тащили, или они шли сами? Как их ставили к этой стене? Как они вжимались в нее телом, как они всматривались в улицу, в перспективу домов, в сентябрьское небо? Что они видели в свой последний миг? Город был дымящимся, восставшим, и стена была иная – иссеченная пулями, с облупившейся облицовкой, рябая от обстрела... Букет, решетка, доска, шуршащие шаги за спиной.

Город усеян этими досками, мемориальными камнями, плитами, и символ его – летящая сирена с мечом – памятник варшавскому восстанию. Парни в зеленых мундирах весь день стоят в карауле у Вечного огня, горящего на могиле Неизвестного солдата.

И вдруг вся светоносность сентябрьского дня, все его краски и голоса остаются позади, отрезанные тяжелой резной дверью. Я в прохладных сумерках громадного вестибюля. Взгляд различает высокие стены, затянутые серым сукном, широкую, мраморную, какую-то алтарную лестницу, уходящую вверх к светящемуся прямоугольнику окна. У ее исхода настольная лампа роняет свой желтый круг, выделяя лицо пожилой женщины в сатиновом рабочем халате, сидящей в кресле за простым конторским столом. Сбоку на стуле – неприметный человек склонился над огромной рукописной книгой.

Звук моих шагов падает в эту сумрачную тишину, гулко отдаваясь и исчезая в темных сводах вестибюля. Не останавливаемый никем, я поднимаюсь по лестнице и ухожу в холодный светлый простор музейного зала.

Скрипит паркет под моими осторожными шагами. Стынут под стеклом стендов карты, схемы, документы, несущие на себе готику немецкого шрифта, старинную угловатость еврейского. Знакомые лица смотрят со стен.

Иногда в музей заходит посетитель – аккуратная школьница с записной книжкой, турист с фотоаппаратом. Кто-нибудь из сотрудников Еврейского исторического института, вооружившись указкой, обводит на карте места лагерей смерти, показывает макеты подземных бункеров повстанцев, проржавевшие бидоны, в которых был найден архив гетто. Посетитель уходит, в зале снова тишина, сотрудник возвращается к прерванным занятиям.

В этих занятиях, в статьях, публикуемых в ежеквартальном бюллетене института, в лекциях, приурочиваемых чаще всего к годовщинам восстания, гетто, ушедшее в небытие, живет, дышит и борется. В этих музейных залах, увешанных фотографиями и документами, горит мой вечный огонь.

Вечный ли? В описываемое мною время, в 1967 году, я застал еще людей, работавших там над темой гетто. Военный историк Шмуэль Краковский, исследователь быта гетто Рута Заковская, Адам Рутковский, Татьяна Беренстайн. В их многолетнем непрекращающемся труде, не приносящем ни почестей, ни ученых степеней, было особое печальное упорство. В их комнатах, уставленных конторскими столами, покрытыми зеленой клеенкой, словно стояли тени людей, чей прах смешался с развалинами Варшавы, рассеялся в «индийских» кострах Трешлинка.

Огромные архивы, хранившиеся в подвалах института, тогда по-настоящему не были разобраны и обработаны. Эти дневники, повести, письма являли собой остатки культуры исчезнувшего мира.

Однажды в почте института оказалось письмо человека, живущего в Мюнхене. Он просил отыскать его фамилию в списках эсэсовских подразделений, усмирявших восставшее гетто, видимо, полагая, что такие списки хранятся в специальных архивах. Справка

нужна ему для пенсии. Он просил о любезности. Война давно кончилась. То, что было, прошло и забыто, и он, гражданин одного цивилизованного государства, обращался в официальное учреждение другого цивилизованного государства с просьбой помочь ему отыскать следы его бывшей работы.

Вместе с Краковским мы спускаемся по широкой алтарной лестнице института. Та же женщина в рабочем халате за столом, тот же желтый круг настольной лампы, тот же неприметный человек склонился над огромной книгой.

– Посетитель особого рода, – говорит историк. – Один из многих, кто ищет погибших родственников. Мы даем им наши списки. Люди сидят здесь целыми днями, пытаюсь отыскать хотя бы упоминание об отце, сыне, брате, хоть какой-нибудь след человека.

1939 год.

Сладкая гордыня бедняка

Из 35 миллионов граждан довоенной Польши 10 миллионов не считали родным языком польский. Украинцы населяли восточные земли, немцы жили на западных. Евреи расселились по всей территории. Они составляли 10 процентов населения страны – 3,5 миллиона.

Антисемитизм был закономерным следствием общественной и внутривосточной ситуации страны. Высокие цены, безработица, бедность, налоги – причины этих бед становятся реальными и конкретными, если они обретают очертания чужака – хитрого чернобородого человека, которого издавна отделяет от поляка все – вера, быт, облик, наконец, занятия. Когда враг реален, жить становится легче, ибо ненависть находит выход.

У каждого слоя населения – свой ненавистный еврей. У крестьянина – мелкий торговец, у ремесленника – еврейский конкурент, у предпринимателя – еврейский промышленник, у религиозного католика – иудей, распявший его бога. Наконец, у деятеля культуры, человека свободной профессии – коллега-еврей с его живостью, приспособляемостью, красноречием и творческими способностями.

Руководителям режима антисемитизм помогает сплотить об-

щество, раздираемое борьбой политических течений. Ведь ничто так не объединяет людей, как общий враг, тем более, если он рядом, под боком, среди нас. Простому человеку он дает возможность еще глубже и острее ощутить себя поляком, а это чувство ему нужно постоянно, оно – опора в бедах и житейских невзгодах.

«Они может быть и ученые, и богатые, и способные, а мы серые, забитые, невежественные, но мы из этой земли выросли, мы плоть от плоти ее, мы ее своей кровью поливали. И потому мы бесхитростны и просты, потому каждый чужак может сесть нам на шею. Но мы пережили русский гнет, переживем и еврейский. Нашу Польшу им у нас не отнять. Потому они и ловки, что у них ничего своего нет – ни земли, ни родины, и в сущности ничего святого, только деньги».

В этом вздохе польского люмпена мне слышатся слова русского писателя и философа Василия Васильевича Розанова, написанные им в «Новом времени» в день оправдания Бейлиса: «Все траурно у нас. Ведь это у нас “плакучие ивы”, а у евреев в Ханаане – гранаты, виноградная лоза. И “бедных селений” России они никогда не поймут и никогда их не примут во внимание».

Как сладко любоваться собственной бедностью и простотой, какая в этом безумная гордыня, какое первородное отрицание факта, какое изначальное желание не считаться ни с чем кроме своего внутреннего голоса, какой снобизм бедняка.

«Мы равны перед голосом крови, перед нашим прошлым. Пуговица на кунтуше старинного шляхтича мне дороже всего жидовского золота».

В обществе, разделенном сословными перегородками, антисемитизм дает с одной стороны иллюзию равенства, сближения «герцога с кучером», а с другой – ощущение значимости своей личности.

У городского люмпена, у лавочника и рабочего, у служащего и учителя среди житейских забот и затягивающего быта, среди скудных мещанских интересов вдруг возникает чувство цельности и самобытности существования, понимание предназначения жизни, своего исторического места в ряду предков, охранявших родную землю, и потомков, которым суждено продолжить это святое дело.

И если настоящий чистокровный поляк (русский, француз), чего-то и не знает, то ему и знать это не обязательно, потому что глав-

ное в нем все равно есть, то главное, чего еврею не купить за все его миллионы, то главное, что важнее всех еврейских хитростей и талантов. И это главное – земля с ее простыми злаками, наше небо да Бог наш, праведный страдалец, распятый ими на кресте. Это только и есть, а все остальное – суета, городская суета, в которой только им хорошо – этим хитрым ловкачам-чужакам. Им нашей правды не понять, им нашей болью не болеть, они пришли невесть откуда и невесть куда уйдут. Так пусть же поскорее убираются, мы им зла не желаем, пусть себе живут, только подальше от нас. Пусть убираются. Вон с нашей земли!

В этом единомушном «Вон!» – святая ненависть толпы, где каждый чувствует локоть соседа, и этот локоть дает силу и радость.

1968 год.

На партайтаге

То же самое единомушное «Вон!» прозвучало в 1968 году на варшавском «партайтаге». Сотни молодых глоток прокричали его, сотрясая стены старинного дворца. Телевидение показало эту сцену, не срепетированную, не организованную в отличие от других подобных сцен и оттого тем более убедительную и символическую.

Сначала на экране был лысый человек с простоватым лицом крестьянина. Очередной польский диктатор, воспитанный в коминтерновских кулуарах с их догматическим интернационализмом и женатый на еврейке, он лично, возможно, был чужд традиционному антисемитизму многих своих соотечественников. Но следуя в фарватере советской международной политики, он после Шестидневной войны счел необходимым провести еврейскую чистку в государственном и партийном аппарате.

Однако и это не помогло. Молодежные волнения, взрывы патриотических антисоветских настроений постоянно шатали его трон. И вот в один из переломных моментов своего правления, за два года до его конца, он делает доклад на собрании столичного партийного актива.

Он говорит о роли интеллигенции в жизни страны, о студенческих забастовках, об экономическом положении, и зал слушает его спокойно и настороженно до тех пор, пока он не переходит к

главному – к тому, что волнует всех. «А теперь, товарищи, я скажу о лицах еврейской национальности...». И дальнейшие его слова тонут в многоголосом реве аудитории. На экране – раскрытые глотки, возбужденные лица.

– Вон их, вон с нашей земли! Выслать их всех до единого, пусть убираются!..

В глазах Гомулки растерянность, впервые за годы своего правления он не может справиться с партийной аудиторией. Он кричит: «Товарищи!». Он колотит кулаком по трибуне. Но рев покрывает его голос, рев захлестывает и, кажется, вот-вот поглотит этого смятенного старого человека, только сейчас осознавшего, какого зверя он выпустил из клетки. Секретари райкомов, руководители народных советов, партийные функционеры, молодежные деятели – сейчас они все едины. Забыв о партийных распрях, о борьбе за власть, о бедах и проблемах своей страны, они режут, кричат, вопят, сплотившись в едином: «Вон!»

Ах, как могуч этот крик, как сладко чувство единения, какой святой им кажется их ненависть, какими сильными они сами. И слышится мне в антисемитском реве польских партийных функционеров мелодия «Хорст Весселя» – старой песни немецких штурмовиков.

*Всадив еврею в горло нож,
Мы снова скажем: «Мир хорош!»...*

Тоненько, но очень внятно звучит этот бодрый, радостный напев. Ах, как хорошо нам шагається, как славно живется, но еще лучше будет, когда:

*Всадив еврею в горло нож,
Мы снова скажем: «Мир хорош!»*

Сентябрь 1939. Горький мёд

Это была трехнедельная война. Она началась первого и фактически окончилась девятнадцатого сентября. Все проходило по классическим канонам блицкрига. В первый же день немецкая авиация разбомбила польские аэродромы и перешла затем к бомбардировке железных дорог. Одновременно две группы армий, сосредоточенных на юге – в Силезии и на севере – в Восточной Пруссии, взяли страну в клещи. Немецкие армии рвались навстречу друг другу, смыкая кольцо вокруг Варшавы. 19 сентября столица была окружена. Город, разрушенный бомбежками, обстреливаемый вражеской артиллерией, держался еще девять дней. Но это была уже агония.

Польский сентябрь, как этап политической и военной истории страны, казалось бы, освещенный всесторонне, имеет один малоизученный аспект. Это был медовый месяц польско-еврейских отношений.

Уже летом 39-го, когда опасность войны стала особенно грозной, постепенно начали утихать вопли антисемитской прессы. А с началом военной кампании даже самые крайние националисты не могли отказать евреям в праве защищать свое польское отечество. И они делали это со всем героизмом отчаяния, с пониманием ожидавшей их трагедии (конечно, размеры ее они тогда еще не могли себе представить), с осознанием того, что на смену польскому антисемитизму приходит куда более бесчеловечный немецкий нацизм.

Горечь ситуации заключалась еще и в том, что только теперь, в час смертельной опасности утихли крики о внутреннем враге, только теперь на обломках исчезающей польской государственности евреи получили право, сражаясь бок о бок с поляками, сообща испытать до дна горькую чашу поражения.

Эммануил Рингельблюм – профессиональный еврейский историк – вспоминает антирусские восстания девятнадцатого века, польские патриотические манифестации, где «кунтуши целовались с капотами». В восстании 1831 года варшавские евреи создали свою национальную гвардию. Эта традиция восходит к концу восемнад-

цатого века, когда в восстании Костюшко принял участие еврейский кавалерийский полк, почти целиком погибший при штурме Варшавы Суворовым. Самому полковнику Береку Иоселовичу суждено было еще десять лет провоевать в наполеоновских войсках, породив легенду о еврее-улане.

Откинув романтические украшения, свойственные польской истории, приходишь к выводу, что евреи всегда сражались за Польшу, когда им это разрешалось делать. И в этих разрешенных, временно допускаемых проявлениях патриотизма заключается одно из самых мучительных, на мой взгляд, унижений диаспоры.

Горек был мёд польского сентября. Это был мёд отрядов защиты Варшавы, куда массами приходила еврейская молодежь, и совместного строительства баррикад, и общих дежурств на крышах в фейерверках зажигательных бомб. То было минутное забвение тысячелетних унижений перед лицом смертельной опасности, страшный и счастливый сон об обретенной родине.

Немцы вошли в Варшаву 28 сентября. Город был сильно разрушен, чернели руины сгоревших и разбомбленных домов, кое-где дотлевали пожары. Заколоченные досками окна, тротуары, усыпанные стеклом, мостовые с остатками баррикад, с трупами лошадей, изуродованных ножами голодных обитателей убежищ. Люди брели по этим улицам опасно и осторожно, словно не веря, что кончился этот месячный кошмар, что можно выйти на божий свет в поисках еды, узнать о судьбе близких.

У немногих работавших пекарен вились хвосты очередей. Иногда по улицам проезжала немецкая полевая кухня. Повар-солдат, подождь, когда толпа станет гуще, разливал суп в подставленные кастрюли и котелки под стрекот киноаппарата, неизменно снимавшего этот процесс для немецкой кинохроники.

У Вислы стояли очереди за водой. Эти очереди за хлебом, супом, водой и стали ареной первых антисемитских инцидентов. Толпа как бы сменила свой облик. Словно и не было трагизма сентября, совместно пережитого поражения, гибели государства. Казалось, все это ушло в глубины национальной памяти, а на поверхность всплыла пена зависти, ненависти, мелких счетов. Откуда-то появились вдруг юркие личности, взвинченные, крикливые, со жлобскими манерами и блатным акцентом. Именно они чаще всего и определяли

настроение толпы. И первые крики в очередях у суповых котлов: «Это юде!», обращенные к немецкому повару, стали провозвестниками избавления от кратковременных иллюзий межнационального мира.

Январь 1940. Вздох в толпе

Вспоминает Цивья Любеткин-Цукерман, активистка молодежного сионистского (халуцианского) движения, входившая в состав руководства восстанием варшавского гетто. В канун 1940 года она оказалась на подпольной халуцианской конференции во Львове, который в соответствии с пактом Молотова – Риббентропа только что перестал быть польским городом и вошел в состав советской Украины. За новогодним столом, между тостами и песнями, обсуждается, как жить дальше, как сохранить сионистские идеалы в условиях чрезвычайных законов и репрессий.

На следующий день Цивья отправляется в Варшаву. Она описывает свои ощущения при столкновении с новой польской действительностью. Границу ей приходится переходить вместе с группой студентов-поляков, предпочитающих немцев большевикам. После ночи блужданий по приграничным тропам по колено в снегу, они оказываются в германской зоне, на маленькой железнодорожной станции, заполненной беженцами. В зал ожиданий врывается немец и набрасывается на евреев: «Вам здесь не место, с поляками и немцами». Спутники Цивьи, которые еще вчера были так учтивы и доброжелательны, показывают на нее: «Это тоже еврейка».

Ночью она едет в поезде. В вагоне – плотная толпа. В темноте кто-то горестно вздыхает. Все тотчас же догадываются: это еврей. И сразу крики: «Среди нас еврей. Он занимает наше место». Еврея избивают и выбрасывают из вагона.

«Только вчера я шагала по улицам Львова и Белостока с высоко поднятой головой, – пишет Любеткин. – Я была там гордой девушкой. А тут, с первой же минуты мной овладело чувство подавленности и унижения. Тогда-то я поняла, что понадобится много сил, чтобы в этом враждебном окружении сохранить человеческое достоинство и тоже шагать с поднятой головой».

Октябрь 1942. Оружейная сага

Варшавское гетто, как замкнутый, огражденный стенами и охраняемый район, было создано в ноябре 1940 года. В июле, августе и сентябре 1942 года произошла массовая депортация – отправка 350 тысяч человек в газовые камеры Трешлинки. Теперь в гетто формально числится 35 тысяч «продуктивных» евреев, работающих на немецких предприятиях. На самом деле вместе со скрывающимися от депортации (их называют «дикими котами») и другими нелегалами их вдвое больше – тысяч семьдесят. Точную цифру мы не узнаем никогда.

В октябре 1942 года подпольные боевые группы, существовавшие в каждом молодежном движении, объединяются в Еврейскую боевую организацию и Еврейский военный союз. Предстояло разработать планы обороны и главное – раздобыть вооружение.

Просьбами выделить хоть сколько-нибудь оружия представители боевой организации весь конец 42-го осаждают штаб Армии Крайовой. Командующий этой подпольной армией генерал Стефан Ровецкий пишет 3 января 1943 года в Лондон, где находилось польское правительство в изгнании: «Евреи из всех групп, включая коммунистов, обращались к нам с просьбами об оружии, как будто бы у нас полные склады. В порядке эксперимента я предоставил им несколько револьверов, не будучи уверенным, что они будут использованы. Я не буду больше давать им оружие, вы знаете, что мы сами не имеем его. Ожидаю следующего груза. Сообщите мне, какие контакты наши евреи имели с Лондоном».

Это пишется за две недели до первых январских боев на улицах гетто и за четыре месяца до апрельского восстания. Что касается пустых складов, то в 43-м году у армии Крайовой насчитывалось 26 тысяч винтовок, 6 тысяч револьверов, 30 тысяч гранат и множество другого оружия. Иное дело, что армия генерала Ровецкого исповедовала тогда тактику «ружье к ноге».

Когда представляешь себе, что было бы в гетто, если бы у боевой организации оказалась хотя бы десятая часть этого арсенала, то понимаешь, что для умирения восстания германскому командованию пришлось бы снять с фронта солидную войсковую часть.

Между тем январь произвел впечатление не только на немцев, но и на поляков. В реакции польского общества ощущалась смесь внезапно возникшего уважения и с трудом изживаемого презрения. Уважения к действию, которое невозможно было отрицать, и презрения к образу бессловесной жертвы, жившего в массовом польском сознании веками. Оставался простор для толкований: «Если уж евреи... То что же мы?..» Настоятельнее стали требования отказа от тактики «Ружье к ноге!»

Вещественным признаком уважения стала присылка Армией Крайовой пятидесяти револьверов, такого же количества гранат и нескольких килограммов взрывчатки. Еще недавно боевики и мечтать не могли о таком арсенале. Теперь же понимали, что этого ничтожно мало.

Нужны были деньги. Много денег. Они приходили к еврейским богачам, наставляли пистолет: «Лайдак! Немцам ты отдал бы все, а для братьев, которые хотят спасти честь народа, скупись». Человек бледнел, пугался и выдавал требуемые сто «кусков».

Иногда облагали налогом жильцов богатого дома. Тех, кто отказывался платить, держали под замком. Для этого создали специальную тюрьму. От юденрата потребовали четверть миллиона. Председателю Марку Лихтенбауму пригрозили убить сына, если деньги не поступят в срок. Деньги были собраны в течение трех дней.

Кое-что перепало из тех долларов, что сбрасывались с самолета для еврейских общественных нужд. Доходила из этих сумм в лучшем случае половина. Остальное брало себе польское подполье.

За три месяца между январем и апрелем собрали 10 миллионов злотых. Эти миллионы уходили на черный рынок оружия. Немецкий солдат, нахлебавшийся лиха на Восточном фронте, возвращаясь через Варшаву домой на поправку после ранения или в отпуск, продавал пару гранат или парабеллум, чтобы расслабиться, погулять в варшавских кабаках. Польский люмпен, принимавший участие в грабеже военных складов в сентябре 39-го, сбывал припрятанную на черный день винтовку.

Револьвер, в зависимости от калибра и сохранности, стоил от пяти до двенадцати тысяч злотых, винтовка – двадцать-двадцать пять тысяч. Месяц жизни в укрытии на арийской стороне стоил от двух до пяти тысяч злотых. Здесь, как и при покупке оружия, име-

лись свои градации: похож человек на еврея или нет, с акцентом говорит или без акцента, мужчина это или женщина.

Юрек и Хенек

В центре эпопеи с вооружением стоял худощавый голубоглазый блондин двадцати пяти лет отроду по имени Арье Вильнер. Его окружала команда еврейских парней и девушек, обладавших арийской внешностью и связями в Варшаве. Но он считался главным представителем еврейской боевой организации в польском подполье, и лучшую кандидатуру, пожалуй, трудно было подобрать.

Подпольную кличку Юрек (его так и называли – Юрек Вильнер) ему дала настоятельница доминиканского монастыря в окрестностях Вильно Анна Борковская в честь своего угнанного в неволю брата. В кругах еврейской молодежи ее называли Има, что на иврите означает мама. Они познакомились в конце 41-го года, когда Арье, принадлежавший к сионистскому социалистическому движению Хашомер Хацаир, приехал в Вильно для упрочения связей с местными шомеровцами. К Име его направила Ирена Адамович, в прошлом одна из лидеров польского скаутского движения, с которым у шомеровцев имелись давние и тесные связи.

Борковская, прятая группа евреев, устроила Вильнера неподалеку от монастыря, и он часто приходил к монахиням, помогая им по хозяйству, подолгу беседуя с настоятельницей. О чем они говорили зимними вечерами 41-го года – пожилая польская монахиня и молодой еврейский социалист, внезапно ощутившие духовную близость? О Боге, о Марксе?

– Это была встреча двух разных миров, – писала после войны Анна Борковская. – Однако мы находили точки соприкосновения. Каждый из нас жаждал заглянуть в глубины другого, обмениваясь духовным достоянием. Но без взаимного влияния. В наших разговорах мы стремились уйти от действительности в мир идей.

Год спустя в Варшаве Вильнер не раз укрывался в монастыре кармелиток. Намаявшись за весь день, таская связки с гранатами, ящики с патронами, он порой заскакивал к ним на Вольскую улицу. Ему ставили раскладушку за занавеской в исповедальне, и он отлеживался там среди дня. Интересно, слышал ли он в темноте своего

кратковременного монастырского уединения исповеди религиозных полек? И сколько было такого сумасшествия жизни в те дни сместившихся понятий и сошедшего с рельсов быта.

А впрочем, не о сумасшествии жизни, проявившегося в этой трагикомической ситуации укрытия молодого сиониста в исповедальне женского католического монастыря, можно подумать, а о том, что здесь осуществилось самое простое, но и самое трудное для верующего человека деяние – реальное исполнение завета Христа. И надо сказать, что женские католические монастыри всех орденов, расположенные на территории Польши – францисканского и доминиканского, кармелитского и бенедиктинского – этот завет выполняли, спасая евреев. .

Среди наиболее близких друзей Вильнера был Генрик Грабовский – «Хенек Сало» – такая уж у него имелась подпольная кличка в Армии Крайовой. Видно, потому что он содержал небольшую мясную лавку в Варшаве. До войны Хенек входил в скаутский актив, но вопреки общепринятым представлениям о скаутах как о пай-мальчиках – голые коленки, символика сродни нашей пионерской – считался эдаким, как бы теперь сказали, крутым парнем с варшавского Повислья, района извозчиков, нищих, проституток, мелких торговцев. Там всегда шла бурная уличная жизнь: скандалили и дрались, пахло конским навозом и человеческим потом, там тяжело трудились и пьяно гуляли.

Мать Грабовского торговала на Повислье булками, а мать командира Еврейской боевой организации Мордехая Анилевича – рыбой. И для Хенека Анилевич был Мордкой, вместе с которым они не раз ходили драться с ребятами с Воли или Верхнего Мокотова.

С Вильнером Грабовского познакомила все та же Има, когда Хенек приехал в Вильно по скаутским делам, по программе помощи евреям. И потом Юрек часто ночевал у Хенека в своих хождениях по Варшаве за пределами гетто. На кровати спала жена Грабовского с дочкой, и ребята обычно за полночь шептались, лежа вдвоем на матрасе, положенном на пол, обсуждая свои дела.

Дел было много. Хенек скупал для Юрека у варшавских аптекарей химикаты для изготовления взрывчатки, доставал самое главное, в чем нуждалось гетто и что ценилось дороже золота – цианистый калий. Эти крохотные серые таблетки циана давали еврею

право последнего выбора. Их имели все боевики, они входили в обязательный НЗ – неприкосновенный запас члена еврейской боевой организации.

Под кроватью, на которой сладко посапывали во сне дочь и жена Хенека, Юрек хранил добытые ножи, гранаты, пистолеты. То была жизнь на вулкане, и, в конце концов, Вильнер перебрался на другую квартиру, на углу Вспульной и Познанской. Здесь-то его и схватили. Видимо, квартира и раньше была под наблюдением. Вскоре после переезда он застал дома засаду – шестерых немцев в черных мундирах.

Его отвезли в гестапо на аллею Шуха, и начались бесконечные допросы в пыточных камерах, о которых ходили легенды по всей Варшаве. Его били плетями, бросали с размаху на каменный пол, вырывали ногти, дни и ночи держали в «трамвае», где узники сутками неподвижно и безмолвно сидели лицом к стене.

И еврейское, и польское подполье замерло в ужасе. Связи были прерваны, закупки оружия прекратились, менялись адреса конспиративных квартир. Отношения между еврейской боевой организацией и Армией Крайовой обострились. Руководитель еврейского отдела штаба Армии Крайовой Генрик Вольтинский, вообще-то хорошо и даже с нежностью относившийся к Вильнеру, тем не менее вспомнил, что он предупреждал его: коль скоро Юрек знает многих видных функционеров польского подполья, он не имеет права скупать оружие, а тем более хранить его у себя на квартире. На что Вильнер, который за словом в карман не лазил, отвечал, что коль скоро Армия Крайова не может вооружить евреев, он вынужден заниматься этим сам.

Отношения восстановились, когда выяснилось, что Вильнер никого в гестапо не выдал. Был назначен новый представитель еврейской боевой организации на арийской стороне Ицхак Цукерман (кличка Антек). Но это произошло уже перед самым восстанием.

Существовал неписанный закон, по которому арестованный должен был молчать хотя бы три дня, а потом, если уж нет сил терпеть, раскалываться. Но и три дня выдержать казалось невозможно. Вильнер держался две с половиной недели. У него нашли оружие и документы, свидетельствовавшие о работе в подполье. Его приняли за поляка, функционера Армии Крайовой.

Он считал, что лучше признаться в своем еврействе. Выдал себя за террориста-одиночку, хранившего оружие, чтобы отомстить за смерть родителей. Попытки продолжались, он терял сознание, приходил в себя на бетонном ледяном полу и думал, что делать дальше. О смерти можно было только мечтать. Циана с собой не было.

В конце третьей недели его отправили в Павиак – эсэсовскую тюрьму, находившуюся в центре гетто. Чего только не предпринимали боевики, чтобы узнать его местонахождение, а он находился в двух шагах от них. Но выход из Павиака был только один – в какой-нибудь из лесов в окрестностях Варшавы, где производились расстрелы.

Трудно сказать, что здесь сработало – обострившаяся в конце войны потребность в рабочей силе или какая-то случайность – но его отправили в трудовой лагерь. Вскоре Грабовский получил записку, начинавшуюся словами: «Хенек! Однако я не пропал и живу...»

Лагерь находился в Рембартове, на старом кирпичном заводе. Там и отыскал его Хенек – неузнаваемо опухшего, с израненными ногами, с искалеченными руками, отбитыми почками. Пришлось прибегнуть к уловке. Грабовский разыгрывал хозяина квартиры, которому этот «проклятый жид» не заплатил за жилье. «Отдай мне мои деньги!» – кричал он в присутствии подозрительно молчавших охранников, а Юрек все никак не мог взять в толк – какие деньги? В конце концов, понял, и вечером Грабовский выкрал его из барака, вывел, с трудом передвигавшегося, страдавшего от одышки, за стены лагеря, подкормил на снятой квартире и переправил в Варшаву.

Как он упрашивал Вильнера уехать в деревню к его, Хенека, родне, отдохнуть, отъесться, подлечиться (Юрек мочился кровью, пальцы были с вырванными ногтями), выйти хотя бы на время из игры. Он ли, столько сделав для гетто, для боевой организации, не заслужил право на спасение?

Юрек несколько дней отсиделся на квартире Грабовского, где жена Хенека отпаивала его травами, а потом ушел в гетто. Они даже не попрощались. Хенек был в лавке, когда за Юреком пришли посланцы штаба из гетто, и он ушел навстречу своей судьбе, которая окончилась 8 мая в бункере на Милой, где Вильнер, при появлении запаха газа, которым выкуривали повстанцев, предложил всем по-

кончить жизнь самоубийством, и сам подал пример, выстрелив себе в голову из пистолета.

Хенек после войны работал автослесарем, таксистом, инженером. Аковцев не жаловали в послевоенной Польше. Хорошо хоть не посадили. Многие его товарищи по подполью прошли Сибирь или свои родные польские тюрьмы. Он же тихо зарабатывал себе на хлеб. Скромный варшавянин. Да, был в подполье, но что с того, многие были в подполье или воевали. Время было такое...

Апрель 1943 года. Многоцветная аура

Восстание началось 19 апреля 1943 года и формально закончилось 16 мая, когда генерал Штроп в знак его окончания взорвал синагогу на Тломацкой.

Не только стены с колючей проволокой, с двойным кольцом охраны окружали гетто, не только дым и пламя обволакивали эти кровотокающие обломки исчезающего мира. Противоречивые страсти – сострадание и злорадство, гнев и боль, стремление свести старые счета – эта многоцветная духовная аура висела над гетто.

Польская подпольная пресса с изумлением и уважением, в полный голос, а порой и сквозь зубы (в зависимости от политической ориентации) заявляла о своей моральной поддержке восстания. Переосмысляя привычный исторический образ еврея, как существа приниженного, она открывала в нем потомка Маккавеев, вспоминала о восстании Бар Кохбы. Но она не была бы национальной прессой, коль скоро не отражала бы на своих страницах весь спектр общественных настроений. И потому наряду с возгласами о мужестве, о пепле Варшавы, из которого восстанет новый Израиль, раздавались напоминания о том, что восстание инспирировали коммунисты, ожидающие поддержки русской авиации, что евреи провоцируют поляков на вооруженное выступление в их поддержку, которое будет оплачено польской кровью.

Город был переполнен самыми невероятными слухами и легендами о восстании. Слух о советских самолетах, сбрасывающих повстанцам оружие и продовольствие, был так распространен, что в него верили даже сами евреи, обращавшие свои взоры к небу, на-

деясь увидеть там советских парашютистов. Это была последняя надежда, только с неба оставалось ожидать избавления.

На арийской стороне распространялись легенды о потерях немцев и «аскаров» (так называли иноплеменные немецкие формирования – украинцев, латышей, литовцев), исчисляемых тысячами убитых, о сожженных танках, об огромном количестве захваченного оружия, наконец, о еврейской Жанне д'Арк – юной красавице в белом, метко стрелявшей из пулемета, в то время как в нее ни одна пуля не попадала. Эта последняя легенда была, судя по всему, навеяна образами девушек, участвовавших в боях, что поражало и немцев. «Смотри, женщина стреляет!» – кричали они на первых порах. Да и главный умиритель, генерал Штроп годы спустя вспоминал об этих еврейских фуриях, как об особой примете восстания.

Но легенды легендами, а были еще и уличные разговоры, которые с документальной точностью приводит в своих дневниках историк Эммануил Рингельблюм.

Благочестивая бабушка: «Во время большой недели (имеется в виду пасхальная неделя – М.Р.-З.) евреи пытали Христа. А теперь на большой неделе евреев пытаются немцы».

70-летний священник: «Хорошо то, что произошло. У евреев в гетто имелась большая военная сила. Если бы они не направили ее против немцев, то они использовали бы ее против нас».

Разговор в трамвае: «Маленьких еврейчиков сжигают, а большие владеют в Америке и после войны будут владеть над нами».

Домохозяйка: «Страшно видеть, что происходит в гетто, ужасные вещи. А может хорошо, что так случилось, евреи сосут нашу кровь».

Два коммерсанта. Один сожалеет о том, что из-за пожаров в гетто будущая Польша много потеряла. Другой отвечает: «Не печальтесь: гетто – вонючий район и хорошо, что его больше не будет. Мы построим рай без евреев».

Старая дева, учительница: «Человек жалеет кошку, но ведь еврей тоже человек, хотя он и еврей».

Жена капитана, служащая почты: «Перед войной евреи занимались шпионажем в пользу врагов, а теперь эти выродки требуют от нас помощи. Не за кого проливать кровь».

Член Польской социалистической партии: «Организация не подготовлена к вооруженному выступлению. Мы сочувствуем евреям в их трагическом положении. Надо им поставлять оружие, но активное сотрудничество невозможно. Во имя высшего дела, во имя борьбы за независимость надо все выстрадать. Партия должна избрать удобный для нее момент для борьбы и не считаться с сантиментами даже с самыми благородными».

Надо сказать, что такую точку зрения разделяли не только социалисты, но и представители других политических течений польского подполья, его объединенной боевой организации – Армии Крайовой – АК.

Немцы напрасно боялись, что восстание перекинется на арийскую часть Варшавы, а то и польхнет дальше, и тогда уж точно придется снимать с фронта войсковые соединения.

Один из командиров АК заявлял представителю Еврейской боевой организации на арийской стороне Ицхаку Цукерману: «Скажу вам откровенно: мы не верим вам. Мы верим, что гетто – не более, чем база Советской России. Существует план, и мы, поляки, знаем о нем: восстание в Варшавском гетто готовили русские, и у вас больше оружия, чем вы говорите. Я уверен, что 1 мая они высадят десант в Варшавское гетто».

Впрочем, так искренни были далеко не все руководители Армии Крайовой. Ответом командира Варшавского округа АК генерала Хрущицеля на просьбу Еврейской боевой организации о помощи и сотрудничестве было предложение обучить группу боевиков и отправить их в партизанские отряды, действующие за сотни километров от Варшавы, на Волыни, хотя и оккупированной немцами, но попавшей после сентября 1939 года в советскую зону. Смысл такого ответа был ясен: «Отправляйтесь к своим большевикам».

Тем не менее, как вспоминал Хрущицель после войны, уже находясь в США, после начала восстания он предложил командующему АК генералу Коморовскому провести акции помощи восставшим евреям. Эти акции носили скорее демонстративный характер, хотя и оплачивались кровью бойцов АК.

На второй день восстания группа бойцов АК под командованием капитана Юзефа Пшенного (Хвацкий) попыталась взорвать стену на Бонифратерской улице. Не совсем ясно, что они собирались

делать дальше – войти в пролом и вести бой, эвакуировать через этот пролом евреев? Но акция не удалась. Мина взорвалась, не повредив стену, началась перестрелка, в которой погибли несколько бойцов и немцев. В результате отряд отошел, растворившись в варшавских улицах.

На следующий день небольшая группа бойцов коммунистической Армии Людовой под руководством Франтишека Бартошека напала на немецкий артиллерийский расчет, обстреливавший гетто с Новинярской улицы.

Но и Армия Крайова, и только зарождавшаяся тогда Армия Людова были сложными подпольными формированиями, созданными на основе разноликих боевых организаций. В них входили люди разных уровней нравственного и политического сознания. И потому отношение к еврейству, мера участия в борьбе гетто не всегда регулировались директивами командования.

Не знаю, поступал ли приказ генералу Петриковскому, возглавлявшему одно из формирований АК – Корпус безопасности (впрочем это было достаточно автономное формирование), о сотрудничестве с Еврейским военным союзом, скорее всего нет, но подчиненная Петриковскому группа майора Иваньского проявила в отношениях с варшавскими евреями поразительную самоотверженность.

Они жили по соседству с гетто, с его южной стеной – на Злотой, рядом с одной из главных варшавских магистралей – Аллеей Иерусалимскими – отставной офицер Войска Польского Генрик Иваньский, его жена Виктория и их сыновья Збигнев и Роман. Мало кто знал, что Генрик был в начале двадцатых активным участником антигерманских восстаний в Силезии, которые, в конце концов, привели к передаче Верхней Силезии Польше. Скрывая от гестапо свое прошлое, он жил в Варшаве под именем Герберта Быстрого, работая администратором в больнице святого Станислава на Воле.

Видимо, повстанческий дух был неукротим в нем, ибо уже в конце 39-го он организовал в больнице подпольную организацию под названием Союз вооруженной борьбы, которая впоследствии вошла в состав Корпуса безопасности. Помощь евреям была, судя по всему, больше чем формой антигерманского сопротивления.

По логике сюжета, мне надо бы прежде всего рассказать о бое, который затеял отряд Иваньского, проникнув 27 апреля через туннель в гетто, настоящем целодневном бое, где поляки сражались бок о бок с евреями. Но, пытаясь осознать жизнь Иваньских, меру их христианского самопожертвования, я останавливаюсь в недоумении. В одной и той же национальной среде уживались тучи шамальцовников, с гнусной усмешкой преследующих евреев и отдающих их на заклатие немцам, трамвайная толпа, высказывания которой приводит Рингельблюм, и семья, где 16-летний сын гибнет с оружием в руках на баррикадах еврейского восстания, другой сын получает там же ранение, мать заражается туберкулезом от еврейки, за которой она ухаживает, приютив ее у себя, а отец выводит из гетто целые караваны людей, снабжает оружием повстанцев и приводит на помощь им целый отряд поляков.

Эти люди были не одиноки. Делать то, что делали они на протяжении всего существования гетто, можно было только, будучи окруженными единомышленниками. Семья Иваньских находится в центре довольно обширного круга католической интеллигенции – врачей, профессоров, инженеров, священников, отставных военных, так же, как и Генрик, принимавших участие в Силезских восстаниях. Рискую жизнью, они передают из дома в дом беглецов из гетто, хранят оружие, участвуют в акциях сопротивления. Подлинно – дивна человеческая природа, Бог и дьявол живет в ней рядом.

Почему Иваньский дружил именно с Еврейским военным союзом? Скорее всего потому, что там, как и в Корпусе безопасности, было довольно много бывших солдат и офицеров Войска Польского. Это было, как сказали бы сейчас, братство по оружию, и братство весьма эффективное. Сражались они 27 апреля вместе с отрядом Давида Апфельбаума на Мурановской площади профессионально, используя тактику засад, отходов, внезапных вылазок. Забросали бутылками с горючей смесью танк, долго удерживали позиции, нанеся ощутимый урон противнику. Отступили лишь вечером, израненные, потеряв несколько человек убитыми. Таков один из боевых эпизодов восстания.

Апрель 1994 года. Холокост бронзовеет

И снова временной сдвиг. Апрель 1994-го. На сцене московского Дома ученых за небольшим столиком рядком – шесть пожилых людей. Генерал. Актер. Парламентарий. Историк. Пенсионерка. Врач.

Генерал – массивный, медлительный, в поношенном мундире с завесом орденов. Командир дивизии времен Второй мировой. Из сталинских генералов-победителей.

Актер – с внешностью доброго ребе, с умными глазами из-под нависших бровей, хромой со времен войны.

Парламентарий. Женщина-литератор, жизнь прожившая в московских интеллигентских тусовках. «Я шла в Госдуму как представитель еврейского национального меньшинства».

Пенсионерка. Смирнейшее существо. Расстрелянная в октябре 41-го, она выбралась из-под трупов братской могилы и потом прожила длинную-длинную жизнь.

Историк. Гонимый в советские времена, он воспитал целую школу публицистов постсоветской поры, возглавил научно-просветительский центр «Холокост», много и жадно писал, печатался, словно наверстывая долгие годы непризнанности.

Наконец, врач. Я не видел его четверть века с того самого моего визита в Лодзь, где я отыскал его, одного из руководителей восстания в варшавском гетто, живущего в забвении и игнорировании коммунистической властью. Тогда, в 67-м ему было под пятьдесят, стало быть, сейчас семьдесят пять. Лицо оплыло, потеряло жесткость очертаний. Но внутренняя сила, похоже, осталась – во взгляде, движениях, манере держаться.

Он давно вышел из тени, в которой жил долгие послевоенные годы. В период расцвета «Солидарности» находился в центре политических событий. И в Москве ему суждено быть в роли почетного гостя польского посольства, гостя, опекаемого, возимого по торжественным собраниям.

Он пристально смотрит в зал, где собрался московский бонд – министры, писатели, ученые, актеры. Бывший главный партийный идеолог, ставший одним из лидеров и творцов перестрой-

ки. Литературный критик, превратившийся в министра культуры. Экономист, зачитывающий послание президента России в качестве одного из руководителей его администрации. Знаменитый генерал, чье имя носила линия укреплений, построенная вдоль Суэцкого канала, представляющий теперь Израиль в качестве его посла. Поэт, чьи песни тридцать лет поет Россия.

Марк Эдельман смотрит припухшими от старческих недомоганий, чуть выпуклыми глазами в зал, излучающий свечение политических игр и противостояний, имперского прошлого и нынешнего демократического хаоса. А зал смотрит на Эдельмана – на старого еврея, который полвека назад вместе с сотней таких же, как он, пыльных мальчиков вышел из подземелий гетто, чтобы достойно умереть с оружием в руках. И не умер, а сидит здесь как икона, как символ еврейского сопротивления и мученичества.

Эдельман – это прошлое полувековой давности, в память которого они собрались здесь. Но на самом деле их занимает настоящее, полное боли, надежд, страхов, и настоящее пульсирует в каждом речении, произносимом с трибуны этого респектабельного зала.

«Впервые Россия вместе со всеми цивилизованными странами отмечает международный день памяти евреев – жертв нацизма».

«Сейчас, когда антисемитизм стал политическим лозунгом нескольких движений, надо сделать все, чтобы не дать этим людям приблизиться к власти».

«Существование Израиля – гарантия того, что больше катастрофы не будет.»

«День Катастрофы бронзовеет, но не бронзовеют причины, породившие ее».

На следующий день я вижу Эдельмана в зале гостиницы, где проходит научная конференция, посвященная Холокосту. Здесь ристалище философствующих интеллектуалов и, стало быть, иная, более изощренная терминология.

«Что такое политика? Технология или трансляция нравственной воли?»

«Вывод из книги Ханны Арендт: Эйхману нельзя ничего инкриминировать. Он не субъект нравственной воли, а деталь технологической машины».

«В сознании гомо советикус содержится повторение Холокоста.

Это сознание имеет три свойства: вера в существование центра, где все знают, все могут; образ врага и бегство от принятия решения».

«Геноцид – норма племенной войны. Его следы в действиях Иисуса Навина»

«Основные причины массовых истерий двадцатого века глубже идеологии. Это потеря контакта с вечностью, утрата чувства целостности, органичности жизни».

Эдельмана также просят выступить, и он пытается встроиться в эту политизированную дискуссию с ее научной отстраненностью от живого национального страдания, представителем которого его здесь воспринимают. «Нет разницы между евреем, погибшим от руки фашиста, и украинцем, который погиб потому, что не хотел идти в колхоз... В Камбодже во имя абстрактной идеи убили миллионы».

Впрочем, им не важно, что он говорит. Важен он сам. Его и здесь воспринимают как икону. Ему становится скучно среди этих философских умствований. Он выходит в холл, курит сигарету за сигаретой.

Пользуясь редкой минутой, когда он один, подхожу, представляюсь, напоминаю о давней встрече. Нет, не помнит. К нему столько журналистов приходило за эти годы. Спрашиваю о его отношениях с Израилем. «Израиль не приемлет меня. Другой язык. Другие проблемы. Другие евреи. Не те, которые погибли в катастрофе. Цукерману говорили, что мы плохо сопротивлялись. Воюет же Израиль с арабами. Ицхак не обрел себя в политической реальности Израиля. Он был из другого мира. Весь в польской культуре. Читал на память Словацкого».

В эти же самые дни «Маарив» напишет про Эдельмана: «Человек грустный, молчаливый, немного нервный в своих реакциях, резкий в формулировках, непрерывно курящий... В Израиле многие годы заботились о том, чтобы скрыть роль в восстании тех, кто не входил в молодежные сионистские движения. Десятилетиями подчеркивалась роль Хашомер Хацаир и левых движений и преуменьшалась – Бетара. Бунд вычеркнули вообще. Эдельман отказывается видеть в восстании несколько мистическое событие израильско-сионистского героизма. Урок, который он видит в катастрофе вообще и в восстании в частности – универсальный, гуманистический. Это событие, в котором не дали выбора другой формы смерти».

Он не обрел себя в коммунистической Польше 60-х, не находит себя в Израиле 90-х. Впрочем, кажется, он ощущает себя на месте в современной Польше. Выступая в польском культурном центре в Москве, он скажет: «В Варшаве прятались 12 тысяч евреев при населении 700 тысяч. В спасении одного еврея участвовало пять человек. Это значит: каждый десятый-одиннадцатый варшавянин был причастен к спасению. Но зло одного звучит громче добра многих».

Нет, он не случайно остался в Польше после войны и прожил в ней всю жизнь. В этом – изначальная заданность судьбы, начавшейся в бундовских молодежных кружках, продолжавшейся в мучительных метаниях польской интеллигенции с ее тайной оппозиционностью коммунистическому режиму, надеждами на «Солидарность» и нынешней, уже неведомой мне жизнью.

Его спросили о причинах отъезда остатков польского еврейства в конце 60-х. «Шла борьба за власть, а в такой борьбе всегда нужен враг. Без врага не мобилизуешь общество. Из оставшихся 18 тысяч евреев уехали 13 тысяч. Они чувствовали себя оскорбленными, их считали людьми второго сорта. Сколько их сейчас? Специальной статистики нет. Думаю, 4-5 тысяч. В Лодзи есть благотворительная еврейская кухня. Раньше приходили 300-400 человек. Сейчас 30-40. Одни старики...»

И сам он старик. Умный, жесткий еврейский старик. Один из тех, кто тушит свет последним по старому московскому анекдоту времен массовой эмиграции: «Не забудь потушить свет в Шереметьево».

То, что не доделал Гитлер с его Треблинкой, доделала послевоенная польская история: Польша стала юденрейн.

Михаил Румер-Зараев – бывший москвич. Ныне живет в Берлине. Член Союза писателей Москвы. Работал в различных газетах и журналах – «Московской правде», «Сельской жизни», «Огоньке», «Веке».

Его перу принадлежат несколько художественных и документальных книг. Публикует прозу и публицистику в российских литературных журналах.

Он – член редсовета журнала «Времена».

Семен РЕЗНИК

ЦАРЕУБИЙСТВО

От автора

«Коронованный революционер: царь Николай II, жизнь, смерть, посмертная судьба». Таково название моей новой книги, написанной к столетию расстрела царя и его семьи. Это произошло в ночь с 16 на 17 июля 1918 года...

К теме царствования Николая II я, по разным поводам, обращался в моих прежних историко-документальных произведениях; в новой книге они дополнены и пересмотрены с единой точки зрения, многие страницы написаны заново.

В книге прослеживается тысячелетняя история российского самодержавия с ее постоянной борьбой за верховную власть, убийствами самодержцев, их наследников, претендентов на престол. Подробно повествуется о 22-летнем царствовании Николая II. Показано, как он упорно подтачивал фундамент всего здания российской государственности, пока оно ни рухнуло и ни погребло под обломками его самого и его семью. Столь же детально в книге рассказано о коротком, но насыщенном катаклизмами периоде – от вынужденного отречения Николая II от престола 2 марта 2017 года до расстрела царя и его семьи в Екатеринбурге в июле 1918-го.

Заключительная часть книги посвящена расстрелу и посмертной судьбе царской семьи. В журнале она публикуется с некоторыми сокращениями.

Только через полгода после Октябрьского переворота у Кремлевских главарей «дошли руки» до поверженного царя. Проверенный большевик В. В. Яковлев (Мячин) (впоследствии он «изменит делу революции»), с мандатом Ленина и Свердлова, прибыл в Тольськ, чтобы снять эсеровскую охрану и перевезти царскую семью

в Центральную Россию, поближе к Москве. Труднейшая миссия была предпринята из тех же опасений, что были когда-то у Керенского: царь либо сбежит и станет «знаменем контрреволюции», либо будет убит местными товарищами.

Ленина ни то, ни другое не устраивало: царь ему был нужен живым. Конечно, не из гуманных соображений, а из далеко идущих революционных планов. В январе 1918 года Совет Народных Комиссаров принял решение — начать следствие над бывшим царем и предать его суду, для чего при СНК была создана особая Комиссия.

Затея была столь же дерзкой, сколь и преступной, но таковы были все «революционные» начинания Советов после захвата власти.

Следствие о преступлениях царского режима, как мы помним, было начато сразу же после Февраля. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства мы не раз цитировали. К ответу были привлечены наиболее одиозные чины высшей царской администрации, но не сам царь: царская Россия имела формальный статус монархии, а монарх, как мы помним, людскому суду не подлежал.

Ленин был юристом по образованию, да и другие ведущие большевики не могли этого не понимать. Но юридические нормы их так же мало стесняли, как и прочие «буржуазные предрассудки». К тому же, имелись исторические прецеденты: «осуждение» и казнь Карла I в ходе Британской революции в 1649 году, Людовика XVI – в ходе Французской революции в 1793-м. Коль скоро «буржуазные» судьи могли приговаривать венценосцев к смерти, то что говорить о «пролетарском суде революционной совести»!

Большевики ликвидировали Чрезвычайную следственную комиссию Временного Правительства и прекратили расследование. Зачем разбираться в тонкостях, когда арестованных можно прикончить без следствия и суда – «именем революции»?

Суд над «Николаем Кровавым» — другое дело. Не правосудие нужно было большевистским вождям, а грандиозный пропагандистский спектакль: ведь к процессу было бы приковано внимание всего мира. Бывшему царю припомнили бы всё: от Ходынки до Распутина, от Кровавого Воскресенья до Ленского расстрела, от «столыпинских галстуков» до еврейских погромов, от японской войны

до германской. И многое другое — что было и чего не было. Такую потрясающую возможность обличения «старого мира» Ильич не хотел упустить.

Если бы «революционный суд» состоялся, то в смертном приговоре не приходится сомневаться, так что Николай II в любом случае был обречен. Вероятно, и Александра Федоровна. Но дети их получили бы шанс на спасение. При публичности процесса и внимании к нему всего мира даже ленинская клика вряд ли решилась бы казнить невинных детей.

Однако Красный Урал после Брестского мира не доверял Кремлю. Главари Уральского Совета рабочих депутатов «болели левизной в коммунизме». Они даже официально отвергли Брестский мир и от имени Уральской республики «объявили войну» кайзеровской Германии. Они не хотели выпускать царскую семью из своих рук. Более того, в Тобольске то и дело появлялись вооруженные группы с намерением учинить расправу над царем и его семейством. Сведения об этом достигали Москвы, побуждая власти принять срочные контрмеры.

«1 апреля 1918 г. на заседании ВЦИК об охране Николая Романова в Тобольске было приятно следующее решение: “Поручить комиссару по военным делам немедленно сформировать отряд в 200 чел. (из них 30 чел. из Партизанского отряда ЦИК [??], 20 чел. из отряда левых с.-р. [левых эсеров]) и отправить их в Тобольск для подкрепления караула и в случае возможности немедленно перевезти всех арестованных в Москву. (Настоящее постановление не подлежит оглашению в печати). Председатель ВЦИК Я. Свердлов. Секретарь ЦИК В. Аванесов”»¹.

Выполнить столь сложное задание было поручено опытному боевику В.В. Яковлеву (К.А. Мячину). Выходец с Урала, он хорошо знал местную обстановку. До революции зарекомендовал себя крупными боевыми операциями по экспроприации для партии крупных денежных сумм. Вернувшись в Петроград после нескольких лет эмиграции, Яковлев активно участвовал в штурме Зимнего дворца, при образовании ЧК стал заместителем председателя. Затем был отправлен Военным Комиссаром на Урал, однако вступить в должность не смог, так как Уральский Совет не захотел подчиниться ставленнику Москвы. В голодающий Петроград Яковлев вернулся

во главе поезда с хлебом, пробиться с которым по железным дорогам в тех условиях было очень непросто.

В Тобольск Яковлев приехал с отрядом красноармейцев и с мандатом Ленина и Свердлова. Он взял под охрану царя и всех, кто был с ним, но очень быстро убедился, что Уральский Совет не желает выпускать царскую семью из своих рук и, более того, намерен ее ликвидировать.

Положение осложнила болезнь царевича Алексея, из-за чего вывезти всю семью было невозможно, а медлить было нельзя. Яковлев решил увезти пока царя и царицу. На семейном совете было решено, что с ними поедет одна из дочерей, Мария Николаевна, и пятеро домочадцев, а остальные останутся с Алексеем.

О том, чтобы везти венценосных узников в Москву через Екатеринбург, нечего было и думать. Яковлев знал, что Уральский Совет его поезд не пропустит и даже до Екатеринбурга довести не даст. Как признал впоследствии председатель Уралсовета А.Г. Белобородов, «мы считали, что, пожалуй, нет даже надобности доставлять Николая в Екатеринбург, что если предоставятся благоприятные условия во время его перевода, он должен быть расстрелян в дороге»².

Уральцы были готовы, если Яковлев окажет сопротивление, вместе с царем уничтожить его и весь его красноармейский отряд.

При тщательном сборе и изучении материалов, имеющих отношение к этим драматическим дням, генеральный прокурор РФ В.Н. Соловьев обнаружил телеграмму В.В. Яковлева Я.М. Свердлову от 27 апреля 1918 года:

«Маршрут хочу изменить по следующим чрезвычайно важным обстоятельствам. Из Екатеринбурга в Тобольск до меня прибыли специальные люди для уничтожения багажа [!]. Отряд особого назначения дал отпор – едва не дошло до кровопролития. Когда я приехал, екатеринбуржцы же дали мне намек, что багаж довозить до места не надо... Они просили меня, чтобы я не сидел с рядом с багажом (Петров). Это было прямым предупреждением, что меня могут тоже уничтожить... Не добившись своей цели ни в Тобольске, ни в дороге, ни в Тюмени, екатеринбургские отряды решили устроить мне засаду под Екатеринбургом. Они решили, что если я им не выдам без боя багаж, то решили перебить нас... У Екатеринбурга, за исключением Голощекина [то есть у всего руководства Уральским

совдепом, кроме одного], одно желание: покончить во что бы то ни стало с багажом. Четвертая, пятая и шестая рота красноармейцев готовят нам засаду. Если это расхочется с центральным мнением, то безумие – везти багаж в Екатеринбург»³.

Уничтожение «багажа» с центральным мнением расходилось, поэтому комиссар Яковлев погнал поезд с августейшими узниками на восток. В Омске его можно было перевести на южную железнодорожную ветку и доставить в центральную Россию в обход Урала.

Узнав об этом, председатель Уральского Совета А. Г. Белобородов принял экстренные контрмеры, разослав по железным дорогам телеграмму: «Всем, всем, всем!» Яковлев объявлялся изменником, подлежащим аресту и расстрелу на месте. (Его чуть было не расстреляли в Омске). Напряженные переговоры по прямому проводу Свердлова с Белобородовым и с Яковлевым привели к компромиссу. Кремль согласился доставить царскую семью в Екатеринбург, а Белобородов обязался обеспечить надежную охрану, безопасность и относительно приличное содержание семьи, Яковлева же отпустить подобра-поздорову.

И Белобородов, и Яковлев остались недовольны этим компромиссным решением. Белобородов послал телеграмму Ленину, в которой обвинял Свердлова в том, что он взял сторону «изменника» Яковлева, а Яковлев написал Свердлову, что решение передать «багаж» Уральскому Совдепу считает безумным и ответственность за его дальнейшую безопасность с себя снимает.

Не решаясь сразу покончить с царем и царицей, Уральский Совдеп выместил злобу на прибывшей с ними челяди. Двух из пяти сопровождающих, бывшего гофмаршала В.А. Долгорукова и лакея И.Л. Седнёва, сразу же отделили от царя и царицы и посадили в тюрьму. Затем расстреляли без следствия и суда.

23 мая в Екатеринбург из Тобольска доставили вторую половину семьи с остальной челядью. Пятеро из вновь прибывших тоже были посажены в тюрьму, через пару дней к ним прибавили шестого – камердинера Т.И. Чемодурова.

В Доме Особого Назначения (он же ДОН, дом Ипатьева) содержалось 12 человек: бывший царь Николай II, царица Александра Федоровна и пятеро их детей – Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и Алексей. А также лейб-медик Е.С. Боткин, камер-лакей А.Е. Трупп,

горничная А.С. Демидова, повар И.М. Харитонов, поваренок Леонид Седнёв – он же товарищ по детским играм царевича Алексея.

Вскоре группа заговорщиков-монархистов стала готовить её побег. Царю тайно доставлялись письма на французском языке от некоего «офицера». В них излагался план побега и давались указания, как к нему подготовиться. Николая эти письма глубоко волновали, он отвечал по тем же каналам. Вот один из его ответов:

«Мы не хотим и не можем БЕЖАТЬ. Мы только можем быть похищены силой, как силой нас привезли из Тобольска. Поэтому не рассчитывайте ни на какую нашу активную помощь. У коменданта много помощников, они часто сменяются и стали тревожны. Они бдительно охраняют нашу тюрьму и наши жизни и обращаются с нами хорошо. Мы бы не хотели, чтобы они пострадали из-за нас или чтобы вы пострадали за нас. Самое главное, ради Бога, избегайте пролить кровь. Собирайте информацию о них сами. Спуститься из окна без помощи лестницы совершенно невозможно. Но даже если мы спустимся, остаётся огромная опасность, потому что окно комнаты коменданта открыто и на нижнем этаже, вход в который ведёт со двора, установлен пулемёт. [Зачеркнуто: “Поэтому оставьте мысль нас похитить”.] Если вы за нами наблюдаете, вы всегда можете попытаться спасти нас в случае неминуемой и реальной опасности. Мы совершенно не знаем, что происходит снаружи, так как не получаем ни газет, ни писем. После того как разрешили распечатать окно, наблюдение усилилось и мы не можем даже высунуть в окно голову без риска получить пулю в лицо”.

Письма доставлялись прямо в местную ЧК.

Понятно, зачем понадобилась эта провокация. Белобородов и другие главари Красного Урала не оставили мысль о «революционной расправе» над царем, но хотели заручиться алиби. Фиктивный побег готовился для того, чтобы доложить Кремлю, что царя прикончили «при попытке к бегству».

Восстание корпуса пленных чехословаков, а затем мятеж левых эсеров в Москве, а также приближение армии белых к Екатеринбург-у сделали эти предосторожности излишними.

Желая сорвать Брестский мир, чекисты-левоэсеры убили германского посла Мирбаха, при весьма подозрительной роли главы

ВЧК левого коммуниста Ф.Э. Дзержинского. Германия потребовала пропустить в Москву батальон своих войск для защиты посольства. Принять ультиматум — значило капитулировать перед «германским милитаризмом», в чем Ленина и без того обвиняли левые эсеры и левые коммунисты. И ведь на это накладывались недавние обвинения в его личном сотрудничестве с германским генштабом! Отклонение же ультиматума вело к возобновлению войны на оголенном германском фронте, а Ленин ничего так не боялся, как «брошированного кулака Вильгельма». О том, что Германия находится при последнем издыхании и на возобновление крупных военных действий не пойдет, в Москве не знали.

В этих условиях перевозить царскую семью в Москву стало крайне опасно, в чем убеждал кремлевских вождей «товарищ Филипп» (Голощекин), прибывший в Москву в качестве делегата Уральского совета. По воспоминаниям одного из палачей, М.А. Медведева (Кудрина), «Я.М. Свердлов пытался приводить [Ленину] доводы Голощекина об опасностях провоза поезда царской семьи через Россию, где то и дело вспыхивали контрреволюционные восстания в городах, о тяжелом положении на фронтах под Екатеринбургом, но Ленин стоял на своем: “Ну и что же, что фронт отходит. Москва теперь – глубокий тыл! А мы уж тут устроим суд на весь мир”. На прощанье Свердлов сказал Голощекину: “Так и скажи, Филипп, товарищам: ВЦИК официальной санкции на расстрел не дает”»⁴.

Воспоминания М.А. Медведева (Кудрина) не во всем достоверны, но в данном пункте подтверждаются другими документами. Так что президиум Уральского Совета принял решение о расстреле царской семьи вопреки инструкциям Кремля. Приведение «приговора» в исполнение было поручено охране Дома Особого Назначения.

Охрану возглавлял член президиума Уральской ЧК Я.М. Юровский, сменивший первого коменданта А.Д. Авдеева.

Авдеев был не дурак выпить и бражничал вместе со своими подчиненными. Они постоянно задирали узников, донимали скабрёзными «любезностями» великих княжон, куражились, уворовывали какие-то вещички и просто их объедали. Продукты в Дом Особого Назначения (ДОН) ежедневно доставлялись из Ново-Тихвинского женского монастыря. Охранники часть из них тайно крали, а часть уплетали открыто: бесцеремонно садились за стол рядом с узника-

ми, хватали еду руками, громко рыгали, жевали с демонстративным чавканьем – в том была потеха.

Сменив Авдеева, Юровский такие безобразия прекратил. Он перешерстил охрану, подтянул дисциплину, установил некоторый порядок.

С узниками новый комендант был подчеркнуто вежлив. Просьбы старался удовлетворять. Узнав, что у 12-летнего Алексея после недавнего ушиба распухло колено, он осмотрел его и дал медицинские советы. По первоначальной профессии Юровский был часовщиком, но в 1915 году был призван в армию, прошел короткий курс медицинского обучения, после чего его определили фельдшером в военный госпиталь.

Он составил опись всех представленных ему драгоценностей (правда, львиную долю узники прятали), сложил их в особую шкапу, опечатал сургучной печатью и вручил под расписку главе арестованного семейства – дабы не допустить хищений. Судя по дневниковым записям царя и царицы, новый комендант им нравился.

Когда Юровский собрал свою разношерстную команду и объявил, какое ответственное задание им поручено, среди охранников поднялся ропот. Двое из «латышей» (так называли всех инородцев, неправильно или с акцентом говоривших по-русски) сказали, что они готовы участвовать в расстреле Николая Кровавого, но не его детей. Юровский решил, что им недостает «пролетарской сознательности» и их надо заменить более надежным элементом.

Кто же входил в расстрельную команду?

Российскими национал-патриотами настойчиво культивируется *мнение*, что «русские люди» не могли стрелять в «помазанника Божьего», потому команда «иудея» Юровского состояла преимущественно из «латышей».

Состав расстрельной команды на сегодня выяснен почти полностью. Это Я.М. Юровский, его заместитель Г. П. Никулин, П. З. Ермаков, М. А. Медведев (Кудрин), П. С. Медведев, С. П. Ваганов, А. Г. Кабанов, В. Н. Нетребин и, возможно, Я. М. Цельмс. То есть «расстрел царской семьи был произведён группой, состоявшей по национальному составу почти полностью из русских, с участием одного еврея (Я. М. Юровского) и, вероятно, одного латыша (Я. М. Цельмса)». Так сказано в Википедии⁵.

Историк Иван Плотников, тщательно исследовавший этот вопрос, уточняет:

«В убийстве царской семьи определенно приняли участие: Я.М. Юровский, Г.П. Никулин, М.А. Медведев (Кудрин), П.С. Медведев, П.З. Ермаков, С.П. Ваганов, А.Г. Кабанов, В.Н. Нетребин. В числе расстрельщиков мог быть еще только один человек, не более. Мы видим восемь установленных убийц, хотя в некоторых воспоминаниях называется 11, по числу казненных. Роль “латышей”, “команды внутренней охраны”, оказалась в итоге незначительной, вспомогательной. Следовало бы обратить внимание на слова бывшего помощника начальника внутренней охраны, одного из руководителей расстрела – Никулина: “Нас было исполнителей восемь человек: Юровский, Никулин, Медведев Михаил, Медведев Павел – четыре, Ермаков Петр – пять, вот я не уверен, что Кабанов Иван (имя названо неточно, надо Алексей. – *И.П.*) – шесть. И еще двоих я не помню фамилий”. Мы назвали эти две фамилии: Ваганов и Нетребин»⁶.

В заключении прокурора-криминалиста В.Н. Соловьева приводятся те же имена, но добавлено, что в расстрельную команду, возможно, входил еще А.А. Стрекотин, а также один австриец или венгр.

Начальник расстрельной команды Я.М. Юровский, еврей *по происхождению*, был далек от еврейских корней. В 1904 году он принял лютеранство, а по убеждениям, как положено сознательному партийцу, был атеистом. Ни иудейских, никаких других религиозных обрядов Юровский не соблюдал, зато строго соблюдал партийную дисциплину и с готовностью выполнял поручения, строго руководствуясь полученными инструкциями. Когда же приходилось принимать самостоятельные решения, он действовал крайне бесстолково. В том, что усердия у него было много больше, чем сообразительности, нам предстоит убедиться.

Получив задание уничтожить царя и всех узников Дома Особого Назначения в ночь с 16 на 17-е июля, комендант был полон решимости исполнить приказ, но о том, каким образом это сделать, инструкций, видимо, не было.

Может быть, перестрелять их спящими в своих постелях?.. По какой-то причине Юровский такое «решение вопроса» отверг.

А что если закидать их гранатами? Но взрывы разбудят город, народ, чего доброго, сочтет, что в него уже ворвались беляки...

...Было далеко за полночь, когда комендант Юровский поднялся на второй этаж ДОНа. Там все давно спали. Он разбудил доктора Боткина и сказал, что беляки ведут обстрел города; для безопасности царской семьи и остальных обитателей ДОНа им следует спуститься в нижний полуподвальный этаж.

Боткин разбудил остальных, они оделись, умылись, спустились... Алексей из-за поврежденной ноги не мог сам идти по лестнице, отец нес его на руках.

Из двенадцати обитателей ДОНа в наличии было одиннадцать. Паренька Лёню Седнёва Юровский еще днем отослал – якобы для встречи с дядей И.Д. Седнёвым, который давно был расстрелян. Не иначе, как дрогнуло пролетарское сердце коменданта, и он решил пощадить мальчика...

Комната в нижнем этаже оказалась пустой: всю мебель из нее заранее вынесли. Как долго в ней предстояло пробыть, спустившиеся не знали. Александра Федоровна сказала, что стоять не может, ей нужен стул. Тотчас принесли два стула: на второй усадили больного царевича.

Юровский вынул бумагу и зачитал приговор Уральского совдепа. Александра Федоровна стала истово креститься. Николай, видимо, думавший о своем, не сразу понял смысл сказанного и пытался что-то переспросить, но тут началась стрельба. Члены расстрельной команды торопливо вбежали в комнату, а палить начинали еще из открытых дверей. Пули отскакивали от каменной стены и рикошетили в самих убийц. Одна пуля просвистела у самого уха Юровского, другая ранила в руку одного из стрелявших. На улице тархтел грузовик, заведенный для того, чтобы заглушить выстрелы, но сильнее их заглушали душераздирающие крики великих княжон. Девушки визжали, но не падали...

Об этой поразительной подробности я впервые прочитал полвека назад в воспоминаниях академика Л.А. Зильбера, которые готовил к публикации в Пятом томе альманаха «Прометей». Редактором-составителем тома был мой друг и коллега Марат Брухнов, но поскольку учеными в серии ЖЗЛ «заведовал» я, то редактировать эту рукопись довелось мне.

Крупнейший микробиолог и вирусолог, старший брат писателя В.А. Каверина, Л.А. Зильбер в гражданскую войну служил военврачом в Красной Армии, чему и был посвящен данный отрывок из его мемуаров. Среди красноармейцев, пациентов Л.А. Зильбера, ходил слух о «мистике», сопровождавшей убийство царской семьи: пули от царских дочерей отскакивали, запаниковавшие расстрельщики усилили пальбу и с большим трудом их добились. В рукописи Зильбера об этом было два коротких абзаца. В печать они не прошли: удалила цензура.

Согласно свидетельству из первых рук, то есть самого коменданта Юровского, он был очень сердит на свою команду:

«Тут вместо порядка началась беспорядочная стрельба. Комната, хотя и очень маленькая, все однако могли бы войти в комнату и провести расстрел в порядке. Но многие, очевидно, стреляли через порог»⁷.

С трудом остановив стрельбу, Юровский обнаружил, что «многие еще живы. Например, доктор Боткин лежал, опершись локтем правой руки, как бы в позе отдыхающего, револьверным выстрелом с ним покончил. Алексей, Татьяна, Анастасия, и Ольга тоже были живы. Жива еще была и Демидова. Тов. Ермаков хотел окончить дело штыком. Но однако, это не удавалось».

«Мистика» выяснилась при осмотре трупов: «на дочерях были бриллиантовые панцири вроде лификов».

Панцирями Юровский называл вшитые в одежду драгоценные камни. «Помимо того, что это представляло ценность, это было боевой защитой: ни пулей, ни штыком не возьмешь»⁸.

В другом варианте своих воспоминаний о той страшной ночи Юровский писал (стиль и орфография сохранены):

«На дочерях же были лифы, так хорошо сделаны из сплошных бриллиантовых и др. ценных камней, представлявших собой не только вместилища для ценностей, но и вместе с тем и защитные панцири.

Вот почему ни пули, ни штык не давали результатов при стрельбе и ударах штыка. В этих их предсмертных муках, кстати сказать, кроме их самих, никто не повинен. Ценностей этих оказалось всего около (полу)пуда. Жадность была так велика, что на А[лександр]е Федоровне, между прочим, был просто огромный кусок круглой зо-

лотой проволоки, загнутой в виде браслета, весом около фунта... Те части ценностей, которые были при раскопках обнаружены, относились несомненно к зашитым отдельно вещам и при сжигании остались в золе костров»⁹.

В 1927 году, при сдаче своего «исторического» оружия в Музей революции, Юровский и Никулин объяснили необычайно большой расход патронов: «патроны одной имеющейся заряженной обоймы кольца, а также заряженного маузера ушли на достреливание дочерей Николая, которые были забронированы в лифчики из сплошной массы крупных бриллиантов и странную живучесть наследника, на которую мой помощник израсходовал целую обойму патронов (причину странной живучести наследника нужно, вероятно, отнести к слабому владению оружием или неизбежной нервности, вызванной долгой возней с бронированными дочерьми)»¹⁰.

Официальный приговор был опубликован через неделю:

«Постановление Президиума Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов: Ввиду того, что чехо-словацкие банды угрожают столице красного Урала, Екатеринбургу; ввиду того, что коронованный палач может избежать суда народа (только что обнаружен заговор белогвардейцев, имевший целью похищение всей семьи Романовых), Президиум областного комитета во исполнение воли народа, постановил: расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного перед народом в бесчисленных кровавых преступлениях.

Постановление Президиума областного совета приведено в исполнение в ночь с 16 на 17 июля. Семья Романовых переведена из Екатеринбурга в другое, более верное место.

Президиум областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Урала».

Сообщение выдает подлую трусость пролетарской власти: классовая непримиримость к врагам революции у нее сочеталась с дрожью в коленках. Преступники неуклюже заматали следы: царь – да! – расстрелян «по воле народа», а семья «переведена в более верное место»...

Куда же все они на самом деле были «переведены»?

Захоронение

Если с убийством царской семьи команда Юровского справилась не лучшим образом, то с ликвидацией следов кровавой оргии обстояло гораздо хуже.

Как писал участвовавший в захоронении чекист И.И. Родзинский, «вопрос о сокрытии следов был важнее даже самого выполнения. Подумаешь там перестрелять, не важно даже с какими титулами они там были. А вот ведь самое ответственное было, чтобы укрыть, чтобы следов не осталось, чтобы никто использовать это не мог в контрреволюционных целях. Это самое главное было. А об этом и не думали»¹¹.

Не подумали!..

По утверждению Юровского, захоронение трупов было поручено не ему. В его Записке говорится, что «ком[ендан]ту, было поручено только привести в исполнение приговор, удаление трупов и т.д. лежало на обязанности т. Ермакова (рабочий верхне-исетского завода, партийн. тов., б. каторжанин)»¹².

Такое вот разделение труда!

Комиссар Верх-Исетского завода Петр Ермаков «должен был приехать с автомобилем, и был впущен по условному паролю “трубочист”. Опоздание автомобиля внушило коменданту сомнение в аккуратности Е[рмако]ва и ком. решил проверить сам лично всю операцию до конца»¹³.

Тут концы у Юровского не сходятся. Вся охрана Дома Особого Назначения знала Ермакова в лицо, для его опознания никакого пароля не требовалось. Ермаков был участником расстрела (добивал раненых страдальцев штыком), когда заведенный автомобиль уже тарахтел во дворе. Когда же и к чему он «опоздал»?

Прокурор-криминалист В.Н. Соловьев разъясняет эту путаницу в свидетельствах Юровского тем, что из-за опоздания автомобиля сам расстрел был произведен на полтора часа позже намеченного времени: не в полночь, а уже в половине второго утра. Значит, готовая команда Юровского полтора часа томилась в напряженном ожидании: когда же явится товарищ Ермаков с грузовиком. Можно понять негодование Юровского, но ведь Ермаков мог «опоздать» не по своей безалаберности, а по обстоятельствам, от него не зависев-

шим. Машину с надежным шофером и с наполненным бензобаком не просто было заполучить: автопарк при Уральском Совдепе был на строгом учете, бензин был строго лимитирован, то и другое выдавалось по особому разрешению. Просто ли было все это заполучить посреди ночи?

...Перед погрузкой трупов фельдшер Юровский еще раз «проверил каждого отдельно умер он, или нет. И только тогда мы их выдавали и переносили»¹⁴.

Запомним эту подробность: он *каждого отдельно проверил!*

А вот того, что на трупах осталось немало драгоценностей, Юровский недоглядел! Обратил внимание только тогда, когда честная команда стала жадно срывать кольца, серьги, браслеты, вытаскивать из карманов золотые часы, усыпанные бриллиантами портсигары...

Терпеть мародерство Юровский не мог: «Пришлось потребовать от каждого, чтобы выложил все, что взял, иначе расстреляю беспощадно, тут же на месте»¹⁵.

Поеживаясь, бормоча оправдания, мародеры отдали награбленное. А усердный Юровский решил, что сам должен проследить за захоронением трупов: Ермаков и его люди оказались ненадежными товарищами.

Местом захоронения была намечена заброшенная шахта в 18 верстах от города, вблизи так называемой Ганиной ямы, в урочище Четырех Братьев. Юровский потом утверждал, что сам там прежде никогда не был, но, по показаниям некоторых свидетелей, его видели там накануне вместе с Ермаковым.

Ехали долго. Грузовик с трудом преодолевал колдобины, буксовал в грязи, пока не застрял так основательно, что трупы пришлось перегрузить на повозки и дальше везти лошаадьми. В завершение всего, Ермаков заблудился и долго не мог отыскать намеченной шахты.

Подъехали к ней уже утром, когда было светло.

Шахта, в которую предстояло вывалить трупы, была заполнена водой. Замерили ее глубину, и тут оказалась, что она очень мелкая: аршин с небольшим глубиной, то есть меньше метра. Можно представить себе как разъярился Юровский на нерадивого Ермакова.

...Парадокс состоял в том, что в аршине от поверхности воды проходил слой льда, а под ним, до дна шахты было еще метров пять.

Там можно было бы укрыть сотню трупов – следовало только прорубить лед. Но до этого надо было додуматься! Пролетарской непримиримости к классовому врагу у Юровского, Ермакова и всей их братии было гораздо больше, чем смекалки!

Между тем, солнце уже было над горизонтом, а чего больше всего опасались похоронщики, так это посторонних свидетелей. Юровский приказал раздеть трупы царя, царицы и их детей (остальных оставили одетыми) и бросить одежду в разведенный огонь. Таково было его хитроумное решение: «уничтожить вещи все без остатка и тем как бы убрать лишние наводящие доказательства, если трупы почему-либо будут обнаружены»¹⁶.

Тут, к ужасу Юровского, оказалось, что он снова недоглядел. В сжигаемой одежде были зашиты еще какие-то драгоценности. Емуть они были ни к чему: истый пролетарский революционер, он был бессребреником. Но это же будущие улики! Они выпадали, смешивались с золой и пеплом костра. Какие-то удалось извлечь, но далеко не все.

Как сообщал потом колчаковский министр юстиции М. Старынкевич управляющему Министерства иностранных дел от 19 февраля 1919 года, «при более подробном осмотре местности судебным следователем [И.С. Сергеевым] вблизи той же шахты, называемой “Исетский рудник”, были найдены — обгорелая старая дамская сумочка, тряпки, кружева и какие-то черные блестящие обломки. Там же затем были обнаружены два небольших загрязненных осколка изумруда и жемчуга, обрывок материи с запахом керосина и, наконец, сильно загрязненный водянистого цвета значительной величины в платиновой оправе камень, — оказавшийся при осмотре его через эксперта-ювелира бриллиантом высокой ценности (около 100.000 руб.), по заключению эксперта, бриллиант этот представляет собой часть другого украшения (подвес) высокохудожественной работы; около самого края шахты в глине был обнаружен осколок ручной нарезной бомбы, а при спуске в самую шахту на стенках ее найдены следы от разрыва ручной бомбы. По удалении воды из шахты находящиеся на дне ее песок и ил были промыты, причем в них оказались: отрезанный палец руки, вставная челюсть, осколки бомбы, поддержка для мужского галстука и другие, не имеющие особого значения предметы»¹⁷.

Трупы свалили в яму, один на другой. Верхние оказались почти на поверхности. Взорвали несколько гранат, чтобы как-то их присыпать, но было ясно, что обнаружить их здесь будет очень просто. Да и окрестные крестьяне давно проснулись. Охрана никого близко не подпускала, но утаить то, что здесь происходит что-то необычное, было уже невозможно.

Юровский отправился в Областной совет и в ЧК – доложить обстановку и получить новые указания.

Областную ЧК возглавлял ее основатель Федор Лукоянов. Он понял, что дело не кончено. Пришлось спешно сформировать спецотряд для перезахоронения тел. Как вспоминал М.А. Медведев (Кудрин), «когда все расстрелянные были вытащены веревками за ноги из воды на поверхность и уложены рядком на траве, а чекисты присели отдохнуть, то стало ясным, насколько легкомысленным было первое захоронение. Перед нами лежали готовые “чудотворные мощи”: ледяная вода шахты не только начисто смыла кровь, но и заморозила тела настолько, что они выглядели словно живые – на лицах царя, девушек и женщин даже проступил румянец. Несомненно, Романовы могли в таком отличном состоянии сохраниться в шахтном холодильнике не один месяц, а до падения Екатеринбурга, напомним, оставались считанные дни»¹⁸.

Юровский велел снова разжечь костер и сжечь в нем уже не одежду, а сами трупы. Более глупого решения быть не могло. Свежеомытые и замороженные тела чадили, дымили, шипели, но не горели.

Юровский и «специалист по сжиганию» Д.М. Повлушин оседлали коней и поехали осматривать шахты на Московском тракте. По дороге думали думу и придумали, что часть тел они все же попытаются сжечь, а остальные обезобразят серной кислотой и сбросят в разные шахты: так труднее будет их опознать.

Взять на себя столь радикальное решение Юровский не мог. Присмотрев шахты, он и Повлушин явились в Исполком. Идея была одобрена. Но возникло новое осложнение. Пока Юровский сидел «у тов. Войкова на счет керосина и серной кислоты, которую не так уж просто было добыть», Повлушин поскакал куда-то по другому делу, упал с лошади и повредил ногу. Участвовать в деле он не мог. «Между тем вся работа по сжиганию возлагалась на него, как человека

якобы имеющего так сказать некоторый опыт в операциях более или менее сложных»¹⁹.

Под покровом ночи одиннадцать тел снова погрузили в кузов машины и повезли к шахтам на Московской дороге. Теперь все было чин-чинарём: грубокопатели прихватили с собой лопаты (первой ночью об этом не позаботились), три бочонка с бензином, три банки с серной кислотой.

Шахты, намеченные Юровским и Повлушиным, были действующие и охранялись. Охранники могли стать нежелательными свидетелями захоронения. Но этот вопрос решался просто. Поехали не на одной машине, а на двух, в сопровождении отряда чекистов. Их задача – под выдуманным предлогом арестовать всех охранников и увезти их на время: для диктатуры пролетариата это не составляло проблемы.

Словом, все теперь было предусмотрено – кроме одного. Юровский забыл проверить, сможет ли проехать по грунтовой дороге к намеченным шахтам тяжелый грузовик.

Медведев (Курдин): «Сложили в кузов грузовика все одиннадцать тел (из них четыре обгорелых), выехали на коптяевскую дорогу и повернули в сторону Верх-Исетска»²⁰.

Один из грузовиков скоро увяз в грязи. Его с трудом вытолкали, но через какое-то время он снова застрял. Чтобы снова вытолкать, пришлось выгружать трупы...

Дорога спустилась в хлюпающую низину – *Поросенков Лог*. Такого названия низина удостоилась потому, что здесь почти всегда было много грязи – эльдорадо для поросят и свиней. Грузовик опять застрял. Выбившаяся из сил команда билась с ним два часа, но тщетно...

«Мелькнула мысль, которую мы и осуществили, – вспоминал участник той эпопеи И.И. Родзинский. – Мы решили, что лучшего места нам не найти. Мы сейчас же эту трясиину расковыряли <...> разложили этих самых голубчиков и начали заливать серной кислотой, обезобразили все, а потом все это в трясиину. Неподалеку была железная дорога. Мы привезли гнилых шпал... <...> Разложили этих шпал в виде мостика такого заброшенного через трясиину, а остальных на некотором расстоянии стали сжигать». «Тут же развели костер и пока готовилась могила, мы сожгли два трупа: Алек-

сея и по ошибке, вместо Александры Федоровны, сожгли, очевидно, Демидову»²¹.

Поблизости был железнодорожный переезд № 184, там штабелем лежали старые подгнившие шпалы. Их привезли, видимо, на лошадях.

Пока копали неглубокую яму да доставляли шпалы, два трупа сожгли: один, самый маленький, царевича Алексея, второй – женский.

Остальные девять тел, обезображенные серной кислотой, закопали в хлюпающую трясику, положив сверху настил из старых шпал. По настилу несколько раз проехал грузовик, вмятые в грязь шпалы создавали впечатление, что этот мосток был здесь всегда...

Тройка генерала Дитерихса

25 июля 1918 года передовые части белых вошли в оставленный большевиками Екатеринбург.

Офицеры сразу же бросились к Ипатьевскому дому, где и обнаружили плохо замывшие следы недавнего побоища. Бестолковые попытки найти трупы привели к тому, что многие следы преступления были уничтожены. Офицерам, обрабатывавшимся черносотенной пропагандой, было ясно только одно: во всем виноваты евреи.

Следователя по особо важным делам А.П. Намёткина, которому было поручено расследование царского дела, «патриотическая» версия офицеров не вдохновила, и он был отстранен – якобы из-за недостаточного рвения. Затем полгода расследование вел И.С. Сергеев. Он и добыл львиную долю вещественных доказательств и свидетельских показаний. Но так как он был занят раскрытием преступления, а не еврейского заговора, то тоже был отстранен – как якобы тайный еврей и чуть ли ни большевистский агент.

Главную роль в перемене декораций сыграл генерал М.К. Дитерихс. В начале февраля 1919 года И.С. Сергееву было приказано передать ему материалы неоконченного следствия, после чего Дитерихс нашел «правильного» следователя, Н.А. Соколова, который направил расследование в «патриотическое» русло.

Одна из проблем для «патриотической» версии состояла в том, что решение о расстреле царя и его близких было принято Прези-

диумом Уральского Совдепа во главе с Александром Георгиевичем Белобородовым. Ведущая роль Белобородова мешала национал-патриотам тогда и продолжает мешать до сих пор. Крайние из них пытались его *объевреить*, перелицевав в Вайсбарда (на идише — *Белая борода*), но таково достижение «патриотической мысли» более позднего времени. Первопроходцы до этого не додумались.

Первопроходцами я называю авторов трех первых книг о гибели царской семьи. Каждый из них располагал материалами незавершенного следствия, вывезенными из Екатеринбурга после развала армии Колчака. Это британский журналист Роберт Уилтон, генерал М. К. Дитерихс и следователь Н. А. Соколов. Англичанин, чех и русский: полный черносотенный интернационал²²! Им пришлось задвинуть Белобородова в тень Филиппа Голощёкина, ибо о еврейском происхождении «товарища Филиппа» в следственном деле имелись шаткие сведения. Один из трёх экземпляров следственного дела хранится в архиве Гарвардского университета – я его просматривал. В нём имеются показания свидетеля, который в течение двадцати минут ехал с Голощёкиным в поезде. Этот свидетель показал, что у Голощёкина волнистые волосы с рыжеватым оттенком, из чего он вынес *впечатление*, что тот похож на еврея. Имея такую *зацепку*, первопроходцы наградили «товарища Филиппа» еврейским именем и передали ему первую скрипку, отобрав ее у Белобородова. Но сговориться между собой они не успели: у одного из них «товарищ Филипп» стал Исааком, у второго – Исаем Исааковичем, у третьего он Шая.

А.И. Солженицын знал, что «Шая-Филипп Голощёкин славы не искал, всю её перехватил долдон Белобородов»; и что «в 20-е годы так все и знали, что это он [Белобородов] – главный убийца царя; даже в 1936 г. гастролируя в Ростове-на-Дону на какой-то партконференции, он еще похвалялся этим с трибуны. (Всего за год перед тем, как расстреляли его самого)» (т. II, стр. 92).

Но и похвальба Белобородова не помешала Солженицыну, в унисон с тремя первопроходцами, наделить ролью закоперщика Шаю-Филиппа, резонерски воскликнув по этому поводу: «О, как должен думать каждый человек, освещает ли он свою нацию лучиком добра или зашлёпывает чернью зла» (т. II, стр. 92).

Полагаю, что каждый человек должен, прежде всего, думать о

том, освещает ли он добром или зашлёпывает злом *самого себя*. Если он об этом не думает, то о нации и подавно не озаботится. Да и не так всё однозначно в многоцветном нашем мире. Сплошь и рядом творящий зло уверен, что делает добро. Не только Белобородов гордился тем, что избавил народ от «Николая Кровавого». Между членами расстрельной команды разгорелась борьба – кому из них считаться *прямым* убийцей царя. Яков Юровский утверждал, что это он застрелил Николая, М.А. Медведев (Кудрин) приписывал эту честь себе, и у обоих её оспаривал Петр Ермаков. Никто из них не считал екатеринбургское побоище грязным пятном на своей совести; напротив, считали его делом добрым и доблестным.

Следствие об убийстве царской семьи во многом напоминало расследование убийства Андриюши Ющинского, ставшее делом Бейлиса²³.

Как в Киеве в марте 1911 года, сразу после нахождения трупа мальчика, стали распространяться листовки, утверждавшие, что он убит евреями, так и в Екатеринбурге в июле 1918 года, сразу после вступления в город передовых отрядов армии белых и чехословацкого корпуса, до начала какого-либо расследования, пошла гулять версия, что расправу над царем учинили евреи. В Киеве ее распространяла черносотенная молодежная организация «Двуглавый орел», в Екатеринбурге – черносотенное офицерство. В Киеве, один за другим, были отстранены три следователя по делу об убийстве Андрея Ющинского, после чего *уголовное* дело передали охранному отделению, то есть *политической* полиции, где оно и было превращено в ритуальное дело Бейлиса. Менделя Бейлиса арестовал глава киевской охранки полковник Кулябко – тот самый, который вскоре после этого прошляпил – если не спровоцировал – убийство премьер-министра П.А. Столыпина. В Екатеринбурге неугодные следователи тоже отстранялись до тех пор, пока оно не попало в руки угодного – «патриота» Н.А. Соколова.

«Еврейская» версия цареубийства была настолько распространена, что дошла до сведения главы британской военной миссии при правительстве Колчака генерала Нокса, а тот сообщил о ней в свое военное министерство. Попав в печать, она обеспокоила еврейскую общину Великобритании. Для выяснения обстоятельств она на-

правила в Омск (столицу Колчака) делегацию. Ее принял министр юстиции М. Старынкевич. Он объяснил, что генерал Нокс был введен в заблуждение военными кругами. Однако следствие проводится *гражданской* властью, в рамках закона. Старынкевич пояснил, что каждую неделю получает донесения и полностью в курсе дела.

О том, как пристально он следил за екатеринбургским расследованием, говорит его письмо управляющему Министерства иностранных дел от 19 февраля 1919 года, которое мы уже цитировали²⁴.

М. Старынкевич был эсером, в коалиционном правительстве Колчака он представлял самую левую часть политического спектра. Логика гражданской войны вынудила Колчака объединить под своим главенством разные антибольшевистские силы, но черносотенные элементы были крайне недовольны сотрудничеством с либералами и социалистами. Разногласия между ними оставались столь же глубокими, как и до революции.

Вернувшись в Лондон, делегация опубликовала авторитетные заверения министра юстиции. Когда об этом стало известно в России, возмущение офицерских кругов многократно усилилось. Ведущую роль в них играл генерал М.К. Дитерихс. Одно время он был командующим Уральским фронтом, но затем был отстранен от командования. Оказавшись в резерве, он рвался к «царскому делу».

Как упоминалось, первоначально расследование убийства царской семьи было поручено следователю по важнейшим делам А.П. Намёткину. Об этом человеке известно мало. Достоверно лишь то, что он не подыгрывал черносотенцам. Сперва он вызвал гнев тем, что отказался приступить к расследованию без санкции прокурора, а когда санкция была дана, повел его так, что вызвал еще большее негодование военных кругов.

Другого профессионального следователя в прифронтовом городе не было, поэтому дело решили передать одному из членов окружного суда. В исключительных случаях закон это допускал. В результате закулисного сговора между военными, председателем суда и прокурором на эту роль был рекомендован некто Михнович. Видимо, он устраивал черносотенные круги. Но решение принимало общее собрание членов суда, и оно дружно прокатило Михновича. Так же дружно оно проголосовало за Ивана Сергеевича Сергеева.

Слухи о «еврейском ритуальном убийстве» царя следователя

Сергеева не впечатляли. Это снова вызвало гнев в кругах черносотенного офицерства. Был пущен слух о еврейском происхождении самого следователя. Наговоры привели к желанному результату: обойдя министра юстиции, Дитерихс добился лично от Колчака его отстранения. Вскоре должен был уйти в отставку и Старынкевич. За те несколько месяцев, что Сергеев вел расследование, то есть с августа 1918 по январь 1919, была установлена львиная доля фактов, которыми потом воспользовался его преемник. Сам Сергеев, после развала фронта, попал в лапы большевиков и был расстрелян.

Генерал Дитерихс сблизился с находившимся в стане белых британским журналистом Робертом Уилтоном и нашел в нем горячего почитателя и единомышленника. Оба сообразили, что могут быть полезны друг другу. Уилтон получал от Дитерихса сенсационные сведения о «еврейских зверствах», творившихся на «немецкие деньги», против царя, России и Великобритании. А Дитерихс, через энергичного и неумного Уилтона, получил возможность вести черносотенную пропаганду на весь мир. Книга Уилтона «Последние дни Романовых» стала первым опубликованным трудом о екатеринбургской трагедии. Вторым стало двухтомное сочинение самого Дитерихса. Оно было написано в бытность его главой Дальневосточной Республики – последнего оплота антибольшевистских сил на территории России.

Оба автора не жалели красок, чтобы опорочить И.С. Сергеева и А.П. Намёткина как несведущих и нерадивых людей, но проговаривались, что истинные причины недовольства обоими лежала в иной плоскости.

«Следователь Намёткин и член суда Сергеев, независимо от их личных качеств, характеров и политических физиономий, в своей следственной деятельности безусловно были под влиянием... большого политического течения мысли тогдашней гражданской власти и влиявших на нее политических партий бывших учредильцев» (Дитерихс, т. 1, стр. 125. Курсив мой. – С.Р.).

В учредилке, то есть в Учредительном собрании, разогнанным большевиками и затем продолжившим работу в Самаре, доминировали эсеры и близкие к ним партии. По мнению Дитерихса, они были заражены тем же *еврейским духом*, что и большевики, потому му их сторонникам нельзя было доверить расследование «царского

дела». С солдатской прямоотой генерал излагал *свое* кредо: «Сергеев хотя и крещеный, а все же был еврей, еврей по крови, плоти и духу, а потому отказаться от своих соплеменников никак не мог» (Дитерихс, т. 1, стр. 129-130). С такой же прямоотой Дитерихс излагал *высшую цель* расследования царевубийства: «для укрепления среди народных масс и в рядах нарождающейся армии монархических принципов и тенденций» (Там же, стр. 124). Стало быть, раскрытия истины, какой бы она ни оказалась, для Дитерихса не было целью. Что же до «монархических» тенденций, то под ними понимался «патриотизм» в духе Союза Русского Народа.

Пороча первых двух следователей, генерал Дитерихс обнаруживал незаурядное красноречие, но, превознося третьего, Н.А. Соколова, он превзошел самого себя.

До октябрьского переворота Соколов работал в Пензе, оттуда бежал на восток, переодевшись крестьянином. Эта обычная для того времени акция по спасению собственной жизни под пером Дитерихса превратилась в величайший патриотический подвиг во имя России.

Но при всей романтической приподнятости «прозы» Дитерихса, в ней проступают реалистические подробности. Из них явствует, что Соколов был крайне неприятным субъектом и производил отталкивающее впечатление. Нервный, вспыльчивый, ошетиненный, болезненно самолюбивый, он постоянно прикусывал усы и не смотрел в глаза собеседнику. Генерал объяснял это тем, что один глаз у Соколова был искусственный, а другой косил. Зато Соколов был «национальным патриотом» – это искупало все.

Передав дело Соколову, Дитерихс оставил за собой «общее руководство», о чем писал в своей книге, не сознавая, насколько этим компрометирует «независимое» следствие. Когда его книга дошла до Европы и попала в руки Соколову, у того потемнело в единственном глазу. Его протест появился в эмигрантской газете:

«Во время хода предварительного следствия, осуществлявшегося на основании закона единоличной следственной властью, генералу Дитерихсу никогда не только не принадлежало какое-либо руководство делом, но одним из... повелений адмирала [Колчака] ему было категорически запрещено какое бы то ни было вмешательство в следствие»²⁵.

Однако в той же заметке Соколов подтверждал участие Дитерихса, признавая, что полномочия были выданы не только ему, но и генералу «по некоторым совершенно частным поводам» (? - С.Р.).

Позднее, в *своей* книге, Соколов снова пытался оспорить «укоренившееся в обществе ошибочное представление» о том, что Дитерихс направлял его действия, но делал это еще менее вразумительно. Его опровержение сводилось к красивой, но малосодержательной фразе: «Дело следователя, как его столь правильно определил великий Достоевский, есть свободное творчество»²⁶. Тут же, однако, он признавал, что Дитерихс «оберегал работу судебного следователя более, чем кто-либо. Ему более чем кому-либо обязана истина»²⁷.

Увы, с тех пор, как следствие перешло в руки Соколова, Дитерихса и примкнувшего к ним Уилтона, поиски истины об убийстве царской семьи отошли на задний план. На первый план вышло раскрытие «еврейского ритуального убийства».

Соколов в основном передопрашивал свидетелей, чьи показания уже были запротоколированы И.С. Сергеевым. Чтобы показать, насколько он превосходил предшественника тщательностью в работе, Дитерихс подчеркивал, что его протоколы были в несколько раз длиннее сергеевских. Но он не приводил никаких доказательств того, что они были более содержательными.

Важным вкладом самого Соколова можно считать расшифровку нескольких телеграмм и записанных разговоров по прямому проводу между председателем ЦИК Я.М. Свердловым и председателем Уральского Совета А.Г. Белобородовым. Обнаружил их И.С. Сергеев, но они были написаны цифровым кодом, ключа к нему он не нашел.

Соколов их расшифровал и сделал вывод, что Москва заранее дала санкцию на убийство царя и остальных обитателей ДОНа. Этот вывод всегда представлялся спорным, а из расследования группы экспертов во главе с прокурором-криминалистом В.Н. Соловьевым (об этом речь впереди) ясно, что вывод Соколова был неверным.

Из следственных материалов, которыми располагал Соколов, вытекало, что кремлевские мечтатели планировали публичный суд над царем, - почему же они переменили свое решение? Такие вопросы Соколова не интересовали. Более того, он не допускал самой их постановки. В теорию «еврейского заговора» не укладывались

возможные разногласия в Кремле или Екатеринбурге, или трения между ними. Вопрос о степени виновности отдельных лиц – на месте и в центре – тоже отпадал. Само собой разумелось, что главные виновники – евреи, а все остальные – либо орудие в их руках, либо подставные фигуры, призванные закамouflировать еврейский характер преступления.

Идеологию такого «расследования» с лукавой прямоотой изложил Дитерихс:

«Когда совершается какое-либо событие, в котором участвуют евреи, или хотя бы один еврей, то психология народных масс всегда обобщает их участие и относит события к разряду совершенных будто бы всем еврейским народом. В поступках и деяниях одного еврея виновным считается весь еврейский народ. Народная масса не способна пока проводить грани между Янкелем, старьевщиком в Теофиполе, и Янкелем Свердловым, председателем ЦИКа в Москве; между Исааком Юровским, часовщиком в Харбине, и Янкелем Юровским, руководителем идейного преступления в Ипатьевском доме, между Рубинштейном, гением музыкального мира, и Бронштейном [Троцким], гением кровавых социалистических операций. Для толпы, да и для значительной части интеллигентной общественной массы, всякое зло, творимое при участии того или другого Янкеля или Лейбы, исчерпывается нарицательным определением – еврей... Следовательно, преступления Бронштейна, Голощекина, Янкеля, Сруля суть преступления евреев, еврейского народа. Еврей один никогда не действует, за одним, кто бы он ни был, всегда стоят все другие евреи, весь народ. Такова психология масс. Это первая роковая историческая ошибка, осложняющая соответственное разрешение «еврейского вопроса»»²⁸.

В книгу Дитерихса перенесены все антисемитские мифы, когда-либо появлявшиеся в истории: эрудиция в этом вопросе у генерала была знатная. Особенно пространно он рассуждает о деле Бейлиса (знала кошка, чье мясо съела!). По его логике, существенно не то, совершают евреи ритуальные убийства или не совершают, а то, что «народная масса» в это верит.

Лукавые генеральские потуги на то, чтобы самому дистанцироваться от «народного» антисемитизма, перекрываются энергией ненависти, достигающей большого накала:

«Шайка циммервальдовских революционеров Израиля²⁹ почувствовала себя полными, свободными и всесильными хозяевами водворения в России царства религии Лжи, опыта, неудавшегося их племенным предкам в Израиле. Начался тот неудержимый разгром жизни былой могучей и сильной духом страны, который поверг ее в современное притупленное, придушенное состояние. Началась та бесконечная Вальпургиева ночь, пляска диких и сатанинских социалистических экспериментов, которая бросила обезумевших и изголовавшихся людей в погоне за куском хлеба в кровавую Антихристову борьбу: брата на брата, отца на сына, сына на мать и матери на дочь. И в триумфе своей победы, упиваясь успехом, вдохновители изуверы готовы крикнуть России: «Мы распяли вашу Россию, мы распяли вашу идеологию...»³⁰.

Громокипящая риторика генерала Дитерихса свидетельствовала лишь о предвзятости, которая отнюдь не помогала расследованию царевубийства.

Для доказательства того, что царь и его семья действительно были убиты, требовалось, прежде всего, отыскать трупы. На это и были направлены основные усилия следователя И.С. Сергеева. Вещественные доказательства, найденные в кострище у Ганиной ямы, где трупов не оказалось, путали карты следствия, но можно не сомневаться, что если бы Сергеев мог продолжать расследование, он бы их отыскал.

У Дитерихса и Соколова были иные приоритеты. Для них не так важно было найти убитых, как отыскать евреев. Хотя, как правильно указал Старынкевич, ни одного юридически доказанного факта причастности евреев к убийству царской семьи, выявлено не было. Ведь даже Яков Юровский, еврей *по происхождению*, был выкрестом и по российским законам к евреям не причислялся.

Были ли среди руководителей Уральского совдепа другие лица иудейского исповедания или происхождения? Вопрос об исповедании лишен смысла, так как все большевики были атеистами. Что же касается еврейского *происхождения* руководителей Совдепа и самих расстрельщиков, то оно достоверно было установлено только в отношении Юровского и не очень достоверно – в отношении Голощёкина. Главой совдепа, как мы знаем, был А.Г. Белобородов. Все три автора первых трех книг признали его русским, но сделали подстав-

ной фигурой, за чьей спиной будто бы орудовала шайка евреев во главе с Голощёкиным. Парадокс в том, что, будучи связующим звеном между Екатеринбургом и Москвой, Голощёкин был единственным членом президиума Уральского совдепа, который был противником бессудной расправы над царем, о чем, как упоминалось, телеграфировал в Кремль еще В.В. Яковлев.

Дитерихс: «Головы членов царской семьи и убитых вместе с ними приближенных были заспиртованы в трех доставленных в лес железных бочках, упакованы в деревянные ящики и отвезены Исааком Голощёкиным в Москву Янкелю Свердлову, в качестве безусловного подтверждения, что указания изуверов центра в точности выполнены изуверами на месте»³¹.

Сага о заспиртованных головах нашла дальнейшее развитие. Описывались тайные религиозные церемонии в Кремле, с еврейскими молитвами, песнопениями и танцами вокруг этих голов!

Забегая вперед, надо сказать, что как ни гротескна была эта версия, она была тщательно проверена судебно-медицинской экспертизой «екатеринбургских останков», проводившейся в 1990-х годах. «При первичных и дополнительных судебно-медицинских и медико-антропологических исследованиях всех костных останков на черепках и шейных позвонках скелетов следов действия острых орудий (режущих, пилящих, рубящих), которые бы могли свидетельствовать об отчленении головы, не обнаружено»³².

Но это почти 80 лет спустя.

Отдавая справедливость следователю Н.А. Соколову, надо сказать, что сказок об отсеченных головах он не рассказывал. Однако дух его сочинения такой же. Когда он вел следствие под патронажем генерала Дитерихса, в евреи были зачислены Дидковский, Сафаров, Войков, Сыромолотов, Чуцкаев – почти весь президиум Уральского Совдепа. И действовал он в полном согласии с велениями Кремля.

То, что большевистский ЦК тогда далеко еще не консолидировал власть, да и сам был расколот, в теорию «еврейского заговора» не укладывалось. Между тем, мирный договор с Германией, подписанный в Брест-Литовске, вызвал крупные разногласия на большевистском олимпе. Только угрозой уйти в отставку Ленину удалось утихомирить «левых коммунистов», но он прослыл либералом, что

стимулировало своеволие уральцев, болевших той же «левизной в коммунизме».

Считая *архиважным* устроить судилище над «Николаем Кровавым», которое, конечно, приговорило бы его к расстрелу, Кремль планировал обменять его детей на своих германских единомышленников Карла Либкнехта и Розу Люксембург, а если не получится, то *продать* их Германии – в погашение огромной контрибуции, которую требовалось выплатить по Брестскому договору. Называлась даже цена выкупа: триста миллионов золотых рублей. Эти далеко идущие планы и порушил Уральский Совдеп в июле 1918-го.

Однако признание за Екатеринбургом какой-то доли самостоятельности подорвало бы версию еврейского заговора, суть которого Дитерихс выразил четкой формулой: «указания изуверов центра в точности выполнены изуверами на месте».

Тут, однако, возникала, казалось бы, непреодолимая трудность. Ведь по этой версии верховным изувером должен считаться глава большевистской власти Владимир Ильич Ульянов-Ленин – потомственный русский дворянин! «Открытие» того, что Ленин «четверть-еврей» (и наполовину калмык, а еще на четверть – разный прочий швед) – приобретение новейшего времени. Ни Соколов, ни Дитерихс, ни Уилтон до этого не додумались. Но нет таких крепостей, какие не могли бы взять адепты «еврейского заговора». С Лениным они обошлись, как с Белобородовым: отобрали у него первую скрипку. «Ленин не управлял. Советской системой руководили другие люди», уверенно писал Роберт Уилтон³³. Отдельную главу своей книги он посвятил Янкелю Свердлову, коего изобразил «Красным кайзером».

Для еще большей убедительности «еврейский заговор» подтверждался «каббалистическими знаками» и стихотворными строками «еврейского» поэта Гейне на стене полуподвальной комнаты, где производился расстрел:

*Belsazar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht.*

В известном переводе М. Михайлова:

*В ту ночь, как теплилась заря,
Рабы зарезали царя.*

И эти строки, и непонятные «знаки» обнаружил, сфотографировал и приобщил к делу И.С. Сергеев, но он не придавал им сакрального смысла. Зато под пером Уилтона «знаки» стали «каббалистическими», хотя ни один знаток каббалы не мог их распознать. Скорее всего, эти загогулины были пробой пера перед тем, как была сделана стихотворная надпись. А смысл надписи был перетолкован на противоположный истинному.

Стихотворение Генриха Гейне «Валтасар» написано на сюжет библейского сказания из книги пророка Даниила, относящейся к эпохе вавилонского плена.

В плен большую часть еврейского населения Иудеи увел великий завоеватель Навуходоносор. Однако к пленникам он относился уважительно: не притеснял их, разрешал исповедовать свою веру, почитал Бога Иегову, и Бог был к нему милостив. Иначе повел себя после смерти Навуходоносора его сын Валтасар. Одержимый непомерной гордыней, он надругался над святынями иудеев и бросил вызов самому Иегове, за что тот его покарал.

Таков сюжет библейского сказания, но Гейне внес в него дополнительный смысл. Валтасар не просто «убит», как сказано у пророка Даниила, а *убит своими рабами*. В стихотворении есть и такие строки:

*Хвастливый дух в нем рос. Он пил
И дерзко божество хулил.
И чем наглей была хула,
Тем громче рабская хвала.*

Те самые *рабы*, которые подбивали царя на богохульство, прирезали его, как только он стал бессилён!

Мог ли эту надпись на стене сделать кто-то из участников убийства, радующихся тому, что еврейский Бог отомщен? Такое допущение может явиться только в помутненном мозгу юдофоба, который во всем отыскивает тайные еврейские козни. У Дитерихса степень помутнения была такова, что он *забыл*, на каком языке написаны стихи: в его книге сказано, что строки «еврейского поэта» Гейне

были написаны на идише. Генерал подзабыл или вовсе не знал, что немецкий национальный поэт Гейне писал *по-немецки*, и строки на стене были немецкими. Тот, кто сделал эту надпись, *заклеймил* убийц, а не ликовал вместе с ними.

Кто это мог быть?

Человек этот должен был знать немецкую поэзию и хорошо владеть немецким языком. Эти простые соображения сужали поиск «подозреваемого» до одного лица – австрийского военнопленного Рудольфа Лахера. Он даже оставил свое имя на стене подвала: «Rudolf Lacher Y. T. K. Jager. Trient». Эту подробность сохранил для истории тот же пунктуальный следователь И.С. Сергеев. Кстати, в книге Дитерихса упоминается пленный австриец «Адольф». Это, конечно, он, Рудольф Лахер. В ночь расстрела он, видимо, находился поблизости, слышал выстрелы, может быть, видел, как тела убитых втаскивали в кузов грузовика. Когда подвал опустел, он вошел в него и, под впечатлением увиденного, вспомнил строки Гейне о рабах, убивших поверженного повелителя...

Царские останки

Кремлевские власти скупо повторили трусливую ложь Уральского Совдепа, то есть официально подтвердили, что «Николай Кровавый» казнен, а его семья переведена в «надежное место». Позднее признали и то, что вместе с царем были убиты члены его семьи.

Подробности злодеяния не афишировались, но и не очень скрывались.

В 1921 году, к четырехлетию «Великого Октября» в Свердловске был издан сборник «Рабочая революция на Урале». Одна из статей называлась «Последние дни последнего царя». Автор, Павел Михайлович Быков, был одним из самых значительных революционных деятелей на Урале, основателем и первым главой Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов, уступивший этот пост Белобородову. Сборник вышел огромным по тем временам тиражом, 10 тысяч экземпляров. Большевистские власти Урала придавали ему большое значение.

А.Н. Соколов, продолжавший в эмиграции расследование царейубийства, нашел статью Быкова полезной для себя, хотя и край-

не тенденциозной, в чем был безусловно прав. Однако, при всей ее тенденциозности, статья Быкова содержала подробности, которые «не украшали» кровавую оргию, учиненную советской властью над царем и его семьей. Сборник вскоре был изъят из обращения и запрещен.

В 1926 году тот же П.М. Быков выпустил книгу «Последние дни Романовых». На этот раз она была написана по заданию Кремля, как альтернатива книге А.Н. Соколова, вышедшей годом раньше на Западе, где она имел заметный резонанс. В книге Быкова с циничным торжеством рассказывалось не только о расстреле Николая II и других обитателей Дома Особого Назначения, но и о столь же гнусной расправе над Михаилом и другими Романовыми, попавшими в руки большевиков. То был «наш ответ Керзону».

«Своей победой над последними защитниками монархизма трудящиеся России еще глубже вогнали кол в могилу династии Романовых, и какие бы меры не предпринимали оставшиеся в живых охвотья этого дома за границей, покойника из могилы не вернуть».

Таков стиль и пафос этого произведения³⁴.

В январе 1928 года пролетарский поэт Владимир Маяковский, посетив Свердловск (бывший и будущий Екатеринбург), захотел побывать на месте захоронения царской семьи. Председатель областного совета А.И. Парамонов не был прямым участником убийства или захоронения, но место знал и с готовностью проводил туда столичного поэта.

Специалисты отмечают, что в стихотворении В. Маяковского «Император» место захоронения царя описано с документальной точностью. Допущена лишь одна поэтическая вольность: вместо берез, на которых были оставлены зарубки, у него фигурируют кедры, коих в Поросьячем Логе никогда не росло.

В черновом варианте стихотворения высказывалось некоторое сочувствие к беззащитным жертвам:

Но это – в черновике. В опубликованном тексте нет ни тени сочувствия к убиенным. Одно лишь глумление.

Вирши были опубликованы в апрельском номере журнала «Красная новь» того же 1928 года. По мнению литературоведа Олега Лекманова, то был отклик на Шахтинское дело: театрализованное

судилище над мнимыми вредителями – горными инженерами Донбасса. Они якобы устроили заговор против советской власти, дабы возвести на престол нового царя, а шахты вернуть бывшим владельцам. Им и предназначалась издевательская концовка: *Пожалте /дворяне и шляхта, / корону/ можно / у нас получить, / но только / вместе с шахтой*³⁵.

Кажется, это был единственный отзыв «царского дела» в советской художественной литературе.

Не только из-за тотальной цензуры.

К убийству царя и его родичей не было интереса – ни у писателей, ни у читателей.

С годами все, кто был причастен к царевубийству, отошли в мир иной. Одни были расстреляны или сгинули в тюрьмах и лагерях, другие умерли своей смертью. В начале 1964 года умер М.А. Медведев (Кудрин). Перед смертью он просил сына передать в ЦК партии его воспоминания и преподнести первому секретарю ЦК Н.С. Хрущеву реликвию: браунинг, из которого был убит Николай II. До конца жизни М.А. Медведев был уверен, что царя застрелил именно он.

Выполняя волю отца, его сын М.М. Медведев послал письмо Хрущеву. Он предлагал «разыскать место захоронения Николая II, его семьи и слуг... перезахоронить останки в Петропавловском Соборе, тем самым дать возможность наладить контакты с русской эмигрантской общественностью»³⁶.

Хрущева идея заинтересовала. Он наложил резолюцию: изучить обстоятельства расстрела и определить место захоронения царя и его семьи. С этой резолюцией письмо легло на стол А.Н. Яковлева, будущего «архитектора перестройки и гласности», а в то время – сотрудника Отдела пропаганды ЦК партии.

М.М. Медведев указал Яковлеву на двух еще живых участников тех событий: Г.П. Никулина и И.И. Родзинского. Никулин мог рассказать о расстреле, но в погребении он не участвовал. Родзинский участвовал в погребении, но на старости лет мало что помнил.

В октябре 1964 года, когда Хрущева отстранили от власти, проблема для Яковлева стала неактуальной. Закрывая дело, он подвел итог: «считаю, что искать и вскрывать могилу не вызывается необходимостью».

По мере того, как в обществе иссякали надежды на реформирование коммунистического режима, в нем стал расти интерес к судьбе последнего царя. Дом Особого Назначения – в нем много лет размещался областной партийный архив – стал местом паломничества. Каждый приезжавший в Свердловск хотел там побывать. Власти обеспокоились. В 1977 году, по указанию из Москвы и по приказу Первого секретаря Свердловского обкома Б.Н. Ельцина, Ипатьевский дом снесли и сровняли с землей.

Но интерес к судьбе царской семьи продолжал нарастать.

...Гелий Трофимович Рябов был известным прозаиком и сценаристом. Большим успехом пользовался его роман (в соавторстве с А. Нагорным) «Повесть об уголовном розыске». В нем рассказывалось о подвигах «народной милиции, созданной Великим Октябрем». Действие начиналось в 1917 году и охватывало несколько десятилетий. По роману был поставлен телевизионный сериал «Рожденная революцией» (10 серий). Он много раз транслировался по телевидению, был удостоен Государственной премии. Министр внутренних дел Н.А. Щёлоков сделал Гелия Рябова своим консультантом по печати и кино. В одном из разговоров с ним Щёлоков упомянул о том, как однажды, будучи в Свердловске, посетил дом Ипатьева, чтобы «постоять на том месте, где упали Романовы»³⁷.

Интересы главы МВД Щёлокова были широки и нетривиальны. Он дружил с Мстиславом Ростроповичем и Галиной Вишневской. Если верить Википедии, Щёлоков покровительствовал опальному А.И. Солженицыну и даже направил в Политбюро записку, в которой ратовал за публикацию его романа «Раковый корпус», запрещенного цензурой; помогал писателю в сборе материала для «Августа 1914». У Щёлокова часто бывал скандально знаменитый живописец национал-патриотического толка Илья Глазунов; он, между прочим, подарил министру книгу-фотоальбом о царской семье, которую привез из Англии.

Я был далек от этой среды, но и мне довелось узнать о нетривиальных интересах главы МВД – от одной приятельницы-юристки, имевшей знакомства в самых неожиданных для меня кругах. Как-то она спросила, не могу ли я достать книги А.С. Шмакова. Я был поражен уже тем, что ей известно это имя. Шмаков умер в 1918 году,

до этого был одним из ведущих идеологов черной сотни. Он разоблачал «жидо-масонский заговор против тронов и алтарей», был гражданским истцом на процессе Бейлиса. В каталогах советских библиотек книги Шмакова не значились: либо их там не было, либо они были упрятаны в спецхран. Я спросил, зачем ей понадобились сочинения Шмакова, и услышал в ответ: «Да это не мне! Щёлоков их ищет для своей библиотеки».

В Свердловске Гелий Рябов, при содействии городского управления милиции, посетил дом Ипатьева. Но этим не ограничился. Познакомившись с местным краеведом Александром Николаевичем Авдониным, геологом по образованию, Рябов предложил ему совместно заняться поисками останков царской семьи. Авдонинову идея показалась дикой, затея донкихотской и далеко не безопасной. Он решительно отказался участвовать... Потом стал колебаться... Потом согласился!..

«Был скреплен клятвой, данной друг другу и перед совестью, тайный союз. Началась поисковая работа. Как драматург, собирающий материалы для фильма, Гелий Рябов обратился к министру Щёлокову за разрешением попасть в спецхран – учреждение, доступное только для посвященных»³⁸.

Щёлоков знал, для чего понадобились Гелию Рябову допуски к супер-секретным архивам. Пробить их было непросто даже для шефа МВД. Так, во всяком случае, он говорил своей дочери: «Гелий даже не представляет, чего мне стоило достать эти пропуска в архивы»³⁹. Но он их достал.

Знакомясь с секретными материалами, Рябов обратил особое внимание на записку Я.М. Юровского, которую тот в свое время написал для ведущего историка-марксиста М.Н. Покровского. (Говоря точнее, Покровский написал ее своей рукой со слов Юровского, который затем поправил неточности в машинописном экземпляре). В ней детально сообщалось о захоронении царской семьи и описывалось место захоронения – с указанием ориентиров для его опознания. У сына Я.М. Юровского, на которого Рябов вышел тоже при молчаливом содействии Щёлокова, имелась копия той записки. Рябов снял копию для себя и смог детально ее изучить.

Современному читателю почти невозможно понять, почему

преуспевающий московский литератор и сценарист, сделавший впечатляющую карьеру на воспевании подвигов советской милиции, и вполне благополучный свердловчанин-геолог занялись столь рискованным делом. Еще труднее понять негласное содействие Н.А. Щёлокова – министра внутренних дел, генерала армии, члена ЦК КПСС, осыпанного наградами и привилегиями. Тем, кто жил в то время, понять это тоже непросто, но все-таки легче. Характерной особенностью эпохи было *двоемыслие*. Оно было разлито в воздухе – им дышала не только интеллигенция, но и партийная номенклатура. Говорили одно, думали другое, делали третье, на душе лежало четвертое...

Утром 1 июля 1979 года, взяв на подмогу своих жен и двух друзей, Геннадия Васильева и Владислава Песоцкого, Рябов и Авдонин явились в Поросенков Лог. Вблизи железнодорожного переезда 184 они разыскали тот самый мосток из шпал, от которого уже почти ничего не осталось. Стали раскапывать хлипкую болотистую почву. И почти сразу наткнулись на что-то твердое. Думали, какая-то железяка, а вытащили тазобедренную кость человека...

Все, конечно, были сильно взволнованы, но радость ожидаемого и все же неожиданного открытия тут же была перекрыта страхом.

«Мы все испугались, – вспоминал Г.Т. Рябов. – Кто-то обнаружил испуг непосредственно, по-детски немного. Кто-то холодел внутри. Всё по Блаженному Августину: мгновение назад мы были законопослушные советские люди (это прошлое), сейчас мы – с точки зрения Лубянки – враги пролетарского (кажется, уже общенародного?) государства. Это тягостный миг незримой линии между прошлым и будущим. Что-то нас ожидает в этом будущем?»⁴⁰.

Выкопали еще несколько костей, черепов. Все тщательно осмотрели. В. Песоцкий, отличный фотограф, сделал множество снимков...

Гелий Рябов привез в Москву три черепа и обратился к знакомым криминалистам, прося провести научную экспертизу, чтобы удостовериться их принадлежность. Узнав, откуда эти черепа, спецы шарахались от него, как от прокаженного. Обратиться за помощью к Щёлокову Гелий не решился и пребывал в наивной уверенности, что тот ни о чем не подозревает.

Щёлоков все знал, но помочь не мог. Дочери сказал: «Это совершенно невозможно! Он плохо понимает, что делает, если об этом узнают, – ему головы не сносить»⁴¹. Через третьих лиц, дабы самому не засветиться, он дал понять Гелию Рябову, что ему следует, говоря словами Владимира Высоцкого, «лечь на дно, как подводная лодка, чтоб не могли запеленговать».

Щёлоков был из днепропетровской «мафии» Л.И. Брежнева, с ним и поднялся на Олимп власти. Он очень заботился об «имидже» своего ведомства и всячески старался поднимать авторитет милиции. Потому покровительствовал таким литераторам и кино-теледеятелям, как Гелий Рябов. При поощрении и содействии Щёлокова фильмы и телесериалы о доблестях советской милиции не сходили с экранов.

Оборотной стороной проводимой им линии было замалчивание злоупотреблений милиции. Жалобы прятались под сукно, скандалы заминались, расследованию преступлений милиции чинились препятствия, чем вольно или невольно поощрялись ее незаконные действия.

За несколько дней до Нового 1980 года группа блюстителей порядка, на одной из конечных станций московского метро, отдубасила и обобрала подвыпившего мужчину, задремавшего в поезде и проехавшего свою остановку. Потерпевшим оказался майор КГБ В.В. Афанасьев.

Милиции было строго запрещено задерживать сотрудников КГБ. Когда Афанасьев показал избившим его блюстителям порядка свою ксиву и пригрозил, что «это дело так не оставит», они запаниковали...

Труп Афанасьева был найден на следующее утро далеко за городом, на обочине дороги. Расследованием убийства своего сотрудника занялся сам КГБ, а милиция делала все, чтобы преступление не было раскрыто. Нашла коса на камень. Следствие длилось два года, но в конце концов преступники были изобличены. А с ними и те, кто им покровительствовал.

После смерти Брежнева генеральным секретарем стал недавний глава КГБ Юрий Андропов. 17 декабря 1982 года Щёлоков был снят с министерского поста. Новый глава МВД В.В. Федорчук стал раскрывать злоупотребления, творившиеся при его предшественни-

ке. Сотни высокопоставленных чинов милиции были уволены, многие оказались за решеткой. Щёлокова вывели из ЦК партии, потом лишили звания генерала армии, героя труда, орденов... В феврале 1983-го его жена Светлана Владимировна покончила с собой. 13 декабря 1984 года, после того, как его исключили из партии, Щёлоков выстрелил себе в голову из охотничьего ружья. Мозги разлетелись по комнате. За три дня до рокового выстрела он послал письмо генсеку Черненко (Андропова уже не было в живых), в котором писал, что законов не нарушал, и просил пощадить детей...

Идентификация

Но вернемся к Гелию Рябову и его друзьям.

7 июня 1980 года всё извлеченное ими из захоронения в Поросячем Логу было туда возвращено.

Чего ждать от будущего – никто не знал. Жить, неся в душе тайну, которой ни с кем нельзя поделиться, становилось все тяжелее. Внутри маленькой группы посвященных начались трения. В КГБ поступил донос на Гелия Рябова: он-де «в антисоветских целях» разыскивает останки царской семьи. Донос написала... его собственная жена! Хоуда ему, к счастью, не дали.

Но ушли в мир иной Брежнев, Андропов, Черненко... Генсеком стал М.С. Горбачев. Началась эпоха перестройки и гласности. Мало кто верил, что это всерьез и надолго. Но гласность набирала обороты...

В 1989 году, после десяти лет молчания, Гелий Рябов решил, что настала пора сообщить *городу и миру* о царских останках. Его *соучастники* готовы к этому не были. Характерен крутой разговор между Рябовым и Авдониным:

– Пока в нашем концлагере приоткрыли форточку, об этом нужно сказать!

– Гелий, я прошу тебя, меня нигде не поминай: у меня на повестке дня защита диссертации, а жена работает в высшей партшколе!

Газета «Московские новости» напечатала интервью с Гелием Тимофеевичем Рябовым. Рассказав о том, как были найдены останки расстрелянной царской семьи, своими соучастниками он назвал безымянных «помощников с Урала»⁴².

Негативных последствий для первооткрывателей захоронения не было, но широкая огласка привела к тому, что угроза нависла над самим захоронением. Останки надо было изъять, перевезти в надежное место, исследовать строго научными методами. Для этого требовалось привлечь специалистов и немалые денежные средства. Как все это организовать?

Авдонин, раскрыв свое инкогнито, обратился за поддержкой к главе областного совета Свердловской области Э. Росселю, а Рябов – к главе Кемеровской области А.Г. Тулееву. Оба согласились помочь, но каждая сторона ставила условия, неприемлемые для другой стороны. Рябов настаивал на том, чтобы при официальном вскрытии захоронения присутствовали представители прессы и церковные деятели. Другие участники операции этого не хотели. Дабы останки не были повреждены при извлечении, Рябов настаивал на том, чтобы весь могильник был заморожен и вынут целиком в виде «саркофага». Выполнить это требование было сложно и дорого, а привлеченные к делу специалисты считали такие предосторожности излишними.

Перетягивание каната длилось два года. 11 июня 1991-го останки царской семьи, то есть, пока только «екатеринбургские останки», были извлечены из захоронения.

Наконец-то за дело смогли взяться профессионалы. Археологи и судебно-медицинские эксперты, историки и архивисты, математики и биологи, дантисты и генетики.

Но теперь началось перетягивание каната между Екатеринбургом и Москвой. Как в 1918 году столица Красного Урала отказывалась уступить царскую семью Москве, так в начале 90-х Екатеринбург отказывался уступить ее прах.

Участники исследований разделились на два враждующих клана. Сторонники Екатеринбурга уличали в ошибках, методических просчетах, недостаточной компетенции и неэтичном поведении сторонников Москвы, а те, соответственно, наоборот.

Однако в обеих группах работали специалисты мирового класса. Первоначальные предположения Рябова и Авдонина были многократно перепроверены и уточнены многими разными методами: от судебно-медицинских и молекулярно-генетических до математико-статистических. Прежде всего, оказалось, что в захоронении покоилось девять трупов – из одиннадцати расстрелянных, а из за-

писок Юровского следовало, что два трупа были сожжены, так что арифметика сходилась. Трудно предположить, что на том самом месте, которое точно указывалось в Записке Юровского как место захоронения царя, его семьи и слуг, были зарыты *другие* трупы, и их тоже оказалось девять. Вероятность такого предположения не равна нулю, но очень невелика.

Более углубленными анатомическими исследованиями было установлено, что четыре женских скелета (№ 3, 5, 6, 7) сходны между собой по ряду ключевых признаков, что говорило об их близком родстве. Возраст одного из скелетов был определен в 45-50 лет, три других принадлежали примерно двадцатилетним. Мужской труп № 4 тоже был родственным трем молодым женщинам. Снова все сходилось: три царских дочери, их мать и отец.

Ну а как остальные четыре скелета – три мужских и один женский? Ни один из них в родстве с пятью остальными не состоял. Именно это было известно о четырех лицах, расстрелянных вместе с царем, то есть о докторе Боткине, фрейлине Демидовой, поваре Харитонове, камердинере Труппе. Вероятность того, что найдены останки царской семьи, а не какие-то другие, приблизилась к 99 процентам.

Однако красно-коричневые ритуалисты использовали каждое мелкое разногласие или сомнение кого-то из специалистов, чтобы снова и снова внедрять в сознание обывателей *ритуальную* отраву.

Как писала в 1994 году публицистка «Известий» Элла Максимова, «параллельно с работой в лабораториях и архивах шло нагнетание страстей в прессе и эфире. В выступлениях ученых и неученых мужей нет новых фактов, находок, состоят они преимущественно из вопросов, рассчитанных на вселение в граждан подозрений. Что говорить, сам институт судебного следствия у нас скомпрометирован, а фальсификация истории вошла в набор типовых принципов власти. Но какая корысть усматривается в деле о царских останках? Не подпитывают ли гласы общественности совсем иные мотивы? Неутоленное честолюбие, обида – почему меня, тоже специалиста, не позвали, обошли? Или мракобесные слухи о заспиртованных головах Романовых в кремлевских тайниках? Поступили ведь к [прокурору Генеральной прокуратуры В.Н.] Соловьеву и такие заявления, да на официальных бланках с печатями»⁴³.

Что же это за официальные бланки? Журналистка оборвала себя на полуслове. Не вытравленная с советских времен привычка к умолчаниям, дабы не пугать цензуру. Государственной цензуры давно уже не было, но живым оставался внутренний цензор!

Однако договорить недосказанное Э. Максимовой было трудно. Очень и очень многие лица и организации «национал-патриотического» толка использовали понятный общественный интерес к «царскому делу» для нагнетания антисемитских мифов.

С 1992 года расследование проводилось под общим руководством прокурора генеральной прокуратуры РФ В.Н. Соловьева. Для генетической экспертизы, которая была наиболее важной и доказательной, Соловьев привлек доктора биологических наук Павла Леонидовича Иванова – одного из наиболее авторитетных в России генетиков-криминалистов.

Из официальной биографической справки можно узнать, что профессор и доктор биологических наук П.Л. Иванов – судебно-медицинский эксперт высшей квалификационной категории, один из основоположников и ведущих специалистов в области судебно-медицинской идентификации личности, установления биологического родства и т.п. В 1988 г. он – впервые в России – провел экспертизу по идентификации личности молекулярно-генетическими методами, после чего эти методы вошли в практику следственной работы. Им проведено более тысячи молекулярно-генетических экспертиз по установлению личности преступника, определению родства, установлению отцовства и материнства, фактов подмены детей, идентификации неопознанных останков. Он удостоен многих премий и наград «за фундаментальный вклад в разработку методов молекулярно-генетической индивидуализации человека».

Иванов привлек ряд других ученых – не только российских. Генетические исследования останков царской семьи проводились в ведущих лабораториях Великобритании, США, Канады.

Чтобы *предполагаемая* принадлежность «екатеринбургских останков» царю, его жене и дочерям превратилась в действительную, требовалось сопоставить их ДНК с генетическим материалом их ближайших сородичей. Романовы и представители королевских династий сперва насторожено отнеслись к просьбам предоставить образцы крови или другой генетический материал. Но, убедившись

в том, что идентификация останков производится честно, согласились.

Образцы ДНК предполагаемой царицы Александры Федоровны (скелет № 3) и трех ее дочерей (№№ 5,6,7) были сопоставлены с генетическим материалом внучатного племянника царицы принца Филиппа (герцога Эдинбургского) – внука родной сестры Александры Федоровны. Родство было подтверждено почти со стопроцентной вероятностью. Неясность оставалось только в отношении самой младшей из захороненных дочерей: была ли это 19-летняя Мария (если так, то сожжена вместе с Алексеем была Анастасия), или то была 17-летняя Анастасия (а сожжена Мария).

Сложнее оказалось с мужским скелетом № 4: в нем была обнаружена очень редкая митохондриальная мутация. У Романовых, предоставивших свой генетический материал, этой мутации не было. Ее и не могло быть, ибо они были родичами царя по мужской линии, а митохондрии переходят к потомству только от матерей. На фоне практически полного совпадения очередности в цепочках нуклеотидов, в одной позиции, № 16 169, было обнаружено расхождение.

«К середине 1994 года членам правительственной комиссии стало ясно, что под Екатеринбургом обнаружены останки царской семьи. Единственный вопрос, тревоживший генетиков, состоял в том, что одна позиция в генотипе Николая II отличалась от подобной у его ныне живущих родственников»⁴⁴.

Чтобы исключить сомнения, нужен был генетический материал близкого родича царя по материнской линии, а лучше всего – его собственный.

Как ни поразительно, но такой материал имелся... в Японии!

Когда Николай был еще наследником престола, Александр III отправил его в кругосветное путешествие. В Японии на него неожиданно напал какой-то помешанный самурай и дважды ударил саблей по голове. Самураи схватили, пострадавшему оказали медицинскую помощь. Ранение обошлось без тяжелых последствий, но произвело на наследника столь удручающее впечатление, что он вернулся домой. А повязка с пятнами августейшей крови хранилась в Японии как памятная реликвия. П.Л. Иванов пытался заполучить несколько нитей из нее, но переговоры, длившиеся полгода, были безрезультатными. Только после личного обращения прославленного музы-

канта М.Л. Ростроповича к императору японские власти согласились допустить россиян к реликвии. Ростропович живо интересовался вопросом идентификации «екатеринбургских останков», всячески поддерживал исследователей, финансировал некоторые проекты. П.Л. Иванов отправился в Японию на личные средства Ростроповича. Увы, генетический материал, сохранившийся на «исторической» повязке, оказался загрязненным. Возлагавшиеся на него надежды не оправдались: для сопоставительных исследований он не годился.

Ближайшим родичем Николая II по женской линии был сын его младшей сестры Ольги Тихон Николаевич Куликовский. Он жил в Торонто (Канада). К нему и обратился П.Л. Иванов как *«официальный представитель России в международной комиссии по изучению обстоятельств гибели Царской семьи»*. Безрезультатно. Затем к Куликовскому обращался прокурор-криминалист В.Н. Соловьев, обращались официальные представители центрального правительства России и властей Свердловской области. Главный судебно-медицинский эксперт России В.О. Плаксин пытался воздействовать на него через Российское Дворянское Собрание, через деятелей Русской Зарубежной Церкви, через представителей дома Романовых... Куликовский был непреклонен.

В апреле 1993 года он неожиданно умер от инфаркта, после чего делались попытки получить образцы его крови, оставшиеся у его вдовы Ольги Николаевны. Видимо, следуя завету мужа, она отвергала все просьбы.

Куликовский был самым близким, но не единственным родичем Николая по женской линии. Графиня Ксения Шереметьева-Сфири и герцог Файф согласились предоставить образцы крови. Результат сопоставления их генетического материала с ДНК скелета № 4 оказался неоднозначным.

Не оставалось ничего другого, как потревожить покоившийся в Петропавловском Соборе прах младшего брата Николая, великого князя Георгия, умершего молодым от туберкулеза. Добиться эксгумации его тела было непросто, пришлось снова задействовать тяжелую артиллерию в виде Мстислава Ростроповича. Он и помог преодолеть сопротивление тех, кто считал эксгумацию останков великого князя Георгия кошунственным и недопустимым.

При анализе его митохондриальной ДНК была обнаружена та-

кая же мутация в позиции 16 169, как у скелета № 4. Экспертиза проводилась не только в России, но и в Олдермастонском центре криминалистических исследований в Великобритании и в лаборатории генетической идентификации армии США. Результаты были идентичны. Случайное совпадение столь редкой мутации в двух разных скелетах исключалось! «Одного этого редчайшего признака было достаточно, чтобы поставить точку в этой истории»⁴⁵.

Тем временем Ольга Куликовская сменила гнев на милость, хотя и очень условную. Она согласилась предоставить кровь покойного мужа для анализа, но только российскому генетику Е.И. Рогаеву, работавшему в то время в Торонто. Она прониклась к нему особым доверием. Передавая ему образец крови своего мужа, она поставила условие: ни с кем другим он этим материалом не должен делиться и не публиковать результатов без ее согласия. (Как замечает по этому поводу Н. Розанова, «независимость от государственных экспертиз не гарантировала ему [Рогаеву] независимости от лица, под чьим контролем проводилось это частное исследование»⁴⁶).

Результат первого анализа Рогаева оказался неоднозначным, что заставило его усомниться в безупречности результатов генетической экспертизы. Для уточнения требовались более глубокие исследования. Рогаев их произвел три года спустя в Москве и полностью подтвердил результаты, полученные комиссией П.Л. Иванова. Исследования производились также в военно-медицинской лаборатории в Роквилле, штат Мэрилэнд, и в штате Массачусетс. В выступлении доктора Рогаева в Государственной Думе говорилось:

«Выделены и определены последовательности нуклеотидов двух фрагментов митохондриальной ДНК (HV1 и HV2) из фрагмента костной ткани скелета N4 (предполагаемые останки Николая II-го). Данный анализ проведен флуо-ресцентным методом (такой же метод был использован в Англии и США), а также, дополнительно, изотопным методом. Аналогичный анализ был проведен для митохондриальной ДНК Т.Н. Куликовского-Романова - племянника Николая II. Сравнительный анализ впервые показал полное совпадение основных форм митохондриальной ДНК индивида N4 (образец берцового костного фрагмента 4-46) и родственника Николая II по материнской линии (Т. Н. Куликовский-Романов), что свидетельствует в пользу их кровного близкого родства по материнской линии»⁴⁷.

После этого Ольга Куликовская порвала с доктором Рогаевым все отношения, а некий Е.Л. Магеровский, именуемый членом Российской Зарубежной экспертной комиссии (что бы это значило?), заявил, что «д-р Евгений Рогаев известен своей “покладистостью” в отношении российских властямущих»⁴⁸. Такой метод «полемики» стар как мир: не имея научных аргументов для отстаивания своей точки зрения, опорочить честного ученого, чьи выводы тебе *не ндравятся*.

Еще в 1995 году комиссия генеральной прокуратуры во главе с В.Н. Соловьевым закрыла следствие, так как идентификация останков царской семьи завершена, а организаторов и исполнителей кровавой акции уже не было в живых, так что привлечь к суду было некого. Президент Б.Н. Ельцин создал правительственную комиссию во главе с вице-премьером Ю. Яровым для организации похорон царской семьи в Петропавловском Соборе – традиционном месте упокоения Романовых со времен Петра I.

Однако работа комиссии Ярова была парализована. Причина состояла в том, что Священный Синод Русской Православной Церкви не признавал идентификацию «екатеринбургских останков» методами современной науки и требовал «подтвердить или опровергнуть ритуальный характер убийства», то есть использовать перезахоронение царских останков как повод для нового Дела Бейлиса.

С мертвой точки работа комиссии сдвинулась в декабре 1997 года, когда президент Ельцин поставил во главе ее другого вице-преьера: молодого, энергичного реформатора Бориса Немцова. Ему было поручено в короткий срок завершить работу с тем, чтобы в 80-ю годовщину убийства, то есть 17 июля 1998 г., могли состояться официальные похороны царской семьи. Возможно, инициатива исходила от самого Немцова, которого побудил к этому его советник Виктор Аксючиц, «монархист умеренных национал-патриотических взглядов»⁴⁹.

В вопросе о «ритуальном характере убийства» Немцов не усмотрел неловкости, заявив, что считает его столь же законным и уместным, как и любой другой вопрос. Этим давалась правительственная санкция на превращение средневекового мифа о ритуальном каннибализме евреев в предмет озабоченности государственной вла-

сти. Немцов, видимо, исходил из «прагматических» соображений, не видя иного выхода из патовой ситуации, ибо без официального согласия церкви похоронить царскую семью с надлежащими почестями было невозможно.

Следственная комиссия генеральной прокуратуры под председательством прокурора-криминалиста В.Н. Соловьева должна была снова открыть давно завершенное дело и заново проанализировать все материалы. Всё было пересмотрено, кое-что уточнено. В результате было принято «Постановление о прекращении уголовного дела № 18/123666-93». Думаю, что по детальной проработке всех обстоятельств, связанных с убийством царской семьи, обнаружением ее останков и их идентификацией этот документ не имеет себе равных в мировой криминалистике⁵⁰.

В Постановление включена все история обнаружения и идентификации «екатеринбургских останков». Подробно изложено, как «екатеринбургские останки», найденные Г.Т. Рябовым и Н.А. Авдоным, первоначально были исследованы традиционными методами, для чего были привлечены судебно-медицинские эксперты, историки, архивисты, анатомы, стоматологи и другие специалисты Министерства здравоохранения, Московского медицинского университета, Московского стоматологического института, научных учреждений Воронежа, Екатеринбурга. Было уставлено количество захороненных трупов (девять), их половая принадлежность (пять женщин и четверо мужчин), возраст и родственные отношения убитых. Портреты жертв, воссозданные на основании анатомических исследований, были сопоставлены с сохранившимися фотоснимками царя, царицы и их детей, а также погибшей с ними обслуги. Все это позволило с высочайшей долей вероятности установить, что останки принадлежали девяти лицам из одиннадцати, расстрелянных в подвале Ипатьевского дома, а затем захороненных в общей могиле в Поросенковом Логу. Удалось даже с высокой долей уверенности установить, что из двух младших дочерей царя, в общей могиле была захоронена 17-летняя Анастасия, а не 19-летняя Мария.

Результаты экспертизы, проведенной традиционными методами, были затем перепроверены новейшими методами молекулярно-генетической диагностики, которая проводилась не только в российских лабораториях, но в лабораториях Великобритании и

США. Выводы, к которым привела всесторонняя экспертиза в 1995 году, были вполне однозначными и позволили прекратить дело. Три года спустя, из-за «несогласия» руководства Русской православной церкви (РПЦ), все исследования были проведены заново. И полностью подтверждены.

Особое внимание в Постановлении о прекращении дела 1998 года обращает на себя раздел № 9: *«Проверка различных версий о гибели членов Российского императорского дома либо об их спасении»*. В десяти подразделах этого раздела рассмотрены все версии, ставящие под сомнение идентификацию «екатеринбургских останков». Даже самым нелепым из них уделено пристальное внимание. Такова версия *«о “чудесном спасении” царевича Алексея Николаевича и его сестер»* (подраздел 9.8), версия *«о возможном отсечении голов Николая II и других членов царской семьи сразу после убийства»* (подраздел 9.10), версия *«о возможной фальсификации так называемой “записки Юровского”»*. Наибольшее внимание уделено версии *«о так называемом “ритуальном убийстве” и участии в убийстве царской семьи неких “тайных сил”»* (подраздел 9.1)⁵¹.

В заключительной части Постановления (разделы 10-12) рассмотрены обстоятельства гибели великого князя Михаила Александровича и других членов дома Романовых, названы имена их палачей.

Вывод остался прежним:

«Мотивы такого решения [об убийстве царской семьи] носили политический характер и никак не были связаны с какими-либо религиозными тайными культами. Среди большевиков, принимавших такое решение, лица еврейского происхождения находились в меньшинстве: из 5 членов Президиума Уралсовета 1 еврей, из 6 членов коллегии Уральской областной Чрезвычайной комиссии 2 еврея. ...Среди них не было ни одного человека, активно участвовавшего до и после революции в каких-либо религиозных организациях. Можно с уверенностью сказать, что все участники решения о расстреле царской семьи, в том числе и в Кремле, как и исполнители приговора, были людьми нерелигиозными. Принятие решения о расстреле царской семьи не было связано с какими-либо религиозными или мистическими мотивами. Его определило в основном настроение руко-

водства и широких масс Урала, а поводом стало обострение военной обстановки и близость падения Екатеринбурга»⁵².

Казалось бы, убедительно!

Не для всех.

«Работа комиссии вызывала раздражение черносотенных, ультра националистических кругов. Проведенные исследования ставят под сомнение привлекательную для них версию «ритуального убийства» - царя-де убили евреи согласно своим тайным обрядам. Примечательна резолюция, которую принял III съезд Союза православных братств: выводы комиссии были названы «подлогом» – «для того, чтобы скрыть ритуальный характер преступления»»⁵³.

Пытаясь выйти из тупика, вице-премьер Немцов обсудил проблему с патриархом Алексием II, после чего «появилась абсолютная уверенность, что с идентификацией больше проблем нет – под Екатеринбургом найдены останки царя, его близких»⁵⁴.

Принятие формального решения о захоронении царской семьи было вынесено на заседание правительства, назначенное на пятницу 27 февраля 1998 года. А утром того дня, в Свято-Даниловском монастыре, состоялось заседание Святейшего Синода, который принял компромиссное решение. Синод опять не признал «екатеринбургские останки» царскими, но согласился с тем, что они «принадлежали жертвам богоборческой власти» и предлагал «провести безотлагательное погребение их в символической могиле», ибо «церковь сомневается в их [останков] принадлежности и, дабы не смущать паству, не ввергать в поклонение ложным останкам, считает нужным поместить кости в склепе ... поверх земли, чтобы были доступны для будущих исследований»⁵⁵.

Заседание правительства длилось три с половиной часа – вместо одного часа, как было намечено. О том, что на нем происходило, рассказал журналистам прокурор-криминалист В.Н. Соловьев:

«[Заседание началось] с полной неожиданности в виде решения Синода... Наступила не то, что общая растерянность, но удивление и недоумение: как поступить дальше? Ведь без участия церкви царских похорон быть не может. За кого она будет молиться?»⁵⁶

После заседания к представителям прессы вышли растерянный Немцов и уверенный митрополит Ювеналий. Оба торжественно

сообщили, что решение произвести погребение 17 июля 1998 года было единодушным. Открытым остался «только» один вопрос: *чьи* останки будут хоронить?

«Каких-либо исследований по инициативе Церкви не проводилось, зато горячо приветствовались “несанкционированные” государством»⁵⁷.

Одним из таких «черных экспертов» стал доктор Л.А. Животовский, сотрудник академического Института общей генетики им. Н.И. Вавилова. К работе по идентификации «екатеринбургских останков» он привлечен не был, хотя, вероятно, этого очень хотел, и считал себя незаслуженно обойденным. Его узкая специальность – изучение популяций вьюновых рыб, в чем он и его сотрудники, похоже, добились серьезных успехов. Но это «далеко не то же самое, что идентификация личности», как заметила Наталья Розанова⁵⁸.

Доктор Животовский перечислил аж семь пунктов, по которым Комиссия генеральной прокуратуры, по его мнению, «нарушила основной принцип генетической идентификации личности». Так сказано в его докладе «Генетическая идентификация “екатеринбургских останков” проблематична». Доклад датирован 24 июля 1998 г., а в примечании к нему сказано: «Эта точка зрения и указанные возражения высказывалась мною неоднократно в рецензиях, печати, публичных выступлениях, и по московскому телевидению, начиная с декабря 1997 г.». Вот эти возражения:

Все ДНК-исследования должны проводиться несколькими независимыми экспертными группами и соответствующим образом документироваться.

Для ДНК-исследований должны быть использованы только апробированные методы, широко используемые в практике идентификации личности.

Для идентификации предполагаемых останков царя Николая II и других лиц из «екатеринбургского захоронения» необходимо исследовать, помимо митохондриальной ДНК, ещё и ядерную ДНК.

Необходимо провести ДНК-исследование всех основных частей скелета, в первую очередь черепа.

При вычислении вероятности ДНК-идентификации надо с необходимостью использовать генетические данные по населению России.

Расчёты величины вероятности ДНК-идентификации необходимо должны учитывать все выдвигаемые версии о происхождении захоронения и обнаруженных в нём останков.

Величина вероятности ДНК-идентификации предполагаемых останков царя Николая II Романова (как и других останков «екатеринбургского захоронения») должна быть столь большой, чтобы не было сомнений в уникальности генотипа останков⁵⁹.

Все семь «возражений» д-ра Л.А. Животовского либо абсурдны, либо недобросовестны – это видно невооруженным глазом.

Так, в первом пункте говорится, что изучение ДНК должно проводиться несколькими исследователями независимо друг от друга. Но так и проводилась молекулярно-генетическая экспертиза. Останки, как указывалось, изучались не только в России, но и в наиболее авторитетных лабораториях Великобритании, США, Канады.

Сродни «возражение» в пункте 3: генетические исследования трупа № 4 (царя Николая II) должны быть проведены не только на митохондриальной ДНК, но и на ядерной. Должны, конечно, должны! Неужели д-р П.Л. Иванов и другие генетики-криминалисты до этого не додумались? Додумались, исследовали и получили то, что ожидали. Неожиданной оказалась одна мутация в митохондриальной ДНК – потому ей и было уделено особое внимание.

В Пункте 4 выдвинуто требование исследовать *все* основные части скелета, в первую очередь череп. Оно совершенно абсурдно и говорит об отсутствии у «возражателя» гена здравого смысла. ДНК всех клеток тела идентична, нет никакой разницы, из какой части скелета взят материал. Важно совсем другое: чтобы материал был взят не с поверхности кости, а извлечен изнутри, дабы в нем не было посторонних примесей.

Д-р Животовский писал, что его математические расчеты определяют степень вероятности того, что эти останки принадлежат царской семье, в 98,6 процента, а этого недостаточно. Свои расчеты он обещал привести позднее, но ни в одной из публикаций их не привел.

Вот комментарий академика Георгия Павловича Георгиева:

«Ключевым вопросом является вероятность ошибки 1:100 (утверждение Животовского) или 1:10⁸ (данные Иванова). <...>

Ключевой факт – обнаружение той же самой мутации и, соответственно, двух типов ДНК у его брата Георгия Александровича Романова. Это сразу снижает вероятность ошибки до 1: 10⁸. Вывод является абсолютно однозначным»⁶⁰.

Вывод вполне однозначен для здравомыслящих специалистов, но не для д-ра Животовского. Позднее, во время стажировки в Стэнфордском университете (США), он опубликовал статью в соавторстве с американскими коллегами (д-р Найт и другие). Костного материала «екатеринбургских останков» у них не было, а была фаланга пальца великой княгини Елизаветы Федоровны. Родная сестра царицы Александры Федоровны, она, как мы помним, после убийства эсером И. Каляевым ее мужа, великого князя Сергея Александровича, постриглась в монахини. Это не спасло ее от большевистского террора, но ее почитателям удалось вывезти труп из Советской России и похоронить в Иерусалиме.

Анализ материала, полученного от епископа Антония (Грабе) из Нью-Йорка, обнаружил несходство ДНК Елизаветы с опубликованными данными о ДНК скелета № 3. Но такое же несходство обнаружилось и с ДНК их ближайшего родственника, принца Филиппа. Объяснение могло быть только одно: генетический материал великой княгини Елизаветы оказался загрязненным.

О том, насколько легкомысленна была публикация Найта-Животовского, говорит, к примеру, такой пассаж в их статье: *«Вблизи Екатеринбурга имеется много неглубоких могил, в которых захоронены целые семьи, напоминающие исследуемые останки».* Разумеется, ничего подобного *вблизи Екатеринбурга* не имелось. Не знаю, бывал ли там д-р Животовский, а д-р Найт, конечно же, не бывал. Значит, подмахнул текст, доверившись российскому соавтору.

К удовольствию ритуалистов, объявился еще один «возражатель» с научной степенью: японский ученый Т. Нагаи. Он исследовал *«клочок одежды Николая II, на котором удалось обнаружить следы царского пота»*, а также фрагменты скелета его брата, великого князя Георгия (волосы, ногти, фрагмент нижней челюсти), которые ему «подарил» один из членов экспертной комиссии, профессор В.Л. Попов. Попов активно участвовал в идентификации «екатеринбургских останков» и нисколько не сомневался в том, что скелеты 3-7 принадлежат царю, царице и трем их дочерям. Об этом он пи-

сал до и после экспертизы, проведенной в Великобритании и США. Сомневаться он начал после того, как в захоронении обнаружилось два коренных зуба, которые он ошибочно определил как «зубы подростка», то есть царевича Алексея (более точными исследованиями было установлено, что эти два зуба принадлежали Анастасии).

Вскрытие могилы великого князя Георгия было произведено при условии, «что все взятое для экспертизы должно быть возвращено и захоронено»⁶¹. Это, однако, не помешало В.Л. Попову утаить фрагменты скелета и передать их д-ру Нагаи, что, прямо скажем, не очень этично. Тем более, что Попов публично заявлял, что считает изъятые из могилы Георгия останки подложными, а передал фрагменты профессору Нагаи как подлинные.

Заявление д-ра Нагаи в одном из интервью, что сопоставление останков Георгия и «следов пота» самого Николая противоречат выводам Комиссии по идентификации, вызвало сенсацию, которая так обрадовала вдову Т.Н. Куликовского, что она предоставила японскому ученому образцы крови своего мужа. Ждали новой сенсации, но обещанной научной статьи Т. Нагаи так и не написал. Вероятнее всего, опыты с ДНК Куликовского не подтвердили близость к ДНК «следов царского пота», что объяснялось биологическим загрязнением материала. Японский ученый оказался вне игры. Л.А. Животовский остался в гордом одиночестве, ибо другого ученого с репутацией видного генетика, который бы столь упорно оспаривал безупречность молекулярно-генетической экспертизы «екатеринбургских останков», не оказалось⁶². Зато «патриотов» в светском и церковном облачении, которые охотно опираются на научный авторитет видного генетика доктора Животовского, предостаточно.

По постановлению Синода, патриарх Алексей II отказался участвовать в похоронах, и то же было рекомендовано всем епископам. В качестве *компромисса*, рядовым священникам не возбранялось отпевать «екатеринбургские останки», а некоторым даже рекомендовали, хотя более радикальные красно-коричневые патриоты требовали на своих сходах, чтобы никто из духовенства в нем не участвовал.

Афронт настолько смутил президента Ельцина, что он тоже решил не появляться на похоронах. Это вызвало цепную реакцию от-

казов со стороны высших чинов правительства и депутатов Думы. Но в последний момент Ельцин все-таки приехал, отозвавшись на страстный призыв всеми почитаемого академика Д.С. Лихачева.

В телевизионном обращении накануне похорон Борис Ельцин сказал:

«Долго раздумывая, разговаривая со многими нашими гражданами России, особенно работниками культуры, я пришел к выводу, что мне надо поехать завтра в Санкт-Петербург на захоронение останков царя Николая II и его семьи. Считаю это как покаяние нашего поколения перед ними. 80 лет эту правду скрывали, о ней ничего не говорили. И надо завтра эту правду сказать, а мне там принять участие. Это будет по-человечески справедливо»⁶³.

По-человечески или по-божески?

Похороны были крайне двусмысленными. Останкам вроде бы отдавались царские почести, и – не отдавались. Священники в своих молитвах не называли имен тех, кого хоронили. «Екатеринбургским останкам» было отказано лежать в традиционной усыпальнице Романовых в Петропавловском Соборе. Их пристроили в боковом притворе собора.

Для того, чтобы *не смущать паству*, как заявляли церковные владыки? Как раз напротив: чтобы *смущать*! Дабы не затухали пересуды о *еврейском ритуальном цареубийстве*, от коего-де и пошли все российские беды.

В 1998 году Николай II еще не был официально канонизирован Русской православной церковью, но влиятельные церковные круги добивались его канонизации. А, значит, и поклонения царским останкам как *святым мощам*. Для этого им нужен был царь-великомученик, *убиенный от евреев*. Святость царя, *убитого большевиками*, лишь усилила бы разлад церкви с компартией, которая после падения советской власти стала стратегическим и тактическим партнером национал-патриотов православно-монархического толка. Глава богоборческой компартии Геннадий Зюганов, став другом православной церкви, был озабочен тем, чтобы «отразить духовную агрессию заморских проповедников и тоталитарных сект, мутным потоком обрушившихся на Россию». Компартии остро недоставало «внутренних и внешних врагов, объединенных стремлением лишить Святую Русь ее духовного богатства, оторвать русский народ

от его исконных святынь». Она поднялась на защиту Святой Руси от «соблазнов экуменизма, стремящегося растворить Православие в “плавильном котле” единой “мировой религии”, грозя[щей] Русской Церкви тяжелыми внутренними потрясениями»⁶⁴.

Такой альянс не был случайным: в руководстве церкви доминировали недавние агенты влияния и просто агенты КГБ. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II (в миру Ридигер Алексей Михайлович), академик Российской академии образования, почётный член Российской академии художеств, лауреат Государственной премии, доктор богословия и прочая, и прочая, и прочая, с 1958 года был завербованным агентом КГБ по кличке Дроздов. КГБ высоко ценил его услуги и способствовал продвижению по лестнице церковной иерархии. «Согласно исследованию Кристофера Эндрю и Василия Митрохина *The Mitrokhin Archive*, в 1975 году А. Ридигер основал общество “Родина”, служившее организацией прикрытия для деятельности КГБ; деятельность “Родины” курировалась офицером ПГУ КГБ СССР П. И. Васильевым. Публикации о сотрудничестве “Дроздова” с КГБ были основаны на документах архивов КГБ, к которым был получен официальный доступ рядом лиц в конце 1991 года»⁶⁵.

«Ряд лиц», получивших доступ, это, в первую очередь, известный диссидент, священник, борец за права верующих Глеб Якунин (1934-2014). После того, как, благодаря его архивным исследованиям, стало известно, что агент КГБ Дроздов и патриарх Алексей II – одно и то же лицо, положение Алексея в церкви не пошатнулось. А Глеб Якунин, который в советское время подвергался гонениям как борец за права верующих, в последние годы жизни подвергался гонениям со стороны руководства церкви. Он был лишен сана, отлучен и предан анафеме.

Показательна и такая подробность. В феврале 1974 году, когда А.И. Солженицын был лишен советского гражданства и насильственно выслан из страны, митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (Ридигер) *благословил* «правильную и даже гуманную» акцию, заявив, что «церковные люди полностью одобряют это решение и считают, что к А. Солженицыну и ему подобным применимы слова апостола Иоанна Богослова: “Они вышли от нас, но не были наши”». А в 1998 году патриарх Алексей II торжественно вручил

Солженицыну орден святого благоверного князя Даниила Московского. Солженицын, гордо отвергнув награду президента Ельцина, *эту с благодарностью принял*. Бывший агент Дроздов и бывший агент Ветров зла друг на друга не держали.

У меня нет сомнений, что если бы опирающаяся на науку судебно-медицинская экспертиза не отвергла мракобесную версию *ритуального убийства царской семьи*, а оставила бы для нее хотя бы небольшую лазейку, Священный Синод РПЦ с готовностью одобрил бы идентификацию «екатеринбургских останков». Патриарх возглавил бы службу в Петропавловском Соборе, и царская семья была бы торжественно похоронена, как того требовала вековая традиция.

К религии все это отношения не имеет. Естественное сочувствие миллионов людей к трагической судьбе царской семьи российские национал-патриоты переплавляют в свой политический капитал.

Рекордсмен по части разоблачений *еврейского заговора* Олег Платонов писал о *ритуальном убийстве Николая II* уже не как о предполагаемом, а как об установленном факте⁶⁶ Платонова никак не назовешь одиноким стрелком, донкихотски воюющим с ветряными мельницами еврейского сатанизма. В погоне за антисемитскими материалами он объездил весь мир. Только в Соединенных Штатах, по его словам, он побывал семь раз, месяцами колеся по стране, работая в архивах и библиотеках ведущих исследовательских центров и университетов. Он публиковал свои изыскания толстыми томами, причем больше половины каждого тома занимала перепечатка «классики» антисемитизма. Тома выходили в твердых кожаных переплетах, на мелованной бумаге самого высокого качества, с цветными иллюстрациями. Продавались по демпинговым ценам, так что были заведомо убыточными. Хотя Россия переживала тяжелый финансовый кризис, нагнетание ненависти к евреям и, в особенности, пропаганда кровавого навета щедро финансировались. Главным покровителем Олега Платонова был митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). Он почил в 1995 году, но отважный борец с сионистско-масонским заговором без покровителей не остался.

Роли были неплохо распределены. Коммунисты добивались

импичмента президента Ельцина – за покровительство евреям, «организовавшим геноцид русского народа», а Святейший Синод отказывался отпевать царские останки, дабы не похоронить вместе с ними ритуальную версию цареубийства.

Прокурор-криминалист В.Н. Соловьев:

«В 2000 году Архиерейский собор Русской православной церкви канонизировал семью императора Николая II в чине страстотерпцев. Но Церковь официально не признала останки семьи последнего императора святыми мощами. Когда в Петропавловский собор для богослужения входят высокие церковные чины, двери в Екатерининский придел закрываются. Так случилось, когда в соборе проходило перезахоронение останков матери императора Николая II, вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Ни разу правящий архиерей, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир (Котляров) не разрешил проведение богослужений в этом церковном приделе. Каждый день в тысячах храмов у икон царственным страстотерпцам приносятся молитвы, но получается, что сами святые мощи священноначалию не нужны»⁶⁷.

После канонизации царской семьи у Синода появился еще более веский аргумент в пользу того, что это *не те останки*: ведь они теперь стали *святыми мощами* и, значит, должны творить чудеса. А коль скоро чудес не происходят, то это не царские мощи, а черт знает что.

Как тут не вспомнить святую католическую инквизицию, отправившую на костер Джордано Бруно и принудившей к «покаянию» Галилея. С тех пор прошло полтысячи лет, католическая церковь за эти пять веков кое-чему научилась. Но не православные «патриоты».

Царевич многострадальный

Еще одной зацепкой для идеологов непризнания останков царскими служило то, что в Поросенковом Логу были найдены девять скелетов, а не одиннадцать. Это, правда, подтверждало свидетельство Я.М. Юровского, что два трупа были сожжены. Но кто сказал, что Юровский написал правду? Да и подлинность его Записки ритуалисты упорно ставили под сомнение.

Однако два недостающих трупа волновали не только ритуалистов. Последователи Гелия Рябова долгие годы не прекращали поиски. Да, два трупа были сожжены, но не дотла же! Не может быть, чтобы от них ничего не осталось!

Летом 2007 года, в 70 метрах от основного захоронения, на слегка возвышенном и потому относительно сухом месте, были обнаружены следы давнего кострища. А в нем – обугленные кости...

На том, как было сделано это поразительное открытие, я останавливаться не буду, интересующих отсылаю к эпилогу книги Наталии Розановой⁶⁸.

Прокурор-криминалист В.Н. Соловьев писал:

«Когда в 2007 году неподалеку от первого захоронения нашли сожженные останки мальчика и девушки, я в первом же интервью, данном “МК”, сообщил: “Церковь информирована о находке, мы открыты для общения и участия православных ученых в исследованиях”. После обнаружения останков участники раскопок направили подробные сообщения об открытии патриарху Алексию II и архиепископу Екатеринбургскому и Верхотурскому Викентию (Морарю). В октябре 2007 года антропологи и стоматологи сообщили, что пришли к единому выводу: фрагменты костей и зубы, обнаруженные неподалеку от останков царской семьи, принадлежат мальчику 12-14 лет и девушке 17-19 лет»⁶⁹.

Это совпадало с возрастом царевича Алексея и одной из младших великих княжон: Анастасии и Марии.

«Стало ясно, что необходимы сложные и дорогостоящие генетические исследования. Учитывая то, что наука шагнула вперед, исследования проводили “с нуля”, не только по находкам 2007 года, но и по останкам, поднятым в 1991 году»⁷⁰.

Молекулярно-генетический анализ, проведенный «с нуля», по последнему слову науки, во-первых, снова полностью подтвердил идентификацию девяти скелетов основного захоронения, и, во-вторых, установил ближайшее генетическое родство скелетов царя, царицы и их трех дочерей с останками, найденными в кострище. В-третьих, в ДНК сожженного мальчика был обнаружен дефектный ген, ответственный за несвертываемость крови (гемофилию). Такой же ген был у скелета № 3 – Александры Федоровны, что и следовало ожидать: рецессивный ген передается по женской линии, а проявля-

ется у мужчин. Никаких сомнений в том, что сожженным мальчиком был царевич Алексей, не могло быть.

Относительно женского скелета не могло быть сомнений, что он принадлежал четвертой дочери царя и царицы, родной сестре трех великих княжон, найденных в основном захоронении. Более детальные исследования показали, что она была младше двух старших дочерей царя, Ольги и Татьяны, но старше самой младшей, Анастасии. Триумфальное подтверждение выводов предыдущей экспертизы о том, что в основном захоронении самой младшей дочерью царя была именно Анастасия, а не Мария. Финишная лента в затаяншемся марафоне была пересечена.

Но-о-о!..

В.Н. Соловьев: *«12 апреля 2008 года вместе с начальником Свердловского областного бюро судебно-медицинской экспертизы Николаем Невוליным я встретился с архиепископом Екатеринбургским и Верхотурским Викентием. К этому времени русским генетиком Евгением Рогаевым были получены первые результаты, подтверждающие принадлежность останков царской семье. Двухчасовая беседа с архиепископом не дала ничего. Он ссылаясь на то, что не имеет к проблеме никакого отношения, а по всем вопросам необходимо беседовать лично с патриархом. Вскоре на православных сайтах появилась информация о том, что архиепископ Викентий устроил встречу патриарха Алексия II с православными учеными Екатеринбурга — доктором медицинских наук, профессором, заведующим кафедрой биологии Уральской медицинской академии Олегом Макеевым и доктором медицинских наук, профессором Уральского гуманитарного института, протоиереем Сергием Вогулкиным. Протоиерей Сергей Вогулкин широко прославился тем, что для повышения успеваемости студентов заправлял кофейные автоматы в институте святой водой (!!?) – С.Р.). Ученые, не побеседовав ни с одним из экспертов, не изучив ни одного документа экспертизы, заявили: “Методика, которая была использована, до сих пор ни одним судом в мире не признается как доказательство. Если бы сегодня в суд были представлены все материалы дела об убийстве царской семьи, то они были бы возвращены для дополнительного расследования”.*

27 мая 2008 года я написал очередное письмо священноначалию: *“Сейчас я отбираю независимых специалистов для оценки работы.*

У меня просьба: назвать имена специалистов, которых я, несомненно, включу в экспертные группы по истории и идентификации. Они могут в рамках экспертизы высказать особое мнение, и Вы всегда будете иметь полную и достоверную информацию о происходящем”. Одновременно Церкви передавалась подробная информация о ходе следствия. Несмотря на это, в телеинтервью от 17 июля 2008 года митрополит Воронежский и Борисоглебский Сергей (Фомин) сообщил: “Закрытая комиссия, куда не допускается вообще никто, что-то там делает, куда-то что-то возит, а потом говорит: давайте почитайте это как мощи! (...) мы имеем дело с каким-то дьявольским желанием посмеяться над Церковью! И все время толкают Церковь на этот путь: объявить эти останки святыми мощами и заставить им поклоняться. ...А если эти „царские останки“ вовсе не царские? А если это останки безбожника, убийцы, сатаниста?! Вот к чему нас толкают, вот к чему призывают!”

Проблема останков царской семьи попала в замкнутый круг. Если следствие предоставляет материалы об исследовании, то это “навязывание выводов”, если материалы не предоставлены, то “закрытая комиссия”...»⁷¹.

Не могу не восхититься дипломатичностью прокурора-криминалиста В.Н. Соловьева. То, что он вежливо назвал замкнутым кругом, на более простом, да и на юридическом языке, которым он владеет лучше меня, называется саботажем.

В.Н. Соловьев: «События последних лет убедили меня, что попытка достучаться до священноначалия — это “глас вопиющего в пустыне”. Архиепископу Екатеринбургскому и Верхотурскому Викентию не нравится, что на его территории находится место, где были обнаружены тела царской семьи. Он добился того, чтобы на месте исторического мемориала обустроили православное кладбище. Его поддержали местные власти. Недавно праздновалось 80-летие со дня рождения Бориса Ельцина, и никого не остановило то, что первую свою покаянную клятву Ельцин давал перед гробами царской семьи, останки которой нашли на месте, подготовленном в 2010 году под уничтожение. Ни один из священников не выступил в защиту святого места, и только суд остановил архиепископа. Как коммунисты уничтожили дом Ипатьева, он [архиепископ Викентий] решил уничтожить место, где находилась могила царя.

Я недавно побывал в Екатеринбурге. Поехал к “мостику из шпал”. Запустение, снег по пояс, строительный мусор рядом с мемориалом. Уральцы сравнивают место, где пытались скрыть и уничтожить тела членов царской семьи, с Голгофой. Известен путь, по которому чекисты везли тела убитых. Раньше по этому пути проходили крестные ходы. К приезду патриарха Кирилла [патриарх Алексей II почил 5 декабря 2008 г.] в апреле 2010 году историю “подправили”. Дорога уже не проходит мимо “мостика из шпал”, ее спрямили. Она уже никакого отношения не имеет к трагическому пути, описанному следователем Соколовым...»⁷².

Чем же вызвано несокрушимое упорство церковного руководства?

На это В.Н. Соловьев дал ясный и вполне однозначный ответ:

«Официальный представитель Церкви протоиерей Всеволод Чаплин высказался “о необходимости более детально исследовать вопрос о возможных оккультных и идеологических мотивах к преступлению”. Большая часть православных авторов утверждают, что правда об убийстве царской семьи содержится только в книгах следователя Соколова, генерал-лейтенанта Дитерихса и английского репортера Роберта Вилтона [Уилтона]. Особый акцент делается на “оккультных корнях” гибели царской семьи.

“Оккультные корни” — путь в мистику. Для большинства приверженцев теории “ритуального убийства” царя – возвращение к антисемитским проповедям колчаковского генерала Дитерихса, утверждавшего, что “еврейский народ есть то зло, тот наро сынов Лжи, который стремится возродить на земле свое царство, царство антихристианское и покорить ему Христианский мир...”. По его мнению, евреи были “источником почти всех социальных катастроф, периодически посещавших мир... евреи изуверски уничтожили Царскую Семью. Евреи виновники всех зол, постигших Россию”.

Следствие категорически утверждает, что убийство царя не религиозное и “оккультное”, а политическое. То же сказал Президиум Верховного суда России. Но благодаря мнению представителя РПЦ Чаплина в души православных вползает гнилая “оккультная песня”. Вновь ставятся под сомнение выводы Синодальной комиссии по канонизации святых и Архиерейского собора 2000 года, указавших, что “оккультных корней” в убийстве царской семьи нет. “Оккульт-

ные корни” в следственном деле по убийству царя искали Гитлер и Розенберг (уголовное дело Соколова в 1946 году было найдено в архиве Рейхсканцелярии). Они собирались использовать материалы следователя для пропаганды борьбы с евреями, но не смогли найти в убийстве русского царя признаков “ритуального” убийства. К тому, от чего отказались Гитлер и Розенберг, ненавязчиво ведут “сомнения” Чаплина»⁷³.

Прокурор-криминалист В.Н. Соловьев задается вопросом: «как хоронить Алексея и Марию? Отправить останки наследника императора на забытое Богом муниципальное кладбище и похоронить среди невостребованных трупов? Без Церкви вопрос не решить, а Церковь решать не хочет. Прецедент есть. Несмотря на государственный характер захоронения, императора Николая II отпели как “бомжа”. Что ж говорить о его несчастных детях? Не могу достучаться до окаменевших сердец епископов и вымолить у них хотя бы сочувствия к погибшим царским детям — жертвам Гражданской войны»⁷⁴.

Признав царя, царицу и их пятерых детей святыми великомучениками, церковные иерархи не испытывают элементарного сочувствия к их мученической судьбе.

Так где же похоронены царевич Алексей и царица Мария?

Новое начало вместо конца

Процитированная статья В.Н. Соловьева датирована январем 2011 года.

А вот сообщение ТАСС от 11 февраля 2015 года:

«Заключение о подлинности останков цесаревича Алексея и великой княжны Марии, найденных в 2007 году, Русская православная церковь ставила под сомнение. Согласно распоряжению правительства РФ, предполагаемые останки цесаревича Алексея и великой княжны Марии Романовых переданы на ответственное хранение РПЦ и будут изучены специалистами. Ранее предполагалось, захоронение останков царских детей - цесаревича Алексея и великой княжны Марии - может состояться в феврале этого года»⁷⁵.

Так предполагалось в начале 2015 года.

Но захоронение снова было отложено.

На неопределенный срок.

В сообщении ТАСС подчеркивалось, что правительство давно готово провести церемонию, но церковь не готова. Она продолжает что-то выяснять. А поскольку «церемония должна не разъединять, а соединять» церковь и государство», то «сроки конкретные (захоронения) сейчас не ставятся, мы представителей церкви не торопим», – заявил собеседник [представитель кабинета министров]»⁷⁶.

27 ноября 2017 года, в Москве, в Сретенском монастыре, состоялась Конференция на тему: «Дело об убийстве царской семьи».

Сообщение о ней было опубликовано под заголовком: «В РПЦ не исключают, что убийство Николая II и его семьи было ритуальным».

Конференция проходила под председательством патриарха Кирилла, ведущим докладчиком выступил епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов). (В прессе его называют «духовником» президента В.В. Путина).

В своем докладе епископ Тихон *«сообщил о возможном ритуальном характере убийства Николая II и его семьи»* и подчеркнул, что *«этой версии придерживается значительная часть церковной комиссии по изучению результатов исследования останков, найденных под Екатеринбургом. «У нас самое серьезное отношение к версии ритуального убийства. Более того, у значительной части церковной комиссии нет сомнений в том, что это так и было»*, – сказал владыка Тихон, являющийся секретарем церковной комиссии (цитата по ТАСС)»⁷⁷. (Жирный шрифт мой. – С.Р.)

От имени Следственного комитета Российской Федерации на Конференции выступила старший следователь по особо важным делам Марина Молодцова. Она сообщила, что «следственный комитет планирует выяснить, не являлся ли расстрел царской семьи ритуальным убийством».

Значит, следственное дело по идентификации «екатеринбургских останков», трижды завершённое большой группой ученых разных специальностей, под руководством прокурора-криминалиста В.Н. Соловьева, открыто в четвертый раз.

Теперь уже, как можно понять, его будет вести не прокурор-криминалист В.Н. Соловьев, а старший следователь М. Молодцова.

«Следствием планируется назначение психолого-исторической судебной экспертизы для разрешения вопроса, связанного в том числе и с возможным ритуальным характером убийства царской семьи», – сказала сотрудница СКР, которую цитирует РИА «Новости»⁷⁸.

Молодец, Молодцова! Кому, в самом деле, нужна эта митохондриальная ДНК и прочие премудрости молекулярной генетики. Дашь *жидо-масонский заговор* против России и всего прогрессивного человечества! А «екатеринбургские останки» пусть полежат. Они хлеба не просят.

Ждали сто лет, еще подождут.

¹ Цит. по: Царская семья: последние дни. Постановление о прекращении уголовного дела № 18/123666-93. Постановление от 17.07.1998 г. Подпись: Старший следователь Главного следственного управления Генеральной прокуратуры РФ, старший советник юстиции Соловьев В.Н. <http://www.nik2.ru/documents.htm?id=267> Распечатка на 55 страницах в архиве автора, С. 7.

² Там же, С. 8.

³ Там же, С. 9-10.

⁴ Там же, С. 14.

⁵ Убийство царской семьи. Википедия.

⁶ Плотников Иван. О команде убийц царской семьи и ее национальном составе. <http://pravoslavnaa.livejournal.com/129825.html>

⁷ Из рассказа Я. М. Юровского о расстреле царской семьи на совещании старых большевиков в г. Свердловске. «Сборник документов, относящихся к убийству Императора Николая II и его семьи, 1999. <http://rus-sky.com/history/library/docs.htm#16>», Док. № 9. Компьютерная распечатка в архиве автора.

⁸ Розанова Н., Ук. соч. 131. Орфография и пунктуация в цитатах сохранены.

⁹ В.Н. Соловьев. Сравнительный анализ документов следствия 1918-1924 гг. с данными советских источников и материалами следствия 1991–1997 гг. <http://nikolai2.ru/sravnitelnyj-analiz-dokumentov-sledstviya-1918-1924-gg-s-dannymi-sovetskih-istochnikov-materialami-sledstviya-1991-1997-gg.html>

¹⁰ Н. Розанова, Ук. соч. Стр. 133.

¹¹ «Сборник документов...», Док. № 13, компьютерная распечатка, С. 47.

¹² Цит. по: Розанова Н., Ук. соч., С. 135.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, С. 136-137

¹⁵ Там же, С. 137.

- 16 «Сборник документов...», Док. № 9, компьютерная распечатка, С. 32.
- 17 «Сборник документов...», Док. № 15, распечатка С. 52.
- 18 Там же, Док. № 11, Распечатка, С. 42.
- 19 Розанова Н. Ук. соч., С. 153.
- 20 «Сборник документов...», Док. № 11, Распечатка, С. 42
- 21 Там же, С. 157-158.
- 22 Robert Wilton. The Last days of the Romanovs. London, Thornton Butterworth Limited, 1920; Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. Тт. 1-2. Владивосток, 1922; Соколов Н.А. Убийство царской семьи, «Слово», 1925.
- 23 См. С. Резник. Убийство Ющинского и Дело Бейлиса: К столетию процесса века. Спб., Алетейя», 2013.
- 24 «Сборник документов...», Док. № 15.
- 25 «Последние новости», № 974, 26.6.1923.
- 26 Н. А. Соколов. Убийство Царской семьи. «Слово», 1925, стр. 4.
- 27 Там же.
- 28 Дитерихс, Ук. соч., т. 1, стр. 325-326.
- 29 Имеется в виду *Циммервальдская конференция* левых социалистов-интернационалистов 1915 года, на которой была принята пацифистская резолюция, осудившая войну и призвавшая рабочий класс воюющих стран к неучастию в ней. В.И. Ленин предложил более радикальную резолюцию: о «превращении империалистической войны в гражданскую», но большинство делегатов его не поддержало.
- 30 Дитерихс. Ук. соч., Т. 1, С. 388
- 31 Дитерихс. Ук. соч., С. 273-274
- 32 Царская семья: последние дни. Расстрел. Обретение останков. <http://www.nik@.ru/documents.htm?id=267>, пункт 13. Компьютерная распечатка в архиве автора. С. 35
- 33 Wilton. Ук. соч., С. 26.
- 34 Быков П.М. Последние дни Романовых / Под ред. и с предисл. А. Тянёва. Свердловск: Уралкнига, 1926. 130 с., ил.
- 35 Олег Лекманов. Последний император, «Знамя», 2014, № 2. Трупы расстрелянных в доме Ипатьева были первоначально сброшены в шахту, об этом ниже.
- 36 Цит. по: Лыкова Л.А. Следствие об убийстве императорской семьи, С. 34; Розанова Н. Ук. соч., С. 197-198.
- 37 Рябов Г. Как это было. Романовы: Сокрытие тел, поиск, последствия. М., 1998, С. 23. Цит. по: Розанова Н. Ук. соч., С. 164.
- 38 Розанова Н., Ук. соч., С. 168.
- 39 Цит. по: Розанова, Н. Ук. соч., С. 205. Автор указывает, что «Воспоминания об отце» И.Н. Щелоковой хранятся в ее личном архиве.

- 40 Рябов Г. Как это было. С. 70. Цит. по: Розанова, Ук. соч., С. 207-208.
- 41 Розанова Н., Ук. соч., С. 209-210.
- 42 Розанова Н. Ук. соч., С. 220.
- 43 «Известия», 1994, 6 апреля.
- 44 В.Н. Соловьев, прокурор-криминалист. Что делать с мертвым принцем?
Русская Церковь не хочет хоронить царских детей. [http://www.grani.ru/
opinion/m.186337.html](http://www.grani.ru/opinion/m.186337.html)
- 45 Соловьев В.Н. Ук. соч. <http://www.grani.ru/opinion/m.186337.html>
- 46 Розанова Н. Ук. соч., С. 318.
- 47 <http://www.tzar-nikolai.orthodoxy.ru/ost/dum/3.htm>
- 48 Екатеринбургская трагедия: 90 лет спустя. Заочный Круглый стол НЖ,
«Новый Журнал», 2008, №251
- 49 А. Верховский, Е. Михайлова, В. Прибыловский. Политическая ксенофобия.
Радикальные группы-Представления политиков-Роль церкви. М., ООО
«Панорама», 1999, стр. 87.
- 50 См.: [http://nik2.ru/documents.htm?id=266; 267, 268, 269](http://nik2.ru/documents.htm?id=266;267,268,269). Компьютерная рас-
печатка большей части Постановления в архиве автора.
- 51 Компьютерная распечатка в архиве автора, С. 37-40.
- 52 «Московские новости», 1998, № 8, 1-8 марта, стр. 2.
- 53 Там же.
- 54 Элла Максимова. Кого будем хоронить. «Известия», 3 марта 1998.
- 55 Максимова, там же; Верховский и др., стр. 88.
- 56 Максимова, там же.
- 57 Соловьев В.Н. <http://www.grani.ru/opinion/m.186337.html>
- 58 Розанова Н. Ук. соч., С. 304
- 59 <http://www.redline.ru/~sbeljaev/dz.htm>
- 60 Цит. по: Розанова Н., Ук. соч., С. 308. Документ опубликован также в сбор-
нике «Четвертые Романовские чтения»: М. «Ява», 2000.
- 61 П.Л. Иванов, цит: по Розанова Н., Ук. соч., С. 329
- 62 О том, сколь «безупречна» научная репутация Л.А. Животовского, наглядно
демонстрирует его скандальная книга: «Неизвестный Лысенко» (2014, 2-е
изд. – 2016), в которой восхваляется палач советской генетики. Под флагом
так называемого мичуринского учения и при личном покровительстве
Сталина Лысенко разгромил генетику в СССР и лучших ученых-генетиков,
включая гениального Н.И. Вавилова, чье имя носит Институт, в котором
работает автор скандальной книги. Моя статья «Фарс или трагедия:
размышления над книгой Л. Животовского “Неизвестный Лысенко”»
(«Историко-биологические исследования», т. 8, № 1, 2016, С. 121-130)
опубликована в *Приложении*.
- 63 <https://yeltsin.ru/archive/video/51551/>
- 64 Цит. по: А. Верховский и др., стр. 85.

- 65 Википедия, статья Алексей П.
66 Платонов-1, стр. 346
67 <http://www.grani.ru/opinion/m.186337.html>
68 Розанова Н. Ук. соч., С. 480-507.
69 В.Н. Соловьев. Ук соч. <http://www.grani.ru/opinion/m.186337.html>.
Распечатка в архиве автора, С. 9.
70 Там же.
71 Соловьев В.Н. Ук. соч., распечатка, стр. 9-10.
72 Там же, С. 10-11.
73 Там же, распечатка, С. 11.
74 Там же, С. 12.
75 <http://tass.ru/obschestvo/2660077>
76 Там же.
77 Там же.
78 <https://www.newsru.com/religy/27nov2017/ritual.html>. Распечатка в архиве
автора.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

СЕМЕНУ РЕЗНИКУ – 80!

*Я на мир взираю из-под столика,
Век двадцатый – век необычайный.
Чем столетье интересней для историка,
Тем для современника печальней!*

Такой эпиграф в виде строфы из стихотворения Николая Глазкова избрал Семен Резник, предваряя свою новую книгу – тысячестраничную документальную сагу о великом ученом Николае Вавиллове.

Историку и современнику прошедший век (да и нынешний) видятся, выходит, по-разному. А если историк, современник, писатель, публицист, исследователь – в одном лице?! Тогда мы имеем дивный сплав – два десятка книг. В их числе научно-художественные биографии Н.И. Вавилова, И.И. Мечникова, В.О. Ковалевского, В.В. Парина, Г.С. Зайцева, исторические романы «Хаим-да-Марья», «Кровавая карусель», историко-документальные повествования: «Красное и коричневое», «Растление ненавистью», «Вместе или врозь?», «Выбранные места из переписки с друзьями». И все это, совмещая с журналистской деятельностью. Резник работал в редакциях серии «Жизнь замечательных людей», журнала «Природа», а после эмиграции в США в 1982 году – в журнале «Америка», на русской службе «Голоса Америки».

...Мы знакомы немало лет, дружим, Семен – член редсовета журнала ВРЕМЕНА, который я редактирую, подсказчик и советчик, благодаря ему в журнале появляются новые талантливые авторы. В нашем издании печатаются фрагменты его произведений.

Недавно я получил в подарок от Резника потрясающую книгу “Эта короткая жизнь” (Николай Вавилов и его время). Не отрываясь, на одном дыхании прочел ее – тысячу страниц – и в который раз изумился и порадовался за друга. Тема судьбы великого ботаника, генетика, географа, уничтоженного сталинской системой, проходит через всю творческую жизнь Резника. В 1968 году его книга об ученом вышла в серии ЖЗЛ в борьбе и муках, оскопленная советской цензурой. И вот теперь мы имеем потрясающе написанную полную биографию человека, верой и правдой служившего отечественной и мировой науке.

Эта фундаментальная работа, занявшая немало лет, показывает характерные черты Резника-писателя и гражданина: яркий литературный талант, бескомпромиссность, твердость в отстаивании дорогих ему принципов, невероятную работоспособность.

Все это имеет прямое отношение к самой, быть может, громкой, сенсационной книге юбиляра: “Вместе или врозь? Судьба евреев в России”. Написанное Резником – не столько даже анализ двухтомника Солженицына “Двести лет вместе”, сколько параллельное с ним, весьма убедительное, основанное на первоисточниках, прочтение истории России и определение подлинного места евреев в этой истории. Это не просто острая полемика относительно так называемого еврейского вопроса, это свой, резниковский, взгляд на события и факты, которые Солженицын интерпретирует весьма своеобразно и однобоко. Не случайно ему пришлось не очень ловко открепчиваться потом от антисемитизма, в котором его справедливо обвиняли.

Дорогой Семен Ефимович! Позволь сердечно поздравить тебя с юбилеем и пожелать, как принято, здоровья, благополучия и такого же активного творчества! Твой талант, твое перо нужны людям. Крепко жму руку.

Давид Гай

Аркадий САНДЛЕР

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

а если не ставить вопрос
ни ладонью
ни ребром
не играть в кошки-мышки с огнём
не жалить шмелём
дышать через нос
не открывая глаза
Ниродхи, Нирвана –
Святая пустота

иерусалимский синдром –
сначала было темно как днём
потом один свет
только через него тоже не видно
ни зги
но ты не ропщи – это не сон
это дни
а ты скормил все страницы
огню

где похоронены пустые слова
там минуты теряют часы
Polly wants a cracker
а чего хочешь ты?

человек – собранный из слов
из обрывков фраз
из обломков букв

из черноты зрачка
и из кожи, что помнит
прикосновение губ

из запаха на рукаве
из пустоты минут
из тишины, что заполняет
ночную постель
и из сна, что тянет
в бездонную глубь

человек из слов
человек из снов
плоть и кровь
человек – любовь

и если есть
воздух и огонь
то всегда есть
прах и вода.

система свой – чужой
даёт сбой, порой
там песок – тут вода
там пустыня – тут дома-города
тут Валаам с ослицей
там Яков и сыновья

много слов – хочется сказать
но забыл как играть роль
стоя в пробке на Сорок Второй
и Седьмой
Иосиф без братьев и без снов
рядом Бродвей
и поезда метро

семь лет ешь и пей в радость –
семь лет болей

там горы и тишина
тут Бог
и там тоже Бог
– а слышней или видней?
только для тех,
кто захотел принять
все как
есть.

Предновогоднее
монолог сливного бачка
бессмысленность откровения
объявить себя мессией не смог –
много пафоса и отсутствие мнения

всё то, что предрешено
уже не выпадет счастливым билетом
собирая гербарий всего, что грешно
отпечатками снов на газете

кто-то всплакнёт – ещё год
прошел односложным предложением,
всплакнёт и тихо уснёт
с очередной надеждой на перерождение.

Слова

Порой я сам не понимаю
причины зачем
я написал эти слова.

Я смотрю на них вновь и вновь,
а они в ответ – на меня.

Я говорю им откуда, зачем
вы взялись,
а они лишь смеются назад;
и говорят мне – не злись –
значит этого хочет душа.

Видно ей нужно что-то сказать,
а ты говоришь ей – нет,
как всегда.

И тогда я вздыхаю,
и продолжаю складывать
буквы в слова.

Хотя на самом деле –
слова лишь пишут меня.

полугений – полубог
полупушкин – только предлог
без поллитры на Фудзияме
никак не прожить
изжогу-цунами никак не залить

полураскольников – полуманьяк
Лаокоон в лапше Доширак
полуправда на полэкрана ТВ
а в полудрёме забыт полубрат

полуразбавленный эликсир
половина пива половина вина
полкуба в вену – остальное война
полуголый оскал – потом слепота

солнечный полдень – полутона
полжизни за царство
до наступления Судного Дня

полбилета на Марс – пол- на Иерусалим
две половины не два,
а один.

очередной рубеж пройден
от поворота головы назад
занемела шея
семиотика снов
отмирание слов
и буквы лишь немое
бессмыслие знаков

иногда ты молчишь
порой молчу я
уткнув нос в инкунабулу
в поисках смысла
не говори “ничего уже нет”
не говори “никогда”
это всего лишь грёзы
лишённые мыслей

я заглянул в твои глаза
и сразу утонул
в их вязкой темноте
которую так легко ты
соткала из пустоты
моих просроченных
желаний

и чтобы разогнать
ту темноту я сразу же
зажёл свечу потом
ещё одну свечу
потом ещё и так я жёл

всю ночь
пока не наступило утро

а с утра
пропахла копотью заря
и небо крылось сажей
и слез солёная роса
осой зудила в обожжённых
пальцах

Вектор карандаша
плоскость листа бумаги
точка опоры – перевернуть землю
но грифель ломаю

геометрия – Архимеду
Менделееву – водка
не выровнять того, что уже
не пересечётся

проделал в бумаге дырку
приложил её к глазу
голова – камера Обскура
в голове фестиваль маразма

Аркадий Сандлер родился в городе Бельцы, Молдова, в 1976 году. В 1992 году вместе с родителями и младшим братом репатриировался в Израиль. Жил в Иерусалиме и учился на программиста в колледже медицинского центра «Хадасса». Служил в рядах Армии обороны Израиля. В Израиле женился, там же родилась его первая дочь (всего у него сейчас пятеро детей).

В 2004 году переехал с семьей в Нью-Йорк.

В 2016 году издал книгу стихов на английском языке *Reflections Through a Kaleidoscope* («Отражения через калейдоскоп»). Автор блога на сайте «Эхо Москвы» и «Обозреватель».

Готовит к изданию книгу стихов на русском языке.

Габриэль ВАЛК

КАК Я БЫЛ ИЗДАТЕЛЕМ В ИЗРАИЛЕ

1

Мы прилетели в Израиль 11 апреля 1971 года в канун праздника Песах. «Мы» – это моя мама, брат, моя жена и сын. (Отец скончался в 1951 году). Небольшую группу отказников вышвырнули из СССР в 10-дневный срок. Наша семья регулярно подавала документы в ОВИР с 1956 (!!!) года, но только после нашумевшего “самолетного дела” и сидячей демонстрации и голодовки 25 евреев у приемной Президиума Верховного Совета СССР нас выпустили.

Новая, во многом непонятная страна, жара, незнакомые люди – как начинать жизнь... Такие мысли преследовали всех репатриантов, и нас в том числе.

В ульпан нас распределили в Афулу – небольшой город, основанный в 1925 году в разгар еврейской поселенческой деятельности. Оттуда я на автобусе добирался до Тель-Авива, где в течение нескольких месяцев пристраивал статьи в газету «Маарив» – их переводили с русского. В Риге я работал в газетах «Советская молодежь» и «Ригас Балс» и решил использовать журналистский опыт. Статьи были, в основном, про СССР, одна – о советских евреях, переселившихся из Израиля в Германию – поссорила меня с некоторыми бывшими рижанами: мы в то время не могли понять, как такое возможно. Сегодня это никого не удивляет.

Через полгода Сохнут выделил нам квартиру, и мы переехали в Тель-Авив.

Первая работа – на стипендию Сохнута – была в непонятной конторе, где я занимался тем, что линейкой измерял рекламу больших фирм в газетах, а затем этим фирмам сообщалось, на сколько их обокрали газеты.

Маленькое отступление. Новую работу мне помогал искать – по рекомендации бывшего рижанина Моськи Штейна – его командир из «Лехи» Ицхак Шамир – да, да, будущий израильский премьер-министр. («Лехи» – еврейская подпольная организация, действовавшая с 1940 г. и до основания государства Израиль. В 1980 г. правительство учредило знак отличия для членов Лехи как участников борьбы за создание государства – Авт.). Два дня в жгучий хамсин он ходил со мной по бывшим своим подчиненным из «Лехи» и пытался меня пристроить. Правда, из этого ничего не вышло, но такие были времена и такой был Израиль.

Кто-то из знакомых сказал, что в болгарской газете ищут русского журналиста. Я подошел и стал главным редактором газеты «Трибуна». Хозяин – шустрый болгарский еврей Даниэль Амарилис владел типографией и решил попробовать выпускать вместе с болгарской и русскую газету – тем более, что зарплату работникам в редакции платил Сохнут. Я пробыл главредом 8-9 месяцев и, как только Сохнут перестал

платить за меня, Амарилис нашел другого стипендиата. Сама газета просуществовала недолго.

После «Трибуны» я решил, что надо самому заняться трудоустройством, снял маленькое помещение и открыл рекламное бюро. Связался с газетами и начал принимать рекламу от бизнесов. Хозяин помещения, американец Муррей Гринфильд, сказал: «Габи, смотри – русские евреи приезжают (у него новые олим покупали электротовары) – выпускай для них журнал. Так я начал выпускать ежемесячный журнал «Разсветь» – название позаимствовал от знаменитого сионистского журнала начала века.

Первый номер вышел в июне 1973 года. В нем были рассказы Рахель Бауволь, Эли Люксембурга, «Наш Зорге – Эли Коэн» – глава из небольшой книги, которую я написал по материалам прессы. Интересной была статья д-ра Цейтлина «Израильская демократия и ее изъяны» – кстати, актуальная и сегодня.

Во втором номере – август 1973 года – фотографии Льва Бородулина, стихи Лии Владимировой, очерк о Хане Сенеш, заметки Сарры Френкель и Авраама Тироша «Алия-73 в ивритской прессе и на радио». На носу были выборы и было много рекламы.

В третьем номере – он вышел во время войны Судного дня – фотопанорама с фронтов, интересная статья Иосифа Гегермана о журнале на идиш «Советиш Геймланд», стихи Игоря Холина и Генриха Сапгира, статья о Саше Аргове – композиторе и владельце книжного магазина Болеславский.

Четвертый номер вышел в марте 1974 года. Любопытный материал Бориса Цукермана «Еврейская культура и религия в СССР». Обложка и панорама снимков были посвящены Солженицыну – его как раз выслали на Запад.

Ну, и в последнем, пятом номере – август 1974 – мое интервью с Ицхаком Рабином – я провел день в его доме, статья Юрия Купермана, рассказ Генриха Шахновича и другое...

Обложки готовили художники Бурджелян и Збарский. Кстати, первым заграничным подписчиком стал Михаил Шемякин. С Шемякиным мы потом много лет сотрудничали в Нью-Йорке.

Тогда это был первый и единственный русскоязычный израильский журнал, ко мне приходили многие известные иммигранты – я познакомился с замечательными художниками Феликсом Збарским, Юрой Красным, Мишей Гробманом, Юрием Купером...

Немного о Феликсе Збарском. Его отец бальзамировал Ленина, а Феликс – талантливый книжный график – был плеейбом № 1 в Москве. Его первой женой была манекенщица Регина Збарская. После развода с ней он увлекся Марианной Вертинской, а потом женился на Людмиле Максаковой. В Израиле мы много общались, и при встрече он всегда говорил: «Ну, Валк, сионист, расскажи о политике». В Тель-Авиве как художник он не состоялся и уехал в Штаты. В Нью-Йорке мы пару раз встречались в ресторане Романа Каплана «Самовар», где он был завсегдаем. Феликс умер несколько лет тому назад.

Прямо из типографии я завозил журналы в книжные магазины «Лепак» и «Болеславский» в Тель-Авиве.

«Лепак», большой магазин на улице Нахмани, продавал в основном советские издания. Говорили, что он принадлежит компартии. Доходило до абсурда – на полках стояли кожаные тома собрания сочинений Брежнева на идиш.

Магазином «Болеславский» владели Саша Аргов и его жена – там всегда толпился народ. И был большой выбор эмигрантской, т.н. антисоветской литературы. Книги стоили недешево, но олим покупали. И был еще небольшой магазин Якова Тверского на улице Шенкин, но туда можно было придти, только предварительно созвонившись.

Яков Тверский был удивительным человеком – ленинградец, глубоко религиозный, подлинный библиофил и обладатель потрясающей библиотеки – как он ее вывез из Союза, не представляю. У него были редчайшие издания, раритеты – он делал с них репринты и продавал в университеты на Запад. Общаться с ним было приятно и интересно.

Из Союза начали высылать на Запад диссидентов. Помню, как Александр Галич во время коротких гастролей в Израиле купил в «Болеславском» в подарок моей жене два сборника Цветаевой издательства Имка-Пресс, которые подписал очень дружески.

Выпускать журналы в одиночку было непросто, появился конкурирующий журнал «Круг», и мое детище приказало долго жить. Сегодня эти журналы – библиографическая редкость.

У меня завязались контакты по всему русскоязычному миру. Шла активная переписка. Среди писем была просьба некоего Константина Калиберды издать его автобиографическую повесть о годах, проведенных в качестве ост-арбайтера в нацистской Германии. Автор был готов оплатить расходы, и я решил попробовать себя на издательской ниве.

2

Я снял большой офис на Рехов Мапу, 18 и купил пишущую машинку IBM – тогда, до века компьютеров, это был супер-прогресс. Машинка стоила 10 тысяч долларов и надо было закупать головки с разными шрифтами, ленты и сервис от компании. Зато можно было набирать книги на месте. Одну комнату в офисе я сдал неизвестному Шабтаю Калмановичу, который оказался советским шпионом,

отсидел в израильской тюрьме и был затем застрелен в Москве киллерами-мафиози.

Тогда был другой Израиль – все знали всех, олим было еще мало и всем командовала контора «Лишкат Акешер» при министерстве иностранных дел, начальником которой был Нехемия Леванон, а затем Яша Казаков – Кедми.

О Яше стоит сказать пару слов. Бывший москвич, он служил в Армии Обороны Израиля во время Войны Судного дня. Профессиональный разведчик, под дипломатическим прикрытием с 1977 года работал в «Нативе» – спецслужбе Израиля, занимавшейся эвакуацией евреев в Израиль из стран, откуда им был запрещён выезд, и из горячих точек. С деятельностью «Натива» под руководством Кедми связана самая массовая репатриация евреев из СССР в Израиль, с переселением более 1 миллиона человек. В 1980-1990-х годах Кедми – влиятельный государственный деятель, во многом определявший политику Израиля. Был членом комитета спецслужб Израиля при премьер-министре Биньямине Нетаньяху по проблематике вооружённых сил Ирана.

Но когда его уволили (вроде он поругался с Биби – Биньямином Нетаньяху), он регулярно стал выступать на российском телевидении (постоянный гость одиозной программы Владимира Соловьёва) и писать книги, поливающие Израиль. Такие вот бывают мемаморфозы.

В каждой партии были свои ватиким – выходцы из России, которые и направляли, вернее, «давали курс» приходившим к ним олим – в партии Авода это был Бени Маршак, в Херуте – Моська Штейн. Это были честные и наивные сионисты, для которых мы были людьми с другой планеты. Помню, как на очередной предвыборной встречес Игалом Алоном – заместителем премьер-министра – бывшие москвичи и ленинградцы кричали одно, грузины и бухарские евреи – другое. Мы, «продвинутые» новые олим, собирались в «Бейт Соколов» – Доме журналистов и, как положено в Израиле, говорили о политике. Большинство из тех, кто собирался в «Бейт Соколов», через пару-тройку лет уехали из Израиля. Словом, было весело!

Но вернемся к книгам. Издательское дело тогда было непростым. Набор делали на допотопных линотипах (в основном в типографиях, где работали болгарские евреи, знающие русский), фотографии и другие иллюстрации надо было переводить на клише, метранпаж оформлял все это для печати. Бумагу надо было закупать самому и самому договариваться с переплетчиками.

Одним из первых моих авторов стал Анатолий Гладилин – первая его книга была «Парижская ярмарка», затем, уже в США, я издал вторую – «Французская Советская Социалистическая Республика». Первая книга разошлась давно, и даже у меня нет экземпляра.

Затем мне позвонила Белла Спектор, сестра недавно скончавшегося Юлия Марголина. Ее семья хотела выпустить сборник «Несобранное» – лучшее из неопубликованной публицистики Марголина. Эта книга разошлась быстро, актуальна и сегодня, спустя почти полвека. В 1976 году я переиздал самую известную книгу Марголина – «Путешествие в страну ээка», а затем сборник «Над мертвым морем».

Время шло, и в Израиль стали прибывать новые активные олим. Виктор Перельман – бывший сотрудник «Литгазеты» – начал собирать деньги на выпуск толстого литературного журнала «Время и мы». Затем Виктор переехал в Нью-Йорк, после его смерти журнал переехал в Москву, где и закрылся.

Супруги Воронель начали выпуск толстого журнала «22», который держится до сих пор.

Книг на русском выходило мало – в Иерусалиме организовалось издательство «Став». Кажется, оно первым выпустило книги Эфраима Севелы, которые пользовались популярностью. Выходили книги для широкого рынка, их печатали на газетной бумаге.

Появились новые издатели – Изя Малер, с которым мы были знакомы по Риге, даже открыл книжный магазин в Иерусалиме, Рудик Портной выпустил интересный комплект брошюр на английском для изучения иврита, а Феликс Дектор – знаменитую «Черную Книгу» Эренбурга и Гроссмана.

Я издал бестселлер «КГБ» Джона Баррона. В Израиле эта книга не пользовалась популярностью, но Саша Воронель дал мне адрес компании в Нью-Йорке, которая закупала подобные книги для отправки в СССР.

«КГБ» выдержало 4 тиража, что для эмиграции было редкостью. (Впоследствии, когда я уже открыл, вернее, перевел свою фирму в Нью-Йорк, гэбэшники из советской миссии часто приходили за этой книгой и первым делом смотрели в конце список советских агентов.

Тем временем в Израиль начали прибывать известные писатели. Одним из них был Феликс Кандель, с которым мы выпустили две книги.

3

Основным издателем книг на русском языке был офис Библиотеки Алия, которая выпускала также Краткую Еврейскую Энциклопедию. Для этого офиса я выпустил несколько сборников «Еврейского Самиздата» и, главное, – красочный проспект «Мир израильской книги» к Московской международной книжной ярмарке 1979 года.

Художником проспекта был Лева (Арье) Глух, обладавший редким чутьем оформителя.

Рекламные дела шли неплохо – от газеты «Маарив» я даже получил премиальную тарелку, которая сейчас висит у меня в гараже, а в Jerusalem Post встретил Вульфа Блитцера, который сегодня суперстар на телеканале CNN.

Но основные заказы на набор русских текстов приходили от зарубежных книжных издательств – по израильским нормам они платили очень хорошо, к тому же в валюте. В 1980 году одно из издательств предложило мне представлять их на американском рынке.

В остальном, жизнь текла как у всех новых олим – сыновья росли, между собой и со мной говорили уже только на иврите, первую квартиру мы продали, а на новую все не хватало денег – история, типичная для Израиля.

Начался массовый выезд евреев из Союза, и Сохнут искал, кого послать в Италию рассказывать о еврейской родине и пытаться поменять маршрут с Нью Йорка на Тель-Авив. Я тоже был на таком интервью но, к счастью или к несчастью, его не прошел и в Рим не полетел.

В конце хочется упомянуть еще несколько книг, которые я издал перед отъездом в США.

Это – двухтомник Михаила Шульмана «Бутырский Декамерон» с замечательной обложкой Исаака Вайсмана. Михаил Шульман отсидел в ГУЛАГе десятку и эмигрировал в Израиль в 1973 году. Его 100 новелл были высоко оценены такими литераторами, как Александр Воронель, Ицхак Мерас, Виктор Перельман.

Книга Владимира Лазариса «Диссиденты и евреи – кто порвал железный занавес» была особенно актуальна, так как многие отказники все еще были в лагерях.

Труд Эммануила Флисфиша «Кантонисты» признан лучшей книгой на эту мало раскрытую тему. Флисфиш – человек немолодой, и я был рад, что успел издать книгу при его жизни.

На этом закончу свои краткие описания издательской деятельности в Израиле. В Нью-Йорке я также издавал газету и книги, но это уже другая история. Надеюсь, смогу через некоторое время поделиться ею с читателями журнала «Времена».

Габриэль (Габи) Валк родился через месяц после начала войны с Германией в г. Шуя Ивановской области. Родители сумели эвакуироваться из Риги на одном из последних поездов. Учился в Латвийском университете на филологическом факультете, откуда был выгнан “за недостойное советского студента поведение”. Потом в университете восстановили.

В Риге работал в газетах “Советская Молодежь” и “Ригас Балс”, писал на разные темы.

Жил в Израиле с 1971 по 1980 год, затем переехал в США.

Лариса ИЦКОВИЧ

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

К 90-летию Семёна Ицковича

1

Я вспоминаю прожитые годы
Как ленту очень старого кино,
Где весь сюжет известен мне давно.
Но я даю фантазии свободу
И как гроссмейстер шахматного поля
Играю новый каждый раз гамбит.
Ничто мне пораженьем не грозит –
Фигуры лишь моей подвластны воле.
Я их могу поставить так, могу иначе –
Теперь другой пусть неудачник плачет!
Ах, сколько вариантов может быть,
Где судьбы выбираю я любые,
Мечты осуществляю голубые...
Но без тебя там не смогла б я жить.

2

Да, без тебя я не смогла бы жить
В другой судьбе – как на другой планете.
И даже то, о чём молчу в сонете,
Не сможет нас с тобою разлучить.
Пусть губы будут скованы молчаньем,
Но то, что в нас зеркальным отраженьем
И что сильнее земного притяженья,
Покинет плотский мир наш беспечально.

Так в мистику с годами мы впадаем
Всё от того, что ничего не знаем
О грани, за которой эха нет.
И для меня милей всего на свете,
Когда ты засыпаешь на рассвете
Моей рукою тёплою согрет.

3

Когда моей рукою тёплою согрет,
Ты засыпаешь, я смежаю веки.
Твоё дыхание я ловлю полвека,
И клином на тебе сошёлся свет.
Так два ствола от разных двух корней,
Что волей чьей-то сблизились случайно –
А может просто ветры повенчали? –
Друг к другу прирастают всё сильнее,
Их общий сок питает под корою,
А ветви так теснятся, что порою
Не отличить, чьи шелестят листья.
Вот так и мы. Но мысль одна тревожит –
И ни при чём, кто старше, кто моложе –
Как удержаться нам у грани темноты?

Не крещена я...

Не крещена я при рождении
В церковной гулкой тишине,
Мирским безбожным обсуждением
В семье давали имя мне...
Со мною многое случилось
На перекатах бытия,
Но пред иконой не склонялось
Невоцерквленное дитя.
Но чтоб на том, нездешнем свете
Мне было чуточку светлей,

Поставьте всё же свечку, дети,
За упокой души моей.

Ушедшие

К родным пенатам мне не возвратиться –
Истлели стены и прогнил порог,
Там брошенный альбом, где чьи-то лица,
И сохнет чуть надкушенный пирог
Надежды и наивных ожиданий...
Фундаментом тех давних начинаний,
Как выяснилось, был простой песок...
Лишь домовой, взобравшись на шесток,
В своём углу всю ночь альбом листает
И вспоминает, вспоминает, вспоминает...

Мне довелось...

Мне довелось увидеть этот мир –
Дитя случайное случайного зачатья –
Присесть к столу, где шёл кровавый пир,
Что правили друг с другом люди-братья.
Мне довелось в полдневный зной шагать
Через поля, что колосились рожью,
И мир земной, и космос постигать
Как Авраам, придя к единобожью.
Мне доводилось ночи коротать,
Тревожа их покой любовным стоном,
В мучениях детей своих рожать,
Природою предписанным законом.
Порой случалось пить хмельной настой
И воспарять, толкнувши землю пяткой,
И посчастливилось до истины простой
Дозреть, как в осень овощу на грядке.
Мне довелось изведать, как в бою,

Что значит оказаться на краю,
А выигран или проигран бой –
Я эту тайну унесу с собой.

Лариса Ицкович родилась в Азербайджане, выросла в Украине, зрелые годы провела в Белоруссии. В Одессе и в Минске получила университетское образование. Специализировалась в физической химии, работала научным сотрудником и преподавателем в Белорусском политехническом институте.

С 1994 года живет в Чикаго.

Писать стихи стала в основном во второй половине прожитых лет, публиковалась в русскоязычных газетах и журналах Америки, Германии и Израиля, в поэтических сборниках. Издала две поэтические книги.

Яков ФРЕЙДИН

ДРАЗНИЛКА ШЕКСПИР

С Вильямом Шекспиром мне пришлось встретиться дважды. Не лично, разумеется, всё же нас разделяло в разные годы моей жизни от 350 до 400 лет, а как ныне говорят, мы с ним пересеклись в «виртуальном пространстве». Вот с этих двух встреч я и начну о нём свой рассказ.

Встреча первая

Когда я был ещё ребёнком, да и в отроческие годы, мне безумно хотелось делать кино, не важно в каком качестве: оператором, режиссёром, актёром – лишь бы делать кино. Для этого я изучал по книжкам массу вещей, связанных с кинематографом и театром. В том числе штудировал технику актёрской игры по книге Горчакова «Режиссёрские уроки Станиславского», читал и заучивал наизусть пьесы русских и иностранных драматургов, играл в любительских спектаклях, по учебникам для театральных вузов занимался техникой речи. Там советовали для правильной постановки дыхания читать вслух написанные гекзаметром стихи античных поэтов. В городской библиотеке я нашёл «Илиаду» Гомера в переводе Жуковского, выучил на память большие куски и затем приводил в оторопь своих соучеников по школе, на переменах громко завывая что-то вроде:

*«...Я иду – не избегнешь меня ты, Патроклов убийца, Гектор.
Свой жребий принять я готов, когда ни назначат
Вечный Зевес и бессмертные боги Олимпа...»*

Директор школы, добрейший человек, зная мою страсть к лицедейству, попросил актёра драмтеатра Михаила Званцева давать мне уроки актёрской игры. При первой же встрече Званцев попросил

меня что-нибудь почитать вслух, и я выдал ему длиннющий кусок из «Илиады», чем привёл его в полное замешательство. Он молча слушал минут десять, потом вздохнул и сказал:

– Ты вот что, парень, брось эту дурь. Зачем тебе древние греки? Если хочешь отрабатывать всё вместе – дыхание, произношение, мимику, движения рук и тела – займись Шекспиром. Он такой разный, найдёшь там всё, что тебе надо.

У моих родителей в книжном шкафу стоял толстый том шекспировских пьес, где был «Гамлет» в переводе Пастернака, и я засел за него. Вскоре я знал на память все основные роли, и на уроках со Званцевым изображал одновременно Гамлета, Офелию, Полония, Клавдия и Гертруду. Много в этой пьесе было для меня загадочным, и мой учитель терпеливо разъяснял, что именно Шекспир имел в виду, и почему это было совершенно ясно его современникам и непонятно советскому школьнику. В той же книге были избранные сонеты в переводе Маршака.

Много позже, когда я уже жил в США, решил прочитать пьесы и сонеты в оригинале. Это оказался адский труд, ведь Шекспир писал на языке 16-го века, и даже для людей, у которых английский родной, понимать его тексты без подготовки очень сложно. Как-то я отправился в театр на «Гамлета» вместе со своим приятелем-американцем. Хотя английский был его родным языком, бедняга не понимал ни слова. Пожалуй, я был единственный человек в зале, для которого с языком не было проблем – я ведь помнил пьесу в русском переводе Пастернака. Поэтому весь спектакль я шёпотом переводил моему приятелю с шекспировского английского на современный английский, а соседи на меня не шикали, а, как мне казалось, даже с благодарностью прислушивались. После спектакля мой приятель сказал мне полушутя, что настало время перевести Шекспира на английский язык.

Однажды, после очередного урока со Званцевым, я отправился в библиотеку и нашёл там тоненькую книжицу с биографией Шекспира. Прочитав её, я оказался в замешательстве – было удивительно, как малообразованный человек из средневековой английской глубинки мог написать столько великих пьес (всего тридцать семь) и потрясающие сонеты. Судя по тому, что было известно о его жизни, он обучился грамоте в местной школе городка Стратфорд-на-

Эйвоне, что в трёх днях езды от Лондона (в те времена), а другого образования у него не было. Он никогда не выезжал из страны, однако в своих пьесах с большим знанием дела показывал жизнь в датском королевстве («Гамлет»), средневековой Италии (во многих пьесах), древнем Египте («Антоний и Клеопатра»), и древней Греции («Тимон и Афина» и «Перикл»). Был он неблагородного происхождения, ко двору доступа не имел, однако с массой подробностей описывал жизни английских королей Генрихов от Третьего до Восьмого и Ричардов Второго и Третьего. Я спросил моего учителя, как он может это объяснить, но он лишь пожал плечами и посоветовал, чтобы я не заморачивался такими вопросами. Я и не заморачивался.

Затем жизнь моя сложилась так, что ни киношником, ни актёром я, к счастью, не стал, и мой интерес к Шекспиру если не увял, то на долгие годы был вытеснен другими увлекавшими меня вещами.

Встреча вторая

В очередную поездку по Италии мы с женой решили заехать в Бассано-дель-Граппа, что в предгорье Доломитов и лишь в часе езды на машине от Венеции. Бассано оказался совершенно очаровательным старинным городком, где протекает река Брента. Через реку перекинут древний крытый мост, который так и называется: «Старый Мост». Как следует из названия, городок славится своей граппой, до которой я большой охотник, да ещё белой спаржей. В день нашего приезда был кулинарный фестиваль, и все рестораны соревновались за лучшее приготовление спаржи. В одно такое заведение мы отправились на обед. Спаржа оказалась неплохой, хотя и не такой, чтобы об этом писать, а зато белое вино и напоследок граппа были отменные.

За соседним столиком сидела пожилая итальянская пара, которая всё время прислушивалась к нашей русской речи. Наконец, итальянец не выдержал и спросил, откуда будем и как нам нравится белая спаржа? Мы вежливо спаржу похвалили и сказали, что приехали из Америки, хотя наши корни в России. Итальянец обрадовался и на ломаном английском сказал, что они с женой местные жители, фамилия их Бассано, по названию городка, а вся его родня издревле связана с Англией. Дело в том, пояснил он, что четыре

сотни лет назад их прародительница по имени Амалия Бассано написала все пьесы и сонеты Шекспира, и по семейной традиции с тех пор они так её и называют: «Синьора Шекспир». В их роду Бассано, добавил он, стало традицией всех девочек называть Амалиями, хотя у него самого (тут мой собеседник вздохнул) дочерей нет, одни сыновья.

Мы удивлённо поахали, и я недоверчиво спросил, с чего это он взял, будто какая-то Амалия могла написать за Шекспира его великие пьесы? Однако синьор Бассано мне ничего толком объяснить не мог.

Я всё же решил выяснить, нет ли в его словах хоть какой-то доли правды. По возвращении домой стал искать по интернету любую информацию о связи Шекспира с Италией, где разворачиваются сюжеты в почти половине его неисторических пьес, купил несколько книг с разными версиями о шекспировском авторстве, и вскоре выяснил, что синьор Бассано был не очень далёк от истины. Вот вкратце то, что я узнал и о чем смог догадаться сам.

Два Шекспира

Да, именно так – два. Из-за созвучия их имён и по ряду иных причин эти два Шекспира оказались слиты в единый полумифический образ Барда, что приводило к путанице и противоречиям. Получилось это так. В конце 16-го и начале 17-го веков в Англии было два Шекспира. Один был человеком во плоти, родом из городка Стратфорд-на-Эйвоне, что в 90 милях на северо-запад от Лондона, а другой – вымышленный, поскольку был он не живым человеком, а литературным проектом, вроде как Козьма Прутков из российского 19-го века или Шолохов из 20-го. По-русски оба они называются Шекспирами, хотя в те далёкие времена по-английски их фамилии писались несколько по-разному. Тот, что был реальным человеком, назывался Shakspeare (Шакспер) и жил он с 1564 по 1616 годы, а вымышленный псевдоним писался иногда Shakespeare (Шекспир), а порой через дефис: Shake-speare. К счастью, Англия – это цивилизованная страна, бережно относящаяся к своему прошлому (не то, что некоторые страны, о коих я тут умолчу), поэтому в архивах, церквях и библиотеках сохранилось немало подлинных документов о таком

в общем-то малозначительном человеке, как Шакспер. Итак, что же про него известно и какое он имеет отношение к Шекспиру?

Родился он в семье перчаточника Джона и Мэри Шакспер; родители были неграмотны и подписывались крестом, владели участком земли и домом. Про детство и где Вилли обучился читать-писать, неизвестно ничего, скорее всего – в грамматической школе при местной церкви. Нет никаких документов о его образовании, видимо, нигде больше не учился, однако умом был резв и очень практичен. Нет свидетельств о том, выезжал ли он за пределы Англии. Женился Вилли в 18-летнем возрасте. Его фамилия в церковных книгах и свидетельстве о браке была записана по-разному: Shaxpere и Shagspere. Похоже, был он не слишком грамотен и сам не знал, как правильно его имя следует писать. Через два года у молодых родились близнецы. Вилли Шакспер прилично зарабатывал на купле-продаже и ренте недвижимости в своём родном Стратфорде-на-Эйвоне и окрестных городах и селениях, давал деньги в рост, торговал зерном и солодом для пекарен и винокурен, иногда наезжал в Лондон, чтобы осмотреться в столице.

Когда ему исполнилось 23 года, Шакспер забрал все накопленные деньги, оставил жену и детей и перебрался в Лондон, где возможностей развернуться и заработать было куда больше. Он поселился недалеко от театрального района, нанялся в несколько трупп, где подрабатывал актёром и кукловодом, снабжал театры костюмами и реквизитом, торговал перед спектаклями едой и напитками, продавал билеты и участвовал в массе иных прибыльных дел, включая рент и торговлю недвижимостью. Скупал у авторов и продавал в труппы пьесы местных драматургов, организовывал представления, то есть работал кем-то вроде продюсера или маклера. Занимался он ростовщицеством и одалживал неимущим актёрам деньги под совершенно кровавый процент. С авторами и актёрами был груб и заносчив, но его терпели – всё же он им давал заработок. Надо ли говорить, что большого уважения среди актёрской и пишущей братии он не вызывал, и про него ходили по рукам издевательские эпиграммы. Так, поэт и издатель Бен Джонсон написал едкий стишок «Поэт-Обезьяна», где назвал Шакспера вором.

Как-то он дал деньги в долг драматургу Роберту Грину, взяв в залог его новую пьесу. Грин не смог вовремя расплатиться, и Шакс-

пер забрал себе рукопись, поставил в неё собственное имя как автора и продал в театр для постановки. Это подало ему идею нового бизнеса – за бесценок он нанимал нуждающихся поэтов и писателей, которые писали для него пьесы, а он под своим именем продавал их в разные театральные труппы. В наше время таких теневых авторов шутливо называют по-русски «неграми», а по-английски «ghostwriters», то есть писателями-призраками. Иногда Шакспер сам играл на сцене, хотя редко – ему сильно мешали его провинциальный акцент и полное отсутствие сценической культуры. Он не любил тратить время на заучивание ролей, перевирал текст, заявляя, что этим его только улучшает, чем выводил из себя партнёров по сцене, драматургов и хозяев трупп.

Хотя играл он плохо, за кулисами бизнесмен Шакспер был ловок и удачлив. Его услугами пользовались многие в театральном мире Елизаветинской Англии, однако не любили и даже презирали. Ему давали не слишком лестные прозвища, придуманные по созвучию его фамилии: например, «Shake-Scene», то есть «сценотряс», намекая, вероятно, на его способности вытрясать из театров деньги. А однажды, о чём пойдёт речь ниже, его назвали «Shake-Spear» (дословно: потрясающий копьём), что на сленге тех времён означало что-то вроде «дразнилки» или «задиры». Похоже, эта кличка пришлась ему самому по душе, ибо именно её он часто ставил на титульные листы чужих пьес в виде Shake-Speare или Shakespeare, то есть «Шекспир». Одевался он по-благородному, с вызовом, куда лучше, чем многие писатели и актёры, имел вид лондонского денди, был невероятно самоуверен и чванлив, хвастался, что у него есть связи при королевском дворе. В разговоре любил вставлять фразы и стихи из популярных пьес, стараясь создать себе репутацию культурного и образованного человека.

В 1599 году Шакспер на паях с несколькими актёрами вложил деньги в создание лондонского театра «Глобус», где обосновалась труппа «Парни Лорда Камергера». Этой труппе покровительствовал сам лорд Хансдон, имевший титул «Лорд Камергер» и ответственный за увеселения королевского двора. В акциях на владение своей долей в театре Шакспер значился уже под именем Willelmus Shakespeare. Доход от театра шёл ему в форме дивидендов, и ещё текли деньги за реквизит, костюмы, аренду помещения, комиссион-

ные за организацию представлений, и вдобавок – за пьесы и стихи, которые он, как и прежде, скупал за бесценок у драматургов и перепродавал втридорога в «Глобус» и другие театры.

Как-то он познакомился с несколькими джентльменами (тогда это был благородный титул), которые написали несколько пьес и поэм, но не могли под своим именем их никому представить. Для британского аристократа иметь профессию, кем-то работать и, упаси боже, быть писателем, поэтом или драматургом, было делом недостойным и даже постыдным. Но творческий зуд неистребим (знаю по себе), а «писать в стол» редко кого прельщает. Однажды один из таких аристократов-поэтов передал Вильяму для публикации поэму «Венера и Адонис», и она вышла в 1593 году под именем «Шекспир»; при этом все были довольны – поэт увидел свои стихи на полках книжных лавок, хоть и под псевдонимом, а Шакспер неплохо заработал.

Сохранилось шесть подписей Шакспера на разных документах – все они с ошибками в собственном имени, написаны невероятно корявым почерком человека, для которого держать перо в руке непривычная и трудная задача – и это во времена, когда не было ни компьютеров, ни пишущих машинок, когда всё писалось только пером. Хорош писатель, ничего не скажешь!

В 1616 году, когда его жизнь подходила к концу, наш герой поставил свою подпись под завещанием (текст завещания написал его адвокат), где оставил своим друзьям и родственникам театральные акции, дома, землю, одежду, мебель и прочее имущество. Нескольким актёрам из «Глобуса» завещал какие-то деньги, а своей жене оставил «второстепенную кровать» – кто теперь знает, что он имел в виду? Быть может, у какой-то другой женщины была его «первостепенная кровать»? Но вот что удивительно – в его завещании нет упоминания ни о каком литературном наследии: многочисленных шекспировских пьесах и стихах (впрочем, многие пьесы уже Шаксперу не принадлежали, а были собственностью театральных трупп).

Существует масса других косвенных доказательств того, что малограмотный, хотя и ловкий бизнесмен Шакспер никак не мог стать столпом английской, да и мировой литературы. К примеру, автор шекспировских пьес должен был быть хорошо знаком с жизнью высшего света и придворного этикета, знать обороты речи, шутки

и анекдоты, ходившие только в верхних слоях аристократии, разбираться в тонкостях конного спорта и соколиной охоты, прекрасно понимать музыку, владеть иностранными языками – итальянским, испанским, французским, греческим, ивритом. Он должен был хорошо знать труды античных авторов и множество мелких и крупных деталей об аристократии Италии, её городах, быте, культуре, истории, архитектуре. Этот огромный объём знаний и жизненного опыта вряд ли мог быть доступен единому человеку того времени, даже самому образованному – но уж точно не малограмотному и низкородному ловкачу Шаксперу. Похоже, при жизни никто его и не воспринимал как литератора, а когда он умер, его не похоронили в Вестминстерском Аббатстве, где были упокоены куда менее знаменитые, чем Шекспир, писатели и драматурги Елизаветинской эпохи.

Хотя пьесы Шекспира в те годы были очень популярны и шли в разных театрах, никто в литературных кругах вообще не обратил внимания на смерть Шакспера – видать, невелика была птица, и за Шекспира его вовсе не принимали. Эта неувязка впоследствии породила множество теорий о некоей литературной мистификации, в которой Шакспер был лишь ширмой для какого-то таинственного писателя, а вернее – группы литераторов. Об этом писали Марк Твен, Чарли Чаплин, Чарльз Диккенс, Зигмунд Фрейд и многие другие. Из дошедших до нас документов следует, что был Шакспер весьма успешным бизнесменом и театральным антрепренёром, но был ли он драматургом и поэтом – нет тому никаких свидетельств, ни прямых, ни косвенных.

С другой стороны, тот, кого весь мир знает под именем «Шекспир» как автора множества пьес и стихов, не оставил после себя никакого документального следа, и о нём, как о человеке, совершенно ничего не известно. Не удивительно ли – после бизнесмена средней руки Шакспера осталось множество документов, а вот после великого драматурга Шекспира – абсолютно ничего, не считая, разумеется, его пьес и стихов, которые, кстати, впервые были опубликованы в едином сборнике только через шесть лет после смерти Шакспера. Не осталось ни черновиков, ни рукописей, ни писем, ни дневников, ни личных книг с пометками – ничего! Да был ли такой человек?

Ну хорошо, если не Шакспер, тогда кто? За последние двести лет

предлагалось множество возможных участников «шекспировского проекта», включая графа Дерби, сэра Эдварда Дайера, Кристофера Марло, графа Оксфорда, Френсиса Бэкона, графа Рутлэнда и даже королеву Елизавету I – всего более 50 человек! Я вначале совсем было запутался в этом спектре блестящих имён, мне не верилось, что возможно так много участников. Думаю, что под одним псевдонимом вряд ли могли практически работать более трёх, ну от силы четырёх авторов. Кто именно эти люди, сегодня наверняка узнать невозможно. Быть может, в будущем найдутся в архивах черновики шекспировских пьес, написанные, к примеру, рукой Френсиса Бэкона, вот тогда будет яснее, а пока мы можем лишь строить более или менее правдоподобные гипотезы.

Вот и я решил сыграть в эту игру и сделать что-то вроде художественной реконструкции тех давних событий.

Отрывок из пьесы в подражание Шекспиру

Сцена первая

Зал во дворце Елизаветы I. Звуки марша. Трубы. Входят королева, лорд Эдвард Оксфорд, лорд-камергер Генри Хансдон, Амалия Бассано и приближенные вельможи со стражей, несущей факелы.

Королева (Оксфорду)

Как поживаете, милый граф?

Оксфорд

Отлично, Ваше Величество! Живу на хамелеоновой пище, питаюсь воздухом, пичкаю себя обещаниями; так не откармливают и каплунов.

Королева

Ах вы хитрец, однако этот ответ ко мне не относится; у меня стол всегда сытный – что приказано, то и подают. Кстати, сэр Генри, что за представление вы сегодня для нас приготовили? Чем же нас сегодня попотчует лорд-камергер? Надеюсь, не хамелеоновой пищей?

Хансдон

Пьеса местного автора, называется «Мышеловка». Её представят актёры моей труппы «Парни Лорда Камергера»; вы, Ваше Величество, их прежде видели; они свои роли изображают весьма занятно.

Королева

А какое содержание? Здесь нет ничего предосудительного? Про королевство и двор наш там нет ли разговора? Мы подобных вольностей терпеть не желаем.

Хансдон

Нет-нет, всё из времён давних, они только шутят, отравляют ради шутки; ровно ничего предосудительного. Забава да и только. Там про убийство, совершенное в Вене, не у нас; имя герцога – Гонзаго; его жена – Баптиста; вы сейчас увидите; это подлая история; но не всё ли нам равно? Нас это не касается; пусть кляча брыкается, если у нее ссадина; у нас загривок не натёрт.

Оксфорд (Хансдону)

Сударь мой, вы говорили, что когда-то играли в университете на сцене?

Хансдон

Играл, милорд, и считался хорошим актёром.

Оксфорд

А что же вы изображали?

Хансдон

Я изображал Юлия Цезаря; я был убит на Капитолии; меня убил Брут.

Оксфорд

С его стороны было грубо убить столь капитального телёнка.

Хансдон(слугам)

Что, актеры готовы?

Паж

Да, милорд, они ожидают ваших распоряжений.

Хансдон

Пусть начинают без промедления. (Королеве) Извольте сюда, Ваше Величество, представление сейчас же начинается.

Играют гобой. Начинается пантомима.

Входят актеры – король и королева; весьма нежно королева обнимает короля, а он её. Он склоняет голову к ней на плечо, ложится на цветущий дёрн; она, видя, что он уснул, покидает его. Вдруг входит человек, снимает с короля корону, вливает яд ему в ухо и уходит. Возвращается королева, застаёт короля мёртвым и разыгрывает страстное действие. Отравитель входит снова, делая вид, что скор-

бит вместе с нею. Мертвое тело уносят прочь. Отравитель улещивает королеву дарами; вначале она как будто недовольна и несогласна, но, наконец, принимает его любовь. Все уходят.

Амалия

Что это значит, сударь? Всё представление или только начало?

Хансдон

Это лишь пантомима, моя милая, что показывает содержание пьесы. Мы всё сейчас узнаем от этого молодца; актеры не умеют хранить тайн; эти болтуны всегда всё скажут. Или соврут.

Входит Пролог

«Пред нашим представлением

Мы просим со смирением

Нас одарить терпением». (Уходит)

Оксфорд

Что это: пролог или стихи для колечка?

Амалия

Да, действительно коротко, милорд.

Хансдон

Как женская любовь, сударыня.

(занавес)

Сцена вторая

Сад у королевского дворца. Королева, Оксфорд, Хансдон и Амалия

Хансдон

Государыня, как вам понравилось представление?

Королева

Ах, милый Генри, что за пьесу вы выбрали, я едва не заснула; до того тоскливо. (Оксфорду) Как вы полагаете, милорд?

Оксфорд

Так же, как и вы, государыня. Пьеса весьма безыскусна. Этот отравитель – явно новичок в своём деле; разве можно соком полыни через ухо отравить человека? Тут яд нужен позабористее. Скажу вам, в пьесе таланта не видно, сочинитель слаб. Я сам куда лучше мог бы написать...

Королева

Вот чудная идея! Так напишите же для нас пьесу, граф, а после ак-

тёры нам её представят. Ей-богу, напишите – вы на такие дела большой искусник. Амалия, отчего вам тоже не написать кое-что для представления? Я читала ваши стихи и эпиграммы и нашла их совершенно прелестными.

Амалия

Государыня, я после Пасхи уезжаю в Венецию и вернусь нескоро, полагаю – к Рождеству.

Королева

Вот и отлично, моя смуглянка, привезите нам оттуда несколько занятных историй и сделайте из них пьесу. Может выйти так забавно! Сэр Генри вам в этом поможет. Поможете, сударь?

Хансдон

С радостью и удовольствием. Но почему бы нам всем вместе, Вашему Величеству и графу Оксфорду, тоже не написать пьесу? Даже не одну. Пусть каждый из нас четверых по своей пьесе напишет, исключительно для забавы! Само-собой, в полной скрытости от двора.

Амалия

Мне эта мысль по душе. Как из итальянских земель вернусь, так, пожалуй, и приступим.

Оксфорд

Покуда травка подрастёт, лошадка с голоду помрёт. Вы, сударыня, как вернётесь, тогда и напишите свою пьесу, а нам так долго ждать резону нет. После Пасхи и начнём, если Ваше Величество согласны тоже писать. Только про что пьесы будем сочинять?

Королева

Что ж, я согласна, буду писать; не знаю, ладно ли выйдет, но отчего не попытаться? Содержание надобно взять из прежних времён, либо из иноземных государств. Представлять нынешнее королевство и знатные сословия будет предосудительно.

Оксфорд

Это само собой, к чему ворошить осиное гнездо? Нам болячки ни к чему. Вы, государыня, не желаете ли писать про какого-либо прежнего монарха? Впрочем, сэр Генри и я тоже можем взять себе по монарху, и выйдет у нас серия исторических пьес про королей.

Королева

План хорош, может получиться любопытно. Однако из нашего семейства Тюдоров никого выбирать не будем. Лучше возьмём преж-

ние дома, к примеру, Анжу или Ланкастеров. Да кого угодно, только не Тюдоров; можно из античных правителей, скажем, Цезаря. Вам, милая Амалия, даже проще сюжет для пьесы выбрать – напишите про дела и нравы итальянские, к нам касания не имеющие.

Амалия

Так и сделаю. Однако, после того как пьесы наши напишем, с их представлением мне видится немалая загвоздка – как повернуть дело, чтобы на нас подозрение не навлечь? Каким образом мы пьесы дадим? Под какими именами? Тут надобно всё хорошо обдумать.

Хансдон

Ах, сударыня, здесь у нас проблемы не будет. Решение простое. Есть у меня на примете ловкий человек; он поставляет пьесы от разных сочинителей для представления в лондонских театрах. Я его найму, он до денег сильно охоч. Что прикажу ему, то он и сделает. Пусть своё или иное какое имя поставит под нашими пьесами, а кто их вправду сочинял, ему про это знать нужды нет.

Оксфорд

Что за имя? Как звать вашего ловкого человека. Он не из благородных будет?

Хансдон

Нет-нет, роду простого, мечтает, однако, стать джентльменом. Вот на этой приманке я его и буду держать. Да вы этого малого, сударь, знаете. Звать его Шакспер.

Королева

Как вы сказали? Шакс... – как дальше?

Хансдон

Шакспер, государыня. Звучит похоже на Shake-Spear, «трясущий копъём», в смысле «дразнилка».

Королева

Ах какая прелесть! Дразнилка! Чудо, а не имя!

Оксфорд

Да, верно, я этого мошенника знаю! Государыня, в звучании его имени есть и другой смысл: «spear» это не только «копъё», но можно понимать как «острое перо», стало быть, Шек-спир это «трясущий пером», то есть «писатель». Как вам это нравится, Ваше Величество?

Королева

Чудно, чудно! Ну чем не имя для нашей секретной компании? Так

и решим – пусть будут наши пьесы от таинственного сочинителя с острым пером – Шекспира!

(Занавес)

Смуглянка

По моде Елизаветинских времён Амалия (или Эмилия) Бассано большой красавицей не была, однако исходило от неё некое завораживающее очарование – взглянешь лишь один раз, и нет сил глаз отвести. Стройная фигура, большие карие глаза, чувственные губы, чёрные волнистые волосы и удивительная смуглость кожи оливкового оттенка, так непривычная для британского глаза. Будто от *femme fatale*, исходила от Амалии такая сексуальная притягательность, что редко какой мужчина мог устоять перед её чарами и не влюбиться без памяти. Да ещё привлекала весёлость нрава, тёплый, нежный и певучий голос низкого тембра, плавность движений, да вдобавок – разные таланты. Она была умна, чудно пела и играла на клавикорде, свободно говорила по-итальянски и по-французски, знала древние языки, была отлично воспитана, сведуща во всех тонкостях придворного этикета, имела сильный и независимый характер и была весьма остра на язык. Сочиняла она едкие эпиграммы и любовную лирику.

Смуглянка Амалия была близка и, пожалуй, даже дружна с королевой Елизаветой, если только можно представить себе дружбу между королевой Англии и женщиной низкородного происхождения.

Да, роду она была простого, но ведь это как понимать! Она действительно не числилась по рангам английской аристократии и не имела титулованных родителей, однако, если бы только пожелала, без труда могла бы проследить свою родословную вглубь веков, до времён, когда по равнинам и холмам будущей Британии ещё бродили дикие языческие кочевники, без грамоты, без роду и племени – какая уж там аристократия! Зато предки Амалии в те самые далёкие годы уже писали Книгу и служили единому Богу в прекрасном Иерусалимском храме.

Когда испанская королева Изабелла Кастильская в 1492 году изгнала иудеев из своей страны, около двухсот тысяч сефардов («сфарадим» на иврите значит «испанцы») покинули страну. Одни отправились на север во Францию и германские государства, кто-то

на юг в северную Африку, иные – в Турцию, а предки нашей героини Амалии добрались до Венецианской Республики. Чтобы иметь возможность поселиться и спокойно жить в благословенных итальянских землях. Они формально перешли в католицизм и потому стали называться *converso*, хотя у себя дома за закрытыми дверями втайне читали Талмуд и молились еврейскому Богу. Впрочем, в отличие от Испании, венецианский Дож и его двор на такие вольности смотрели сквозь пальцы.

Земля в самой Венеции оказалась многим переселенцам не по карману, и потому они покупали дома в окрестных городах, что были под венецианским управлением. Одним из таких мест оказался очаровательный городок Бассано, где 500 лет спустя в местном ресторанчике я отвеживал белую спаржу. Именно там родственники Амалии купили себе дома, да и фамилию взяли по названию города – стали они называться Бассано, а её будущий отец получил имя Баптисто, то есть «крещёный».

Всё семейство Бассано было очень музыкальным: они сами сочиняли музыку, пели, играли на разных инструментах, и вскоре стали довольно известными по всем венецианским владениям и даже за пределами итальянских государств. В 1538 году, в конце правления Генриха Восьмого, Баптисто получил приглашение перебраться в Британское королевство и стать там придворным музыкантом. Условия оказались такими заманчивыми, что он и его брат флейтист Антонио с женой Элиной переехали из Венеции в Лондон. Они поселились в Элдгейте, в двух шагах от театрального района. Там Баптисто познакомился с дочерью придворного музыканта, протестанткой Маргарет Джонсон, и они решили пожениться. Однако, поскольку *converso* Баптисто был крещён католиком, в англиканской церкви их венчать отказались, и Маргарет стала его гражданской женой. У них было четверо детей, но до взрослых лет дожила лишь Амалия, которая родилась в 1569 году. Смуглый цвет кожи она унаследовала, вероятно, от своих еврейских предков из Испании.

Она росла двуязычной – с отцом и родственниками говорила по-итальянски, а с матерью по-английски. Когда Амалии было 7 лет, отец умер, и мать отдала её в услужение к Сьюзен Бёрти, графине Кентской. В её доме она выросла и вместе со своей родовой

хозяйкой получила блестящее образование. Когда была она ещё в нежном возрасте Джульетты, 13-ти лет от роду, её заметил кузен королевы, старый ловелас лорд-камергер Генри Хансдон, который был на 43 года её старше. Увидев эту «нимфетку» и врожденную кокетку, он совершенно потерял голову, и вскоре она стала его любовницей и содержанкой. Впрочем, нужно отдать должное лорду-камергеру, он Амалию нежно любил, содержал её в роскоши и никогда не скрывал их отношений. В 1592 году она забеременела, и чтобы это дело покрыть, лорд срочно выдал её замуж за придворного музыканта Альфонсо Ланьера (Lanyer), родом из Руана, что во Франции, да ещё дал за ней большое приданое. Однако гуляка и шалопай Ланьер приданое своей супруги быстро промотал и влез в долги. Амалию, однако, занимали дела творческие. Видимо, именно в те годы она стала одним из участников шекспировского «заговора».

Своего беспутного мужа Амалия Ланьер терпеть не могла, и в 1596 году после смерти лорда Хансдона сама пустилась во все тяжкие – завела себе несколько высокородных и влиятельных любовников. К ней тянулись многие, но она была разборчива, не до всякого снисходила. Один из её возлюбленных, лорд Оксфорд, просто места себе не находил от ревности и писал Амалии такие стихи:

*Пусть говорят, что смуглый облик твой
Не стоит слёз любовного томленья,
Я не решаюсь в спор вступить с молвой,
Но спорю с ней в своем воображеньи.
Чтобы себя уверить до конца
И доказать нелепость этих басен,
Клянусь до слез, что темный цвет лица
И черный цвет волос твоих прекрасен.
Беда не в том, что ты лицом смугла,
Не ты черна, черны твои дела!*

(Из сонета 131, пер. С. Маршака)

Она в долгу не оставалась и в ответ дразнила его стихами, которые сама писала себе якобы от имени некоего возлюбленного. Так

Королева Елизавета I

Лорд Оксфорд

Лорд Хансдон

Амалия Ланьер (Бассано)

набралось целое собрание прекрасных сонетов, которое впервые было опубликовано в 1609 году под именем Шекспира. Кроме того, Амалия также писала под своим именем вне шекспировской группы, и ныне считается первой английской поэтессой. Самое крупное её произведение – поэма о Христе «Славься, Господь, Царь Иудейский», вышедшая в 1611 году. При её жизни эта книга внимания не привлекла, и стихи Эмилии (Амалии) Ланьер оказались забыты на столетия. На русский язык её поэзию впервые лишь несколько лет назад перевела Ирина Кант.

Вот один из стихов Амалии:

*Мой грустный голос вам поёт о боли,
Как птичка, у которой нет крыла.*

*И я б летать хотела в чистом поле,
И так же, как она, я не смогла.*

*Лишённый света сам себе помочь
Не может, и приветствует он ночь.*

(Королеве Анне Датской. Пер. И. Кант)

Жившие в Лондоне члены семьи Бассано и сама Амалия регулярно ездили в Венецию к своей родне, проводили там какое-то время и возвращались обратно. В те времена под Венецией были почти все северные области Италии, и Амалия, когда туда ездила, навещала не только родственников в Венеции и Бассано, но бывала в Вероне и Падуе, а может, и где-то ещё, мы не знаем. Там она собирала интересные истории, записывала рассказы и даже сплетни, а по возвращении в Англию рассказывала об этом своим партнёрам «Шекспирам». На основе этих историй, что-то вместе, что-то порознь, они написали многие пьесы, где события разворачиваются в Вероне («Два веронца», «Ромео и Джульетта»), в Падуе («Укрощение строптивой»), в Венеции («Венецианский купец» и «Отелло»), а также в других городах Италии и Сицилии.

Что именно написала сама Амалия, а что вместе со своими коллегами, сказать невозможно – всё было переплетено в их сою-

зе – творчество, любовь, ревность. Только думаю, что вклад её был немал, а некоторые пьесы, или, по крайней мере, сцены, могла написать лишь она. Вот, скажем, «Укрощение строптивой» – а не себя ли саму она там представила? Характеры вполне совпадают. В первой редакции пьесы даже вывела три действующих лица по именам: Эмилия (она сама), Альфонсо (муж) и Баптиста (отец). Потом, правда, в последующей редакции первых двух убрала – видимо, намёк уж слишком выпирал. А ещё в этой пьесе было 110 упоминаний музыки и музыкальных инструментов – кто кроме неё в то время мог это сделать? По крайней мере, 15 её ближайших родственников были придворными музыкантами (отец, муж, все дяди и их дети), а двоюродный брат Роберт Джонсон был известным лютнистом и театральным композитором.

В шекспировских пьесах, где действие происходит в Италии, есть много местных шуток и языковых каламбуров, а кроме Амалии среди лондонской аристократии того времени, насколько известно, итальянский язык знали только лорд Оксфорд и королева Елизавета. Однажды Амалия прочитала книгу итальянского новеллиста Жиральди Чинтио (*Gyraldi Cinthio*) и затем содержание двух его рассказов переложила в пьесы «Отелло» и «Мера за меру». В «Отелло» даже дала своё имя жене Яго, намекая тем, кто понимал, на параллель между негодяем Яго и своим мужем Альфонсо, к которому, мягко говоря, тёплых чувств не испытывала. В пьесе «Всё хорошо, что хорошо кончается» одно из действующих лиц по имени Пароль цитирует Вавилонский Талмуд. Кто кроме неё мог это написать? Во всей сильно антисемитской Елизаветинской Англии в те времена скрытно проживало не более 200 евреев, и вне их очень узкого и закрытого круга, да ещё, пожалуй, родственников Амалии и её самой, вряд ли кто-то ещё мог знать, что написано в Талмуде. Уж точно это не знал малограмотный Шакспер из Стратфорда-на-Эйвоне. Кто кроме неё мог вложить в уста еврея Шейлока («Венецианский купец») такие эмоциональные слова против дискриминации:

«Да разве у еврея нет глаз? Разве у еврея нет рук, внутренних органов, частей тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве не та же самая пища питает его, не то же оружие ранит его, не те же болезни поражают его, не те же средства лечат его, не так же

знобит зима, не так же греет лето, что и христианина? Когда нас колют, разве из нас не течет кровь? Когда нас щекочут, разве мы не смеемся? Когда нас отравляют, разве мы не умираем? А когда нас оскорбляют, разве мы не должны мстить?»

(пер. И.Б. Мандельштама, 1936 г).

И в заключение

Не совсем прав был мой собеседник из Бассано-дель-Граппа, когда сказал, что его дальняя родственница Амалия написала все пьесы Шекспира. Нет, не все. Но, думаю, без её участия не было бы ни «Отелло», ни «Ромео и Джульетты», ни «Много шума из ничего» и других великих пьес, которые вот уже четыре сотни лет идут на сценах по всему миру. Мы не знаем, кто и что именно написал, да так ли это интересно и важно знать? Всё зависит от человека. Если вы дошли до конца моего повествования, значит, вам интересно. Мне было это интересно потому, что я хотел разобраться в удивительном явлении – как оказалось возможным, чтобы один человек, даже если он гений, мог создать такие совершенно разноплановые и нестареющие шедевры? Быть может, я разобрался не до конца, но, по крайней мере, понял и принял убедительные доказательства того, что «шекспировский проект» действительно существовал – наверное, первый такой проект в истории мировой культуры.

Веб-сайт автора: www.fraden.com

Вышел из печати сборник рассказов **Якова Фрейдина** «*Степени Приближения*»

Его можно заказать в электронной форме:

В России: <https://www.litres.ru/yakov-freydin/stepeni-priblizheniya-nepriidumannye-istorii/>

В других странах: <https://store11516190.ecwid.com>

Бумажный вариант можно купить на Амазоне:

https://www.amazon.com/Degrees-Approach-Uninvented-Stories-Russian/dp/1546909508/ref=sr_1_1?ie=UTF8&qid=1496438073&sr=8-1&keywords=Фрейдин

Юрий ОКУНЕВ

«ЭТА КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ»

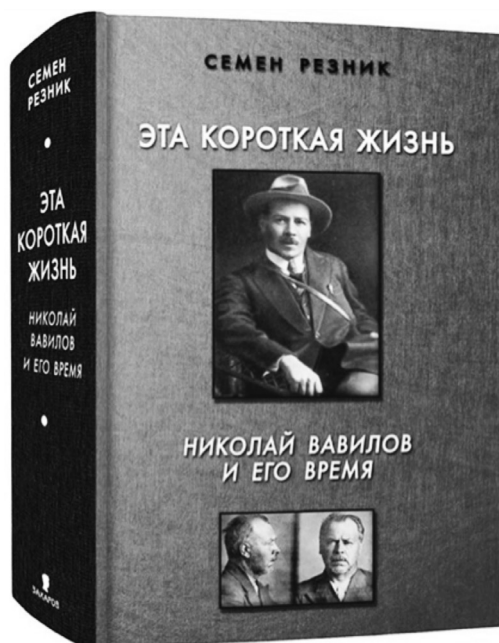
**О книге С. Резника, посвященной академику Николаю Вавилову
Изд-во «Захаров», Москва, 2017**

Новая книга писателя Семена Резника о жизни, творчестве и трагической гибели выдающегося русского ученого, академика Николая Ивановича Вавилова – результат многолетнего кропотливого и вдохновенного труда автора.

Эта огромная тысячестраничная монография поражает читателя прежде всего энциклопедичностью, информативностью, глубиной проникновения в описываемые события и проблемы. Это не только история жизни великого ученого и прекрасного во всех отношениях человека. Здесь – история развития научных исследований в области биологии, генетики, растениеводства и других связанных с ними научных и прикладных дисциплин. Здесь – история советской науки в условиях тоталитарного диктаторского режима. Здесь – история генетики и связанных с ней наук в мировом масштабе. Здесь – поразительно емкие образы выдающихся ученых и бездарных эпигонов науки, благородных служителей науки и научных сексотов, советской номенклатуры, власть имущих преступного режима, вершителей судеб и палачей советских ученых. Здесь, если хотите, вся советская эпоха с ее утопическими домыслами и гнусной трагической реальностью.

Читая книгу, я поражаюсь обширности знаний автора во всех этих историях и проблемах, скрупулезности его описаний путешествий и исследований Вавилова, поразительной точности деталей того далекого времени. Неужели один человек может с такой глубиной понять и описать и научные, и исторические, и нравственные проблемы целой эпохи? – невольно задавался я таким вопросом. Семен Резник сделал это...

Отдельного замечания заслуживает литературный уровень книги. Мне нравится, когда исторические хроники и описания научных поисков составляются талантливым писателем – это позволяет изложить сухие факты истории и сугубо специфические проблемы науки в увлекательной художественной форме. Как говорил

классик, теория сера, но вечно зелено древо жизни – писательский ракурс позволяет преодолеть разрыв между голой фактологией истории и цветущим образом эпохи. В книге «Эта короткая жизнь» огромное число действующих лиц, и все они предстают живыми людьми со своими достоинствами и недостатками, с метаниями и сомнениями – это художественные образы, а не схемы в обрамлении своих формальных биографий.

Мастерство писателя выразилось еще и в увлекательности сюжетов книги. Уже ее начало содержит драматическую, захватывающую историю борьбы автора с чиновниками тоталитарного режима за публикацию первой книги об академике Н.И. Вавилове в серии «Жизнь замечательных людей». Драматизм повествования нарастает и достигает апогея в заключительных главах книги, где автор описывает трагическую гибель Николая Вавилова в советской

тюрьме на фоне карьерного взлета его брата Сергея Вавилова. Родные братья, выдающиеся ученые; один из них, тот, что с мировым именем, как собака, подыхает в тюрьме от издевательств и голода, а второй становится Президентом Академии наук в стране кровавого тирана, убившего его любимого старшего брата – эта реальная, непридуманная драма, пожалуй, похлеще всех шекспировских трагедий вместе взятых. Главный режиссер этого жуткого спектакля – мизантроп и садист – любил поиздеваться над своими жертвами, обожал ставить их в безнадежно унижительное положение. Трагедия братьев Вавиловых описана в книге Семена Резника с потрясающей мощью. Попытки одного из них вырваться из лап хищного зверя и нравственные терзания другого, обласканного тем самым хищным зверем и обеспеченного всеми привилегиями высшей сталинской номенклатуры, представлены на фоне гигантской трагедии народа в самые тяжелые годы его многовековой истории.

В подзаголовке книги «Николай Вавилов и его время» автор подчеркивает, что это история не только об одном выдающемся ученом. На мой читательский взгляд, это очень важное обстоятельство, выделяющее новую работу Семена Резника из серии традиционных биографий замечательных людей.

Дело в том, что в последнее время в России значительно усилилась пропаганда так называемых «достижений» советской эпохи, агрессивное обеление сталинского режима, представляемое апологетами этого убийцы и садиста как проявления русского патриотизма. Среди аргументов в защиту «сталинских достижений» часто приводятся ссылки на советскую науку – мол, что ни говори, а в Советском Союзе при Сталине наука успешно развивалась, ученых уважали и даже почитали, платили им высокую зарплату... У меня, как у профессионального научного работника, большую часть своей научной карьеры проведенного в СССР, подобные аргументы вызывают недоумение и отторжение. На заре своей научной деятельности я еще застал отголоски сталинского отношения к науке – травлю биологии, генетики, кибернетики и других современных естественных, технических и гуманитарных наук. Я не специалист в биологии, но хорошо помню, как в университете на занятиях по философии нам талдычили о зловредной идеалистической сущности буржуазного «вейсманизма-менделизма-морганизма», используя в этом прокля-

тии имена великих основоположников генетики Августа Вейсмана, Грегора Менделя и Томаса Морган. Критика генетики, как реакционной буржуазной лженауки, противостоящей истинно пролетарской мичуринской биологии, приводилась в советских школьных учебниках «Основы дарвинизма» вплоть до 1965 года.

Уже на профессиональном уровне я сталкивался с советскими запретами на кибернетику и теорию информации, которые также были объявлены буржуазными лженауками. У нас на кафедре теоретической радиотехники первые кибернетические разработки проводились едва ли не подпольно, а ленинградские ученые, открывшие секцию кибернетики при Доме ученых, считались героями. Это не тема данных коротких заметок, но в советской науке вплоть до второй половины 1980-х годов неизменно соблюдались сталинские концепции: тотальная милитаризация научных исследований и разработок, железно-занавесное отторжение от мировой науки, невозможность общения с зарубежными учеными, невозможность публикации научных результатов за рубежом и участия в международных симпозиумах, отторжение любого инакомыслия и несогласия с властью имущими, тотальная бюрократизация управления наукой и навязывание ей партийного руководства... А еще – сплошная завеса секретности, позволявшая скрывать низкий научный и технический уровень разработок и их вторичность («цельнотянутая разработка» – термин советских времен) по отношению к зарубежным образцам. Трудно было найти научно-исследовательское учреждение в области прикладной математики, физики, химии, механики, газодинамики, оптики, радиоэлектроники, автоматического управления, электротехники, информатики, вычислительной техники, приборостроения, микроэлектроники и пр., в котором все или почти все работы не были бы засекречены. Науку наводнила толпа докторов наук, профессоров и даже секретных академиков без научных трудов или с секретными, никому не доступными трудами. Результаты хорошо известны – разрушение научных школ и хроническое отставание от мирового уровня в самых современных областях науки и технологии.

Книга Семена Резника «Эта короткая жизнь» ставит жирный крест на аргументации лжепатриотов и почитателей сталинских методов руководства наукой. Да, говорит автор, были в Советском

Союзе выдающиеся и даже великие ученые в области биологии и генетики, но сталинский режим загубил их, уничтожил ростки прорывных результатов в самых многообещающих направлениях современной биологической и сельскохозяйственной науки. И это случилось, добавим мы, не только с биологией и ее выдающимся представителем академиком Николаем Вавиловым, но и с другими науками и технологиями. Это случилось с расстрелянными гениальным физиком Матвеем Бронштейном и блестящими разработчиками «Катюши» Георгием Лангемаком и Иваном Клейменовым, с сидевшими в застенках Андреем Туполевым, Сергеем Королевым и Валентином Глушко, это случилось с тысячами и тысячами талантливейших ученых, конструкторов, инженеров.

Сталинский режим унизил, опозорил и науку, и подлинных ученых. Это унижение и погром науки Семен Резник показал с мощью и блеском – в этом нетленное значение его новой книги для истории науки.

Впрочем, каждый читатель найдет в этой книге интересные лично для него страницы, ибо она талантливо многогранна и увлекательна.

Юрий Окунев – писатель, ученый в области теоретической радиотехники, автор научных монографий, книг историко-публицистического жанра и художественной прозы на русском и английском языках.

С середины 1990-х годов живет и работает в США.

Наиболее известным из литературных произведений Ю. Окунева является впервые изданная в С.-Петербурге книга исторических эссе «Ось всемирной истории». Переведенная на английский язык и изданная в США, эта книга под названием «The Axis of World History» получила награду «The National Best Book Awards» и вошла в число лучших книг США в категории «Мировая история».

Впоследствии в США и России были изданы и другие произведения автора.

В 2017 году журнал “Времена” напечатал фрагмент из нового романа Юрия Окунева «В немилости у природы». Он вышел в свет в издательстве «Алетейя» (Санкт-Петербург, Россия).

**«Не добродили по пескам,
не осознали суть пустыни...»**

**Гари Лайт «Траектории возвращений»,
(ИДБ, Киев 2017)**

Неожиданно-ожидаемыми строками начался для меня этот сборник:

Не добродили по пескам, не осознали суть пустыни...

А с чего же еще начинать траектории возвращения, как не с этой самой сути, до которой дойти невозможно. Но поэтому она и маячит, манит горизонтом и миражом, вечным внутренним камертоном, неприкаянностью и надеждой на скорое обретение дома.

Поэты – это те, кто идут по пустыне всю жизнь, а возможно, и после. По раскаленной Иудейской, или по снежной пустыне февральского Нью-Йорка, по пустыне водной глади у побережья Ки-Веста или по воздушной пустыне межатлантических перелетов, а быть может, по личной внутренней пустыне преодоления между свободой и служением, независимостью и принадлежностью чему-то большему. Поэты эту пустыню оживляют миражами образов, наполняют голосами и смыслами, собирают ее суть по песчинке. Поэты пустыню начинают и выигрывают, даже если теряют себя в ней, даже если сами становятся пустыней.

С чего они ее начинают – с пирамид или с Яра, с танков под Иловайском или на улицах Праги, с дерзкого полета над Сивцевым или медленного спуска по Андреевскому к Подолу, с первого Седера или с третьих петухов – на самом деле это неважно, ведь рифмы ведут их по надежной нити Ариадны, в самый эпицентр, в самое яблочко раздора – нам только кажется порой, что они заблудились в своих скитаниях и поисках, ненароком соединив и перемешав все точки на карте: ...должно быть, просчитались звездочеты, лишившись траектории благой, и в том не виноваты остров Крит. Париж. Москва. Чикаго. Украина ...

И поэтому пустыня для них расцветает самыми неожиданными красками, как это бывает только с пустыней и поэзией. Не случайно ведь у Гари «Звук происходит от того, что тишина крошится мелом...» – Мелом безусловно, не песком, но чувствуете как зашеве-

лились-задышали барханы? Как слова приобретают форму и объем. Поэзия Гари Лайта не просто объемна, она настолько хорошо знакома с пятым измерением, что легко выносит читателя за его пределы, в шестое, седьмое и Бог знает какое ещё... Живые слова на вес, вкус, звук и запах деликатно обнимают, обволакивают туманом, растворяют в сумерках, и легко переносят из «...города у Озера», в Город на Днепре, из детства в зрелость, из реальности в мечту и обратно. Но самое главное достоинство этих стихов в том, что они обладают особой магией – магией человечности. Мягко, совершенно незаметно они погружают в эту вселенную жизненных полуоборотов, силуэтов, взлётов, реминисценций, звёзд над океаном, полнолуния в Маленькой Гаване, и сорванного дыхания в Сорренто. Високосного февраля и весны, которой не будет. Нетронутых бокалов на подоконнике, недопитого кофе и выкуренных до фильтра сигарет. Песчинка за песчинкой – сказать об этом иначе – невозможно.

Поэзия Гари Лайта – истинная, настоящая. Она существует в каждой из этих бесконечных песчинок и увлекает читателя принять по крупицам её опыт, сочувствовать, сопереживать, танцевать и плакать, прикасаться и вздрагивать. И потом, когда-нибудь, вернуться из этой пустыни в свое только тебе предназначенное измерение, выйти в открытую теорию струн и взять в ней «...аккорд печальный и несмелый...».

Вот на этом аккорде, я, пожалуй, остановлюсь – на неопределенности и обещании. Ведь все, о чем я здесь пишу, это мой читательский опыт, мои личные траектории возвращения. А у каждого читателя они свои. И чтобы я ни написала, эта древняя, бескрайняя, опасная и завораживающая пустыня стихов ждет вас. И какие траектории прочтения возникнут для вас в этой пустыне, известно лишь Провидению, и отчасти, наверное, автору.

Лия Чернякова

Ингер Кристенсен. Две книги: «Свет» и «Трава».
Стихотворения.

Перевод с датского Марины Тюриной-Оберландер
Под общей редакцией Ларса Поульсен-Хансена
М.: «Вест-Консалтинг», 2018

Настоящее издание содержит полный поэтический перевод на русский язык двух ранних сборников стихотворений Ингер Кристенсен (1935-2009), которая по праву может считаться крупнейшим датским поэтом и вообще наиболее значительным формальным поэтом-провидцем своего поколения. (В некрологе, опубликованном в газете «Нью-Йорк Таймс» 12 января 2009 года, её называли «краугольным камнем современной скандинавской поэзии».)

Она дебютировала в начале эпохи датского модернизма, в 1962-м, книгой стихотворений «Свет», и спустя год опубликовала вторую книгу – «Трава». О стихах в «Свете» Лис Ведель Папе в антологии «Датские поэты 20 века», изданной в 2002 году, пишет: «В минималистском, часто синтаксически взломанном стиле они одновременно повествуют о сотворении мира, о близком и далёком и о попытке преодоления собственной уязвимости, основополагающей в отношениях двух сущностей одного «я» – человека и поэта».

В «Траве» стихи сплетаются в космо-циклический образ человека как естества. Они выражают органичную взаимосвязь человека и природы, а также союз жизни и смерти. Само название «Трава» ассоциируется с силой роста и неотъемлемой связью с землёй, одновременно и могилой. Смерть в книге Ингер Кристенсен есть прежде всего естественный феномен, общее условие для всего живущего, будь то растение или человек.

Ингер Кристенсен была номинирована на Нобелевскую премию по литературе. Она её не получила, о чём в международной прессе в связи с её кончиной в 2009 высказывалось сожаление. Правда, в 1970 году она удостоилась Скандинавской премии Шведской Академии, которую также называют *малой Нобелевской*, и нескольких международных премий. Она была членом Датской литературной академии, Европейской поэтической академии и Кавалером ордена Даннеброга.

Ингер Кристенсен не «чистый» модернист, и поэтому её нельзя

считать «классическим» представителем этого течения. Она слишком самобытна, оригинальна и взламывает не только его границы, но и границы жанра.

Блестящий перевод с датского Марины Тюриной-Оберландер сопровождается предисловием филолога, писателя и личного друга Ингер Кристенсен, Марие Тецлафф, и яркими иллюстрациями юного художника, Константина Фердинанда Вебер-Чубайса.

Презентации книги с успехом прошли в марте-апреле в Санкт-Петербурге и Москве.

Марина Тюрина-Оберландер получила Международную премию Леонардо.

Ингер Кристенсен

Свет

Снова узнаю
рассвет в языке
затворённые слова
данные для любви
повторяются до простого
Лебедь склоняющийся
над яйцом
ещё одно эхо
сотворения в нас
А лебедь несущий
твоё око навстречу солнцу
ещё одно
предсказание чуда

В слове удаётся
уловить свет
непостижимое тяготение
мужчины к женщине
Слово которое превращает
твою душу в лебедя
несёт запас простоты

для сотворения яйца
Язык затворённый
в яйце
несёт на крыльях
от рождения к свету
И солнце дано нам для любви

Шуршащие ноги травы

Шуршащие ноги травы
крадутся сквозь нас,
ветви елей касаются друг друга
когда тропы встречаются,
вязкая пригоревшая смола
прилепляет нас друг к другу,
жадные до лета дятлы
истово долбят
спрятанные зёрна сердец.

Ларс Поульсен-Хансен